Архангельскій Губернскій Статистическій Комитетъ.

Ломоносовскій Сборникъ.

Составленъ подъ редакціею секретаря Комитета Н. А. Голубцова.

Съ 10-ю рисунками.

АРХАНГЕЛЬСКЪ
Губернская Типографія.
1911.

„Пров 38-

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

1255
31

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Н. Голубцова 1

Родъ Ломоносова и его потомство. Н. Голубцова 30

Увѣковѣченіе памяти Ломоносова въ Архангельской губерніи. Н. Голубцова 39

Выдержки изъ сочиненій Ломоносова, касающихся сѣверныхъ морей 69

Закладныя и купчія Ломоносовыхъ 105

Выписка изъ дѣла „О иску Архангелогородскаго посаду посадскаго человѣка Ивана Федорова сына Попова на Двинскихъ земскихъ старостахъ Иванѣ Леонтьевѣ и Лукѣ Ломоносовѣ съ оцѣнки объ отдачѣ пожитковъ и деревенскихъ жеребьевъ“ 108

Выписка изъ наряда „О взысканіи данныхъ бывшему Архангелогородской портовой таможни копеисту Никитѣ Ломоносову торговымъ иноземцемъ Францемъ Фардентомъ взаимъ десяти рублевъ въ платежъ за него казенной доимки“ . . . 109

Выдержки изъ „Книги записной приходной Двинскаго уѣзда Куростровской волости выборнаго церковнаго строителя Івана Лопаткина въ церковное каменное строеніе Пресвятые Богородицы“ 111

Выдержки изъ „Тетради подрядной каменя, кирпича і дровъ Куростровской церкви церковнаго строителя Івана Лопаткина 1725 года“ 115

Договоры причта, церковнаго строителя, церковныхъ прикащиковъ и выборныхъ прихожанъ Куростровской волости съ подрядчиками о постройкѣ каменной церкви 117

Выписка изъ протокола Академіи Наукъ отъ 8 Октября 1757 г. по дѣлу о покупкѣ у куростровскаго крестьянина Осипа Дудина мамонтовой кости 120

Преданія о Ломоносовѣ на его родинѣ, въ Холмогорскомъ уѣздѣ 121

Рѣчь Архангельскаго губернатора Я. Ф. Ганскау въ общемъ собраніи Архангельской городской думы 20 Января 1825 года о пожертвованіяхъ на сооруженіе памятника Ломоносову въ г. Архангельскѣ 122

Къ біографическимъ свѣдѣніямъ о М. В. Ломоносовѣ. І. М. Сибирцева 125

Стран.

Письмо М. В. Ломоносова къ сестрѣ его Марьѣ Васильевнѣ Головиной 151

Еще одинъ документъ о Ломоносовѣ 152

Ода, говоренная при открытіи памятника М. В. Ломоносову въ г. Архангельскѣ. Сообщ. І. М. Сибирцевъ 153

Р и с у н к и:

Портретъ Ломоносова 1

М. В. Ломоносовъ по портрету, приложенному къ посмертному изданію его сочиненій 1

Мѣсто родины Ломоносова 5

Мѣсто, гдѣ находился, въ Денисовкѣ, домъ Ломоносова 5

Церковь на родинѣ Ломоносова 7

Автографы Ломоносова (до оставленія имъ родины) 9

Памятникъ на могилѣ Ломоносова, на кладбищѣ Александро-Невской лавры 29

Памятникъ Ломоносову въ г. Архангельскѣ 43

Группа на памятникѣ Ломоносова 43

Модель памятника Ломоносову, который предполагалось поставить на его родинѣ, въ с. Денисовкѣ 53

Дозв. ценз. СПБ. 10 Января 1902 г.

Экспедиція Заготовленія Государственныхъ Бумагъ

Московской здѣсь Парнассъ изобразилъ витію,
Что чистой слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію.
Что въ Римѣ Цицеронъ и что Виргилій былъ,
То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ,
Открылъ натуры храмъ богатымъ словомъ Россовъ
Примѣръ имъ остротыс въ наукахъ Ломоносовъ

М. В. Ломоносовъ, по портрету, приложенному къ посмертному собранію его сочиненій.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ.

Въ текущемъ 1911 году, 8 ноября, предстоитъ двухсотлѣтняя годовщина со дня рожденія М. В. Ломоносова. Въ виду важности предстоящаго торжественнаго праздника въ память дѣятеля слова и науки, праздника мира и просвѣщенія, въ которомъ и народъ, какъ среда, выдвинувшая этого дѣятеля, несомнѣнно, приметъ искреннее участіе, вызовемъ въ нашемъ воспоминаніи главнѣйшіе факты изъ жизни Ломоносова, при чемъ обратимъ вниманіе и на то общество и людей, среди которыхъ жилъ Ломоносовъ и которые сдѣлали его такимъ, какимъ онъ былъ.

Для насъ, архангельцевъ, съ незабвенными заслугами Ломоносова, сдѣлавшими его великимъ въ исторіи и дорогимъ для потомства, соединяется еще то воспоминаніе, что онъ былъ здѣшній уроженецъ, крестьянинъ Холмогорскаго уѣзда, деревни Денисовки. Исторіи принадлежитъ право опредѣлять значеніе всякаго крупнаго дѣятеля, на какомъ бы онъ ни былъ поприщѣ, оцѣнить его заслуги для потомства и она признала за Ломоносовымъ великое имя первоначальника русской науки и преобразователя отечественнаго языка. Въ отечественныхъ лѣтописяхъ это имя выражаетъ славнаго дѣятеля просвѣщенія, въ лицѣ котораго сосредоточились блестящія знанія стествоиспытателя, химика, физика, географа, металурга, историка, филолога, поэта. Честь наиболѣе полнаго опредѣленія значенія Ломоносова въ исторіи нашего просвѣщенія принадлежитъ К. Аксакову, который свое обширное сочиненіе о немъ заканчиваетъ слѣдующими словами: „колоссальное лицо Ломоносова, которое встрѣчаемъ въ нашей литературѣ, является не формальною, но живою точкою начала; вся наша дѣятельность, явившаяся и являющаяся и имѣющая явиться, вся примыкаетъ къ нему, какъ къ своему источнику; онъ стоитъ на границѣ двухъ сферъ, дающій новую жизнь, вводящій въ новую полную сферу. Развитіе двинулось и пошло своимъ путемъ..... и какъ бы ни пошло развитіе, онъ является, какъ давшій его..... Образъ его исполински является намъ и этотъ исполинскій образъ возвышается предъ нами во всемъ могуществѣ и силѣ генія, во всей славѣ своего подвига и безконечно будетъ онъ возвышаться, какъ безконечно его великое дѣло.“.*)

*) Ламанскій—„Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ“. С. П. Б. 1864 г. стр. 5.

Родиной Ломоносова была Двинская земля. Народонаселеніе ея состояло изъ финскихъ племенъ, смѣшанныхъ съ массами новгородскихъ и ростовскихъ выходцевъ. Подобно всѣмъ вообще колоніямъ новгородскимъ, Двинская земля рано обнаружила стремленіе къ независимости, и въ борьбѣ, начатой въ 12 вѣкѣ съ Новгородомъ, князьями суздальскими и оконченной въ 1478 году великими князьями московскими, мы не разъ встрѣчаемъ двинянъ на сторонѣ послѣднихъ, такъ что уже Новгороду приходилось усмирять ихъ силой. При паденіи Новгорода, двиняне поддались Москвѣ безъ всякаго сопротивленія, но, пользуясь отдаленностью своей страны отъ Москвы, они дольше другихъ земель сохраняли свое старое самоуправленіе. Въ этомъ отношеніи Двинская земля едва ли не болѣе другихъ уѣздовъ поморскихъ городовъ отличалась отъ прочихъ областей Московскаго государства, гдѣ въ 16 и особенно въ 17 вѣкѣ черносошныя волости, свободныя крестьянскія общины, по большей части, упразднялись: были приписываемы къ монастырямъ, обращаемы въ дворцовыя волости и еще болѣе раздаваемы въ помѣстья и вотчины. Новая власть четвертей, приказовъ, воеводъ, подрывавшая самостоятельность областей, пользовалась, сравнительно, очень слабымъ вліяніемъ на Сѣверѣ. Крепостное состояніе, такъ вредно дѣйствовавшее въ другихъ мѣстахъ на развитіе народа, въ Двинской землѣ совсѣмъ не было извѣстно. Народъ здѣсь жилъ вольно. Это были все крестьяне, съ тою только разницею, что одни были земледѣльцы, другіе—промышленники, третьи—торговцы. По замѣчанію академика К. М. Бера, „Двинская земля, въ концѣ 17 и въ началѣ 18 вѣковъ, представляла собою микрокозмъ славянскаго міра, съ исключительно ему свойственною общественною организаціею. То былъ союзъ свободныхъ общинъ, члены котораго всѣ равны между собою, всѣ имѣютъ право на пользованіе землею, не знаютъ никакихъ преимуществъ и привиллегій, никакихъ искусственныхъ перегородокъ, классовъ и сословій, всѣ носятъ одно, единственно высокопочетное названіе „крестьянъ“, т. е. христіанъ, православныхъ, крещеныхъ. Со своими сходками, обычаями, нравами, со своими оригинальными воззрѣніями они представляли тогда свой особый міръ въ государствѣ, все болѣе и болѣе устраивавшемся на иностранную ногу, съ его офиціальною безгласностью, съ вѣчнымъ вмѣшательствомъ его въ общественную жизнь, въ дѣла гражданъ, для цѣлей цивилизаціи“*).

Торговля и промыслы процвѣтали въ Двинской землѣ. Такъ, при помощи Архангельска, велись торговыя дѣла съ западомъ, съ англичанами, голландцами и нѣмцами изъ Бремена и Гамбурга. Двиняне имѣли богатые промыслы на Бѣломъ морѣ и Сѣверномъ океанѣ, ѣздили въ Норвегію, на Новую Землю и Грумантъ (Шпицбергенъ). Кромѣ того, Двинская земля находилась въ живыхъ сношеніяхъ съ средней Россіей и приуральскимъ краемъ, такъ что, не утративши старыхъ новгородскихъ преданій, она въ тоже время была проникнута

*) Ламанскій—стр. 58.

умственными и матеріальными интересами Москвы и многихъ другихъ городовъ, жители которыхъ питали такое же глубокое уваженіе къ Соловецкой обители, какъ и поморы къ святынямъ московскимъ. Народъ, развивавшійся въ такой странѣ и при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, не могъ не быть народомъ бодрымъ и нравственно-свѣжимъ. Прибавьте къ этому, что двиняне были поморы, и вотъ присоединяются еще новыя черты ихъ характера: мужество, рѣшимость, находчивость, живость, однимъ словомъ все, что необходимо для прогресса.

По замѣчанію Ламанскаго, „въ цѣлой Россіи, въ началѣ 18 вѣка, едва ли была какая иная область, кромѣ Двинской земли, съ болѣе благопріятною историческою почвою и болѣе счастливыми мѣстными условіями для произведенія такого общественнаго дѣятеля, какимъ былъ Ломоносовъ. Даже немногихъ и отрывочныхъ, дошедшихъ до насъ свѣдѣній объ его дѣтствѣ, отрочествѣ и юности слишкомъ достаточно для того, чтобы видѣть всю ложь чувствительныхъ возгласовъ и удивленій по поводу того, что изъ крестьянъ архангельскихъ могъ выйти геніальный отецъ нашей словесности, ибо вся послѣдующая дѣятельность Ломоносова собственно есть ничто иное, какъ отчетливое возведеніе въ сознаніи и формальное развитіе тѣхъ преимущественно представленій и образовъ, которые сложились въ его душѣ. Взвѣсивъ и сообразивъ эти свѣдѣнія, какъ слѣдуетъ, мы перестанемъ удивляться, какъ могъ явиться геніальный родоначальникъ нашей словесности на „пустынномъ и холодномъ Сѣверѣ“, а напротивъ, даже придемъ къ тому убѣжденію, что еще никто изъ нашихъ замѣчательнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей не испытывалъ въ своей юности такихъ богатыхъ и разнообразныхъ впечатлѣній, не подвергался такому плодотворному и живительному вліянію, какъ Ломоносовъ“*).

Ломоносовъ родился около 1711 года,**) отъ „черносошнаго“ крестьянина Куростровской волости, Холмогорскаго уѣзда, Василія Дорофеева Ломоносова и дочери дьякона изъ с. Матигоръ Елены Ивановой. Священникъ Грандилевскій, „послужившій родинѣ Ломоносова 12 лѣтъ и за это время изыскивавшій все, чѣмъ богата была она своимъ прошлымъ“, собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Куростровѣ временъ Ломоносова, которыя мы здѣсь и приводимъ въ извлеченіяхъ:

„Одна только писцовая книга Мирона Вельяминова—документъ, восходящій по своей давности къ 1623 или 1624 годамъ, проливаетъ наибольшій свѣтъ на современный Ломоносову Куростровъ.... Съ внѣшняго взгляда на этотъ документъ, можно подумать, что Куростровъ уже и въ 17 вѣкѣ представлялъ собою населеннѣйшее мѣсто, такъ какъ въ немъ насчитывалось 20 деревень, собственно ему принадлежащихъ, и сверхъ того четыре участка, прежде бывшіе подъ деревнями, но почему то опустѣвшіе..... Но, при внимательномъ разборѣ дѣла съ внутренней стороны, оказывается, что населеніе Куростров-

*) Ламанскій—стр 26—27

**) Рожденіе Ломоносова разныя свидѣтельства относятъ къ 1709, 1710, 1711, 1712 и даже къ 1715 годамъ.

ской волости было очень незначительно и что нѣкоторыя деревни, напр. Ильинская, имѣли 1 дворъ и 4 кельи нищихъ, Семеновская и Шиздезерская вмѣстѣ имѣли 3 двора и 7 тяглыхъ людей.... По общимъ очертаніямъ Куростровъ представлялъ собою круглый холмъ, возвышавшійся правильнымъ полушаріемъ надъ гладкою равниною съ сѣвера и востока и надъ излучиною р. Курополки съ юга и запада. Наивысшая точка подъемнаго холма... была увѣнчана еловою рощею и звалась „Палишинской горою“. Всѣ 20 деревень правильнымъ кольцомъ размѣщались по спуску къ подошвѣ холма, такъ что, идя изъ одной въ другую, всегда можно было придти на прежнее мѣсто съ обратной стороны... Деревни лежали группами, но, будучи растянуты по окружности холма, близко подходили одна къ другой... Высокій берегъ Курополки острымъ колѣномъ далеко вдавался къ югу и въ этой излучинѣ имѣлъ деревню, именовавшуюся Денисовкой. Въ какой нибудь сотнѣ саженъ къ востоку отъ верхняго конца Денисовки, тоже на берегу Курополки, разбросанъ былъ церковный погостъ съ двумя деревянными храмами и причтовыми домами при нихъ. По ту и другую сторону церквей берегъ рѣки былъ занятъ крестьянскими дворами, разбросанными кое какъ, безъ всякаго порядка, а позади ихъ лежала низменная болотина, вслѣдствіе чего всѣ эти дворища въ общей совокупности носили прозвище „болота“ а жители ихъ „болочанъ“.

„Мѣсто дер. Денисовской уже давно стерто весенними льдами... Но время и рѣка пощадили тотъ конечный уголокъ Денисовки, который, по направленію къ сѣверо-западу, примыкалъ къ Афанасьевской деревнѣ. Въ этомъ то пунктѣ мѣстные крестьяне и указываютъ единодушно то мѣсто, которое ознаменовалось рожденіемъ М. В. Ломоносова. Оно занимаетъ, приблизительно, полдесятины пространства и лежитъ въ плоской низминѣ, значительную часть которой занималъ широкій, естественно образовавшійся прудъ. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ послѣднимъ былъ, какъ говорятъ, домъ отца Ломоносова съ глубокимъ колодцемъ и всею вообще хозяйственною обстановкою человѣка, сравнительно предъ другими, зажиточнаго... Судя по очертаніямъ усадебнаго мѣста Ломоносова, какія показываютъ мѣстные старожилы, можно съ положительной достовѣрностью полагать, что домъ Ломоносовыхъ стоялъ на нѣкоторомъ возвышеньицѣ и фасадомъ на берегъ р. Курополки... Изъ оконъ его развертывался лѣтомъ чудный видъ на Курополку, сверкавшую надъ крутымъ обрывомъ, живописнѣйшій Нальостровъ съ его ельниками, озерами, покосами и синѣющія вдали высоты двинскихъ лѣсистыхъ береговъ. Зимою и лѣтомъ подъ окнами дома Ломоносовыхъ пролегала дорога изъ Холмогоръ въ людныя сосѣднія деревни... Этотъ пунктъ... долженъ быть признанъ за самое бойкое и веселое мѣсто въ Куростровѣ, гдѣ мѣстный житель едва-ли найдетъ достаточно основаній жаловаться на скуку*).

*) Грандилевскій, Родина Ломоносова. „Изв. Арх. Общ. изуч. Рус. Сѣв.“ 1910 г. № 11, 13.

Фото-тинто Т-ва „Образованіе".

Мѣсто, гдѣ находился, въ Денисовкѣ, домъ Ломоносова.

Въ ревизской сказкѣ отъ 1719 года мы находимъ слѣдующую запись о родѣ Ломоносовыхъ:

Лука Леонтьевъ сынъ Ломоносовъ . . . 73 лѣтъ.
У него сынъ Иванъ . . . . . 20 лѣтъ.
Его же внукъ Никита Федоровъ . . . . 18 лѣтъ.
Василій Дорофеевъ сынъ Ломоносовъ . 38 лѣтъ.
У него сынъ Михайло . . . . . 7 лѣтъ.

Василій Дорофеевъ Ломоносовъ былъ женатъ три раза. По „Извѣстію „Гурьева, земскаго въ Куростровской волости", у Василія Ломоносова жены: перваго брака, а Михаила Васильевича мать—Елена Иванова дочь, взятая Николаевской Матигорской волости бывшаго дьякона Ивана (отечества не упомнятъ), второго брака—Ѳеодора Михайлова дочь, взятая Троицкой Ухтостровской волости крестьянина Михаила Ускаго, третьяго брака—Ирина Семенова дочь, взятая бывой вотчины Антоніева-Сійскаго монастыря, Николаевской Матигорской волости крестьянина Семена Корельскаго"*).

Изъ имущественныхъ актовъ фамиліи Ломоносовыхъ, хранящихся въ Архангельскомъ городскомъ публичномъ музеѣ, видно, что Ломоносовы, какъ и очень многіе крестьяне Архангельской губерніи, владѣли землею на правахъ собственности и могли совершать на нее акты крѣпостнымъ порядкомъ. У отца Ломоносова была „владѣнія своего на Налье острову пожня сѣнныхъ покосовъ, званіемъ на Микифорковѣ", которую онъ затѣмъ продалъ крестьянину Шубному по слѣдующему „сговорному письму":

„1739 году ноября 27 дня Двинского уѣзду Куростровской волости крестьянинъ Василей Дорофеевъ сынъ Ломоносовъ далъ сие писмо до подлинной купчей крепости Двинского-ж уѣзду тое ж волости крестьянину ж Михаилу Афонасьеву сыну Шубныхъ въ такой силѣ: продалъ язъ Ломоносовъ владения своего по мирской веревной 735 году книгѣ въ Налье острову пожню свою сенныхъ покосовъ, званіемъ на Микифорковѣ, которую язъ Ломоносовъ владѣлъ всю безостатку, а цены взялъ за ту пожню язъ Ломоносовъ у него Шубного восмь рублевъ денегъ, а денги взялъ при семъ писмѣ все вручь безостатку, а в мѣжехъ та пожню с верхного конца отъ Бѣлобородовыхъ земли, с нижного конца от Пинежскихъ земли по сторону от Полкозера, а по другую сторону от Лывы, и владѣть ему Михайлу той пожней вѣчно і волно, продать і заложить і во всякие крепости крепить, а мнѣ Ломоносову и детемъ моимъ і родственникомъ в ту пожню не вступатце, в очищени тое пожню отъ всякого спору во всемъ язъ Ломоносовъ, а подати с тое пожни платить и службы служить с предбудущаго 740 году генваря с первого числа ему Шубному, а писчие и пошлину платить у крепостныхъ дѣлъ ему Михайлу Шубному, в томъ ему Шубному и сие писмо далъ. Писалъ по прошению Васильеву тое ж волости крестьянинъ Иванъ Баневъ. Къ сему писму

*) Лепехинъ. „Путешествія", стр. 302.

вмѣсто Василья Дорофеева сына Ломоносова по его прошенію успѣнежанинъ Ефимъ Христофоровъ руку приложилъ"*).

Отецъ Михаила Васильевича Ломоносова занимался преимущественно морскими рыбными промыслами и, по словамъ самого сына, „имѣлъ довольство по тамошнему состоянію".

По сообщенію нѣкоего Василія Варфоломѣева, располагавшаго, повидимому, очень цѣнными матеріалами**) о первыхъ годахъ жизни Михаила Васильевича, „отецъ его промыселъ имѣлъ на морѣ по Мурманскому берегу и въ другихъ приморскихъ мѣстахъ для лову рыбы, трески и палтосины на своихъ судахъ, изъ коихъ одно время имѣлъ немалой величины гуккоръ съ корабельною оснасткою, всегда имѣлъ въ томъ рыбномъ промыслѣ счастіе, а собою былъ простосовѣстенъ и къ сиротамъ податливъ, а съ сосѣдьми обходителенъ, только грамотѣ не ученъ***)". По свѣдѣніямъ, собраннымъ священникомъ Грандилевскимъ, Василій Дорофеевичъ былъ „крѣпкимъ труженникомъ, способнымъ вести и крестьянское хозяйство и довольно тяжелое дѣло морского промышленника. Домъ его, какъ свидѣтельствуетъ преданіе, представлялъ собою полную чашу. Помимо дворового скота, имѣлъ онъ и дворовую птицу... Такая постановка хозяйства, очень рѣдкостная въ Холмогорахъ даже нынѣ, тогда могла составлять положительное чудо... Мало того, онъ не упустилъ изъ виду и другую выгоду своей, залитой водою, усадьбы. Изъ пруда была проведена имъ канава въ рѣку для обмѣна воды, протекавшей въ прудъ, и кстати для осушки довольно топкой болотины, окружавшей его домъ. Получивъ свѣжую воду въ прудѣ, Василій Дорофеевичъ сталъ разводить и держать въ немъ рыбу, при чемъ, для загражденія выхода къ рѣкѣ, имѣлась желѣзная рѣшетка, вмѣсто плетня или частокола. Мѣстное преданіе, довольно категорически подтверждающее этотъ единственный образчикъ рыбнаго хозяйства въ Холмогорахъ, послѣ того никогда и нигдѣ тамъ не наблюдавшійся, было бы въ нѣкоторой степени слабо достовѣрнымъ, если бы о немъ говорили только однѣ книжки или мѣстные разсказчики..... но нашелся въ 1865 году, усиліями извѣстнаго П. Ефименки, такой аргументъ, который положительно увѣряетъ въ дѣйствительности только что приведеннаго указанія... Покопавшись уже въ засоренномъ грунтѣ и найдя точное мѣсто наибо-

*) Фамильныя бумаги Ломоносовыхъ.—„Записка объ Арх. Гор. Пуб. Музеѣ" 1910 г. стр. 33.

**) Въ основу разсказа В. Варфоломѣева, повидимому, легли сообщенія Куростровца Федора Пятухина На это предположеніе наводитъ слѣдующая фраза Варфоломѣева. „которому Пятухину онъ (т. е. М. В. Ломоносовъ) о состояніи своемъ и гдѣ какъ находился, самолично разсказывалъ".. (Лепехинъ „Путешествія", стр. 300). Кромѣ того, Варфоломѣеву едвали не помогалъ, при составленіи записки его, холмогорскій крестьянинъ Степанъ Кочневъ, который и передалъ записку Варфоломѣева академику Лепехину „Іюля 9 дня 1788 года" (Лепехинъ стр. 298). По свѣдѣніямъ, собраннымъ П. С. Ефименкомъ, „Степанъ Кочневъ пользовался особеннымъ расположеніемъ своего земляка М. В. Ломоносова и славился кораблестроеніемъ... За успѣшное кораблестроеніе ему была пожалована Императоромъ Александромъ I золотая медаль, для ношенія на шеѣ." („Арх. Губ. Вѣдом." 1868 г. № 12).

***) Записка Варфоломѣева о первыхъ годахъ жизни М. В. Ломоносова,—Лепехинъ—„Путешествія" стр. 298—299.

Фото-тинто Т-ва „Образованіе“.

Церковь на родинѣ ЛОМОНОСОВА.

лѣе глубокой части пруда (въ той мѣстности, гдѣ находилась усадьба Ломоносова), Ефименко нашелъ желѣзную рѣшетку и начало когда-то заграждаемой ею канавы".*) При своей духовной разносторонности, Василій Дорофеевичъ пользовался значительнымъ вліяніемъ среди своихъ сообщественниковъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ сборѣ пожертвованій на устройство каменной Куростровской церкви. Это видно изъ „Книги записной приходной Двинского уѣзда Куростровской волости выборного церковного строителя Івана Лопаткина въ церковное каменное строеніе Пресвятыя Богородицы 1725 г.", гдѣ имѣются, между прочимъ, слѣдующія записи:

„1727 г. Декабря 26 дня. Высыпано із запечатаннаго ящика въ трапезѣ, при священникахъ и примирскихъ людехъ, рубль девять алтынъ, въ которой ящикъ у города на лодьяхъ збиралъ Василей Ломоносовъ съ товарищемъ. Іванъ Лопаткинъ принялъ" (18 л.).

„1728 г. Генваря 15 дня Куростровской волости крестьянинъ Василей Дорофеевъ сынъ Ломоносовъ обѣщалъ въ церковное каменное строение дать десять рублевъ денегъ[1]). Подписалъ по Васильеву велѣнью тояжъ волости церковной дьячекъ Семенъ Сабельниковъ. Іванъ Лопаткинъ принялъ" (л. 18 на обор.).

„1732 года въ разные числа тоежъ Куростровской волости у женъ собрано, которыя обѣщали въ церковное строеніе въ прошломъ 730 году, будучи въ домѣ у Василья Ломоносова на обѣдѣ, а имянно: священника Стефана жена Анна десять копеекъ, Якова Рычкова жена Елена—десять копеекъ, Якова Степанова Дьячкова жена Анна—десять копеекъ, вдова Ѳеодора бывшаго Данила Бѣлобородова жена—пять коп., Ѳедора Зеленкова жена Ирина—пять коп., Осипа Рязанова жена Евдокія—пять копеекъ, Василья Шангина жена Екатерина—десять копеекъ, чухченемца Венедикта Шестакова жена Марья—десять коп. и всего по сей статьѣ собрано двадцать одинъ алтынъ четыре денги. Іванъ Лопаткинъ принялъ". (л. 68).[2])

Свѣдѣнія на счетъ первоначальнаго обученія Михаила Васильевича Ломоносова, вообще, очень сбивчивы. По однимъ, онъ научился грамотѣ у сельскаго дьячка, по другимъ, первымъ его учителемъ былъ куростровскій крестьянинъ Иванъ Шубный, отецъ извѣстнаго скульптора Федота Ивановича Шубина. Есть и такое предположеніе, что Михаила Ломоносова познакомила съ грамотой родная мать его Елена Иванова. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно одно, что въ

*) Грандилевскій. „Родина Ломоносова" И. А. О. И. Р С. № 13 1910 г.

1) 10 рублей по тогдашнему времени составляли очень большую сумму. Тотъ же В. Д. Ломоносовъ продаетъ крестьянину Шубному цѣлую пожню „сѣнныхъ покосовъ званіемъ на Микифорковѣ" только лишь за 8 рублей.

2) Въ числѣ жертвователей на постройку каменной церкви въ Куростровѣ была и жена В. Д. Ломоносова Ирина Семеновна, какъ это видно изъ слѣдующей записи церковнаго строителя Ивана Лопаткина: Того-жъ дня (1731 года февраля 20 дня) куростровца Василья Ломоносова жена Ірина по усердію своему обѣщаетъ построить окончину в каменную церковь в нижное окно с сѣверную сторону. У Ірины окончина принята и поставлена в помянутое окно". (Книга записная приходная Двинского уѣзда Куростровской волости выборного церковного строителя Івана Лопаткина"... л. 42).

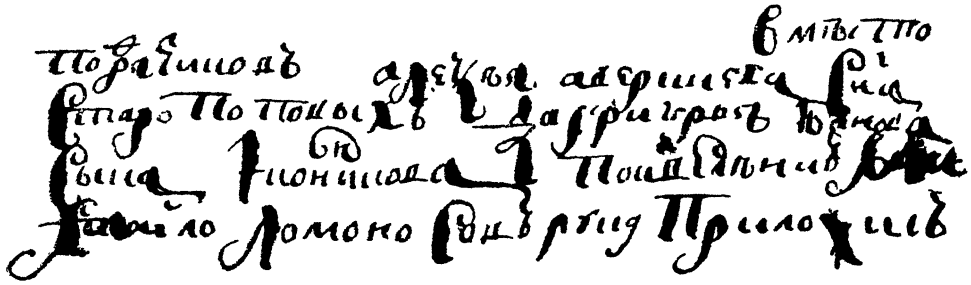
1726 году, т. е. въ возрастѣ 15—14 лѣтъ, Ломоносовъ умѣлъ уже порядочно писать, такъ какъ отъ этого года имѣется въ рукописномъ собраніи Архангельскаго городского музея собственноручная росписка Михаила Васильевича за подрядчика по постройкѣ Куростровской церкви Петра Некрасова въ полученіи трехъ рублей.

По сообщенію цитированнаго уже нами Варфоломѣева, Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, „не учась еще россійской грамотѣ, ходилъ неоднократно на море, а какъ пришелъ съ моря уже взрослой, вознамѣрился учиться россійской грамотѣ и обучилъ его той же деревни Куростровской волости крестьянинъ Иванъ Шубной... и обучился въ короткое время совершенно, охочъ былъ читать въ церкви псалмы и каноны и по здѣшнему обычаю житія святыхъ, напечатанныя въ прологахъ, и въ томъ былъ проворенъ, а при томъ имѣлъ у себя глубокую память. Когда какое житіе или слово прочитаетъ, послѣ пѣнія разсказывалъ сѣдящимъ въ трапезѣ старичкамъ сокращеннѣе на словяхъ обстоятельно“*). Съ любовію къ чтенію книгъ Михаилъ Васильевичъ не могъ не соединять такой же охоты къ слушанію разсказовъ стариковъ и людей бывалыхъ. Судя по тому, что еще во многихъ мѣстахъ современнаго Поморья свѣжо сохранилась народная старина, съ увѣренностью можно заключить, что въ началѣ 18 столѣтія въ немъ жило множество пѣсенъ, былинъ, сказокъ и различныхъ народныхъ преданій. Во времена Ломоносова въ Двинской землѣ, безъ сомнѣнія, еще сохранились преданія о борьбѣ славянской стихіи съ финскою, о кіевскихъ и новгородскихъ богатыряхъ, объ Иванѣ Грозномъ, о господинѣ Великомъ Новгородѣ, о Марфѣ Посадницѣ, имѣвшей здѣсь свои помѣстья, о митрополитѣ Филиппѣ. Среди земляковъ Ломоносова были еще живы старики, знакомые со смутами по дѣлу патріарха Никона, съ осадой Соловецкой и стрѣлецкими бунтами. Между земляками его, вѣроятно, были и поклонники „страдальцевъ соловецкихъ“, съ энтузіазмомъ горячей вѣры всюду проповѣдывавшіе о „новопрозябшихъ многосмущенныхъ новинахъ“ и утверждавшіе людей въ „древле-отеческомъ православіи“. О царѣ Петрѣ Ломоносовъ слыхалъ самые разнообразные толки: съ одной стороны безпоповцы величали его антихристомъ, а съ другой, приходилось слышать любовные разсказы о его простомъ обращеніи съ народомъ, о его неутомимой дѣятельности въ сосѣдней Вавчугѣ, въ Холмогорахъ, Архангельскѣ, гдѣ онъ разъ прожилъ болѣе шести недѣль и собственными руками заложилъ корабль въ Соломбалѣ. Ломоносовъ еще юношею зналъ многихъ почитателей памяти Петра, которые не могли безъ особеннаго волненія и гордости вспоминать о первомъ царѣ, посѣтившемъ ихъ край и такъ любившемъ ихъ морской промыселъ. Все это не могло не имѣть вліянія на даровитаго юношу и, взволновавъ его душу сомнѣніями, должно было разбудить дотолѣ спавшія въ немъ силы, развить въ немъ наблюдательность, привычку къ анализу.

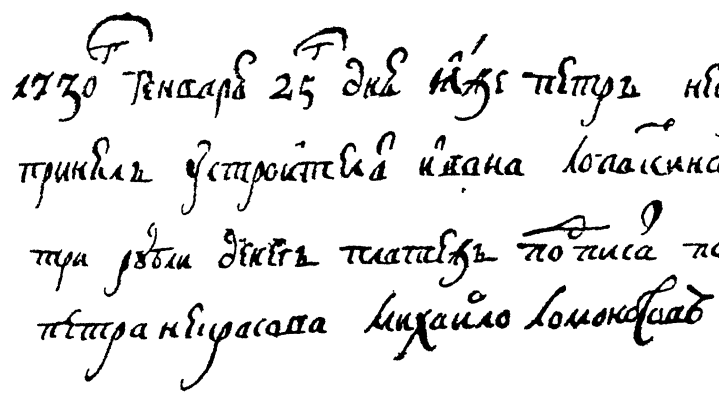
*) Лепехинъ „Путешествія“, стр. 299.

Автографы М. В. Ломоносова

(до оставленія имъ родины).



Росписка отъ 4 февраля 1726 года за подрядчиковъ Алексѣя Аверкіева Старопоповыхъ и Григорья Иванова Иконникова.



Росписка отъ 25 января 1730 года за подрядчика Петра Некрасова.

По сообщеніямъ нѣкоторыхъ біографовъ Ломоносова, грамота на первыхъ порахъ чуть было не принесла ему и вреда. Михайло 12 лѣтъ былъ увлеченъ въ расколъ, въ безпоповщину, исполненную духа крайняго отрицанія, отвергавшую іерархію, бракъ, проклинавшую царей Алексѣя, Федора и Петра, проповѣдывавшую появленіе антихриста. Неизвѣстно, долго ли Михайло оставался въ расколѣ, съ вѣроятностью, однако, можно предположить, что вліяніе матери и ея родныхъ, свѣтлыя преданія о Петрѣ Великомъ, живо сохранившіяся въ сосѣдствѣ, въ селѣ Вавчугѣ и въ Холмогорахъ, много содѣйствовали его выходу изъ раскола. Но его ученіе не могло не имѣть вліянія на даровитаго мальчика... Дерзость прежняго отрицанія и добровольный сознательный переходъ въ православіе должны были утвердить въ геніальномъ юношѣ крѣпость нравственныхъ убѣжденій, вселить въ немъ всегдашнюю готовность и рѣшимость жертвовать всѣмъ для высшихъ цѣлей духа*). По мнѣнію Ламанскаго, еще „въ Ломоносовѣ крестьянинѣ зародилась та пламенная любовь къ Петру Великому, которою онъ такъ отличался впослѣдствіи.... Нельзя, кажется, сомнѣваться, что въ слѣдующихъ стихахъ своей поэмы „Петръ Великій“ Ломоносовъ выразилъ тѣ чувства и представленія, которыя не разъ смутно овладѣвали его душой, когда онъ еще былъ крестьяниномъ:

Монархъ нашъ отъ Москвы простеръ свой быстрый ходъ
Къ любезнымъ берегамъ полночныхъ бѣлыхъ водъ...
О, коль ты счастлива, великая Двина,
Что славнымъ шествіемъ его освящена!..
Ты тѣмъ всѣхъ выше рѣкъ, что устьями своими
Сливаясь въ сонмъ единъ со безднами морскими,
Открыла посреди играющихъ валовъ
Другихъ всѣхъ прежде струй пучинѣ зракъ Петровъ.
О, холмы красные и островы зелены,
Какъ радовались вы, симъ счастьемъ восхищены!
Что поздно я на васъ, что поздно я рожденъ
И тѣмъ великаго веселія лишенъ,
Не зрѣлъ, какъ онъ сіялъ величествомъ надъ вами
И шествовалъ по вамъ предъ новыми полками,
Какъ новы крѣпости и новы корабли,
Ужасные врагамъ въ волнахъ и на земли
Смотрѣлъ и утверждалъ противу ихъ набѣгу,
Грозящему бѣдой архангельскому брегу...

Вы слышите въ этихъ стихахъ искреннее чувство мѣстнаго областного духа, какую то гордость своимъ краемъ, какое то предпочтеніе его другимъ областямъ Россіи**)“.

Пылкій душою, съ ранняго дѣтства знакомый съ разсказами о промыслахъ на морѣ, Михаилъ Васильевичъ не могъ не привязаться къ трудамъ отца, который рано сталъ брать его съ собою на промыс-

*) Ламанскій, стр. 28.
**) Ламанскій, стр. 35.

лы. Въ превосходномъ на малоизвѣстномъ у насъ сочиненіи „Краткое описаніе разныхъ путешествій по Сѣвернымъ морямъ“ Ломоносовъ однажды упоминаетъ объ этихъ плаваніяхъ. Говоря о направленіи вѣтровъ, дующихъ въ сѣверныхъ поморскихъ земляхъ, онъ прибавляетъ „съ весны до половины мая господствуютъ тамъ вѣтры больше отъ сѣвера, что мнѣ искусствомъ, (т. е. на опытѣ) пять разъ извѣдать случилось, ибо отъ города Архангельскаго до становища Кекурскаго всего пути едва не семьсотъ верстъ, скорѣе около онаго времени не поспѣвалъ, какъ въ четыре недѣли, а одинъ разъ и шесть недѣль на одну ѣзду положено за противными вѣтрами отъ Нордъ-Оста. Около Иванова и Петрова дни, по большей части случаются вѣтры отъ полудни и имъ побочные и простираются до половины Іюля, а иногда и до Ильина дни.... Сіе примѣтилъ я и по всему берегу Нормандскаго моря, отъ Святого Носа до Кильдина острова*). Эти плаванія, вѣчные разговоры о морѣ, разсказы стариковъ мореходовъ объ ихъ приключеніяхъ были для Ломоносова превосходною школою, воспитавшею въ немъ будущаго физика и географа. Излагая впослѣдствіи свои теоріи электричества, сѣверныхъ сіяній, образованія земной коры, Ломоносовъ говоритъ между прочимъ: „оныя искры, которыя за кормой выскакиваютъ, повидимому, тоже происхожденіе имѣютъ съ сѣвернымъ сіяніемъ. Многократно въ Сѣверномъ океанѣ, около 70 градусовъ ширины, я примѣтилъ, что оныя искры круглы“... „Проѣзжая неоднократно Гессенское ландграфство, примѣтить мнѣ случилось между Касселемъ и Марбургомъ ровное песчаное мѣсто, горизонтальное, луговое; кромѣ того, что занято невысокими горками или буграми...., кои обросли мелкимъ скуднымъ лѣскомъ, и то больше по подолу, при коемъ лежитъ великое множество мелкихъ цѣлыхъ и ломаныхъ морскихъ раковинъ, въ вохрѣ соединенныхъ. Смотря на сіе мѣсто и вспомнивъ многіе отмелые берега Бѣлаго моря и Сѣвернаго океана, когда они во время отлива наружу выходятъ, не могъ себѣ представить ничего подобнѣе, какъ сіи двѣ части земной поверхности, въ разныхъ обстоятельствахъ, т. е. одну въ морѣ, другую на возвышенной матерой землѣ лежащую... Тутъ бугры, скудные прозябеніемъ на песчаномъ горизонтальномъ полѣ, тамъ голыя каменныя луды на равнинѣ песчанаго дна морского. Здѣсь ржавою землею соединенныя въ подолѣ черепокожныя, тамъ держащіяся за обсохлую туру и за самый камень морскія раковины**).

Подъ вліяніемъ разсказовъ о подвигахъ мореходцевъ-поморовъ на Новой Землѣ и Грумантѣ, Ломоносовъ всю жизнь томился страстнымъ безпокойнымъ желаніемъ открыть Сѣвернымъ океаномъ новыя земли, усовершенствовать искусство мореплаванія. Еще въ 1747 году писалъ онъ (въ 8-й одѣ):

Се мрачной вѣчности запону,
Надежда отверзаетъ намъ.

*) Ламанскій, „Мих. Вас. Ломоносовъ“, стр. 29.
**) Ламанскій, стр. 30.

Гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ,
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ,
Тамъ влажный флота путь бѣлѣетъ
И море тщится уступить:
Колумбъ россійскій черезъ воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы...

Въ 1752 году Ломоносовъ снова высказываетъ это желаніе въ одѣ II-й:

Напрасно строгая природа
Отъ насъ скрываетъ мѣсто входа
Съ береговъ вечернихъ на востокъ.
Я вижу умными очами:
Колумбъ россійскій между льдами
Спѣшитъ и презираетъ рокъ*).

Въ своемъ „Проектѣ Сѣверной экспедиціи“ Ломоносовъ вполнѣ раскрываетъ свою энергическую поморскую природу, тоскующую отъ равнодушія современниковъ къ морскимъ путешествіямъ: „Жалѣніе о людяхъ много чувствительнѣе, нежели о иждивеніи. Однако поставимъ въ сравненіе пользу и славу отечества: для пріобрѣтенія малаго лоскута земли, или для одного только честолюбія посылаютъ на смерть многія тысячи народа, цѣлыя арміи, то здѣсь ли должно жалѣть около ста человѣкъ, гдѣ пріобрѣсти можно цѣлыя земли въ другихъ частяхъ свѣта, для расширенія мореплаванія, купечества, могущества, для государственной и государской славы?.. Если же толикая слава сердецъ нашихъ не движетъ, то подвигнуть должно нареканіе отъ всей Европы, что имѣя Сибирскаго океана оба концы и цѣлый берегъ въ своей власти, не боясь никакого препятствія въ поискахъ отъ непріятеля и положивъ на то уже знатныя иждивенія съ добрыми успѣхами, оставляемъ все втуне, не пользуемся божескимъ благословеніемъ, которое лежитъ въ глазахъ нашихъ и въ рукахъ тщетно, и содержа флоты на великомъ иждивеніи, всему государству чувствительномъ, не употребляемъ въ пользу, ниже во время мира оставляемъ корабли и снаряды въ жертву тлѣнія, и людей, къ трудамъ опредѣленныхъ, преданіемъ унынію, ослабленію и забвенію ихъ искусства и должности**).

Итакъ, созерцанія величавыхъ явленій сѣверной природы, морскія плаванія, постоянное обращеніе съ мореходами, словомъ, всѣ дѣтскія, отроческія и юношескія впечатлѣнія, представленія и опыты Ломоносова были, такъ сказать, зародышами, которые созрѣли въ немъ впослѣдствіи, при соприкосновеніи его съ западной образованностью, при формальномъ его развитіи, и выродились въ замѣчательныя теоріи: о теплѣ и стужѣ, объ образованіи льдовъ, о дѣйствіяхъ внутренняго подземнаго огня, о возможности проникнуть Сѣвернымъ океаномъ въ Америку, теоріи электричества, магнетизма и т. п., ча-

*) Ламанскій. стр. 30—31.
**) Ламанскій, стр. 31—32.

сто весьма ошибочныя и во всякомъ случаѣ теперь устарѣлыя, но безспорно имѣющія важное историческое значеніе и свидѣтельствующія о несомнѣнномъ великомъ дарованіи Ломоносова, какъ естествоиспытателя*). Съ другой стороны, деревенская жизнь Ломоносова, его морскія плаванія, борьба съ суровою природою, тяжелыя физическія лишенія, съ которыми неразлучна жизнь морскихъ промышленниковъ, не только развили въ немъ необычайныя физическія, но и нравственныя силы, закалили его характеръ и развили въ немъ ту благородную упрямку, которую онъ выказалъ впослѣдствіи въ борьбѣ съ дурными обстоятельствами, ожидавшими его на другихъ поприщахъ.—

Въ своихъ поѣздкахъ для промысла Ломоносовъ имѣлъ возможность познакомиться съ бытомъ и нравами нашихъ сѣверныхъ инородцевъ· лопарей, самоѣдовъ, зырянъ и, быть можетъ, отчасти даже и съ ихъ нарѣчіями. Это знакомство отразилось на филологическихъ и историческихъ трудахъ Ломоносова, гдѣ онъ мѣтко указывалъ на значеніе финской стихіи въ Россіи и положительно высказалъ мнѣніе о родствѣ мадьяръ съ чудью. Онъ говорилъ· „не должно сомнѣваться о единоплеменствѣ жителей Венгріи съ чудью, разсудивъ одно только сходство ихъ языка съ чудскими діалектами“. „Эсты, ливы, ижера, карелы, лопари, черемисы, мордва, зыряне говорятъ языками не мало сходными между собою, которые хотя и во многомъ разнятся, однако довольно показываютъ происхожденіе свое отъ одного начала“*). Поѣздки Ломоносова въ Холмогоры и Архангельскъ также должны были производить на него глубокое впечатлѣніе, быть можетъ, не менѣе, чѣмъ на самого Петра, въ которомъ видъ Архангельска въ 1693—1694 годахъ не могъ не возбудить сильнаго желанія съѣздить въ Европу. Архангельскъ въ лѣтнее время, когда и бывалъ въ немъ Ломоносовъ, былъ всегда необыкновенно оживленъ Къ Маргаритинской ярмаркѣ (въ августѣ и сентябрѣ) приходило къ Архангельску до 100 кораблей голландскихъ, англійскихъ, гамбургскихъ, бременскихъ съ разными произведеніями европейской промышленности. Въ теченіе 1668—1684 г.г. для складовъ товаровъ русскихъ и заграничныхъ, выстроено было, по приказанію царя Алексѣя Михайловича, огромное каменное зданіе, болѣе версты въ окружности, съ валомъ, палисадомъ, съ башнями и бойницами со стороны Двины. Внутри находились кладовыя, съѣзжая изба и острогъ, а по сторонамъ гостинные дворы: на правой сторонѣ отъ Двины—русскій, на лѣвой—нѣмецкій. По мнѣнію Ламанскаго, „въ Архангельскѣ, слѣдовательно еще крестьяниномъ, наглядно ознакомился Ломоносовъ съ нѣкоторыми результатами науки и плодами образованности. Онъ видалъ довольно близко жизнь тамошнихъ иностранцевъ, понималъ вмѣстѣ съ своими земляками ихъ хорошія стороны, цѣнилъ ихъ умъ, знаніе, трудолюбіе и образованность, но узналъ въ тоже время и дурныя стороны, за которыя давно уже упрекали ихъ поморы и всѣ русскіе, имѣв-

*) Ламанскій, стр. 32.
*) Ламанскій, стр. 36.

шіе съ ними какія либо дѣла: ихъ корпоративный духъ, исключительное національное и цеховое направленіе... Итакъ, ненависть Ломоносова, академика и гражданина, къ владычеству иностранцевъ, нѣмцевъ могла зачаться въ немъ еще на родинѣ, точно также, какъ и любовь къ знанію, уваженіе къ западной образованности, которыми всегда отличался Ломоносовъ въ оцѣнкѣ заслугъ иностранцевъ"*).

Не послѣднее вліяніе на Ломоносова имѣло и чтеніе церковныхъ книгъ. Онъ еще крестьяниномъ зналъ наизусть большую часть церковныхъ пѣснопѣній, каноны Іоанна Дамаскина и проч., и это знакомство съ церковно-славянскимъ языкомъ много помогло ему впослѣдствіи при составленіи грамматики и отдѣленіи русскаго языка отъ церковно-славянскаго. Онъ самъ впослѣдствіи говорилъ: „разсудивъ пользу отъ книгъ церковныхъ славянскихъ на россійскомъ языкѣ, всѣмъ любителямъ отечественнаго слова безпристрастно объявляю и дружелюбно совѣтую, увѣрясь собственнымъ своимъ искусствомъ (т. е. опытомъ), дабы съ прилежаніемъ чигали всѣ церковныя книги"**) Кромѣ церковныхъ книгъ, въ бытность Ломоносова еще дома, учебными пособіями его были: грамматика Мелетія Смотрицкаго, псалтирь Симеона Полоцкаго и ариѳметика Магницкаго. Знакомство съ этими книгами не могло пройти безслѣдно для Ломоносова. По словамъ Ламанскаго „въ особенности огромное вліяніе имѣло на Ломоносова переложеніе псалмовъ Симеона Полоцкаго.... Псалтирь была долгое время учителемъ и воспитателемъ одного изъ геніальнѣйшихъ людей. Ломоносовъ зачитывался ею, училъ ее наизусть... Съ его развитіемъ, которому она много содѣйствовала, росло самое значеніе книги. Ломоносовъ, конечно, потомъ чигалъ и находилъ въ ней то, чего никогда не бывало ни на умѣ, ни въ душѣ Симеона Полоцкаго. Нельзя также безъ особенной благодарности и уваженія вспоминать о книгѣ Магницкаго... Большой томъ въ листъ, въ нѣсколько сотъ страницъ, эта книга представляетъ родъ энциклопедіи... По приноровленности къ русскимъ потребностямъ, по характеру изложенія и языка, ариѳметика Магницкаго, замѣняющая собою и геометрію, и физику, и географію, стоитъ неизмѣримо выше множества позднѣйшихъ нашихъ учебниковъ... Не трудно себѣ представить, какое вліяніе должна была имѣть на Ломоносова книга Магницкаго, въ которой встрѣчаются слѣдующія главы и статьи: „О земномъ общеразмѣреніи и яже къ мореплаванію принадлежитъ", „О полуденномъ колеси и линіи", „Таблица о склоненіи магнита", „Таблица склоненія солнечнаго", „О количествѣ дне различныхъ мѣстъ и о раздѣленіи всего земноводнаго глобуса на климаты", „О именованіи климатъ сѣверныхъ", „Каталогъ сіе есть описаніе мѣстъ и градовъ", „О изобрѣтеніи времене наводненія морского нѣкіихъ поморскихъ мѣстъ" и проч.***).

Въ Холмогорахъ, гдѣ въ то время находилась архіепископская каѳедра, Ломоносовъ могъ встрѣчаться съ людьми изъ духовнаго зва-

*) Ламанскій, стр. 36—37.
**) Ламанскій, стр. 38.
***) Ламанскій, стр. 39—42.

нія, весьма свѣдующими по тогдашнему времени и отъ нихъ получить вышеуказанныя книги. Извѣстно, что тогдашній Холмогорскій архіепископъ Варнава Волотковскій, обучавшійся въ Кіевской духовной академіи, стремился къ просвѣщенію своей паствы, и, конечно, былъ окруженъ людьми не невѣжественными. Мы знаемъ, что первый учитель Холмогорской Славенской школы[1]), іеромонахъ Викторъ былъ родомъ изъ Малороссіи, откуда въ то время являлись лучшіе просвѣтители. Что можетъ быть правдоподобнѣе, какъ предположить вліяніе подобнаго лица на Ломоносова? А что у Ломоносова были въ Холмогорахъ знакомые и даже покровители, это ясно изъ того, что, по сообщенію Варфоломѣева, Ломоносовъ, уходя въ Москву, „взялъ себѣ паспортъ не явнымъ образомъ, посредствомъ управляющаго тогда въ Холмогорахъ земскія дѣла Ивана Васильевича Милюкова“*).

Съ тѣхъ поръ, какъ пріобрѣлъ Ломоносовъ книги Полоцкаго и Магницкаго, онъ уже просиживалъ надъ ними по зимамъ цѣлые дни. Москва, къ которой издавна тянуло Поморье, какъ къ своему духовному средоточію, все болѣе и болѣе занимала теперь его помыслы. Дома, въ деревнѣ, онъ уже не находилъ прежнихъ радостей. Мать его умерла и отецъ женился на другой. Мачеха, по словамъ самого Ломоносова, „злая и завистливая, всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу по-пустому за книгами. Для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ и терпѣть стужу и голодъ, пока ушелъ въ Спасскія школы“*). Отецъ Ломоносова тѣмъ легче поддавался навѣтамъ жены, что и безъ того былъ сердитъ на сына за то, что тотъ отказывался жениться на найденной

---

[1]) Нужно замѣтить, что извѣстный русскій классикъ Муравьевъ сообщаетъ о Ломоносовѣ такой фактъ, который многимъ не извѣстенъ, а именно, что будто тотъ, между прочимъ, обучался въ г. Холмогорахъ въ существовавшей здѣсь съ 1723 года Славенской школѣ. (Сочиненія Муравьева, т. 2, стр. 327). Упомянутый писатель не указываетъ источника, изъ котораго взято имъ проводимое извѣстіе. По мнѣнію П. С. Ефименко, интересное сообщеніе Муравьева довольно правдоподобно. Правда, Славенская школа предназначалась собственно для священно-церковнослужительскихъ дѣтей „въ надежду священства и причетническихъ мѣстъ“, такъ, что, по правиламъ ея, Ломоносову, какъ сыну крестьянина, трудно было поступить туда. Но это обстоятельство, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не отыщется самый списокъ, учениковъ первыхъ лѣтъ, не должно служить рѣшительнымъ опроверженіемъ свѣдѣнія, сообщаемаго Муравьевымъ. Въ дѣйствительности это обстоятельство могло быть обойдено просьба отца Ломоносова, человѣка богатаго и то обстоятельство, что его мать была духовнаго происхожденія, могли преодолѣть это препятствіе. Изъ подлинныхъ документовъ того времени извѣстно, съ какимъ усердіемъ вербовали тогда учениковъ во вновь открытую школу. Забирали дѣтей не только священниковъ и причетниковъ, но и трапезниковъ, т. е. церковныхъ сторожей и звонарей, выбранныхъ на время изъ среды крестьянъ, братьевъ причетниковъ и пр. Если Ломоносовъ дѣйствительно обучался въ Славенской школѣ, то ему при его способностяхъ не трудно было усвоить весь кругъ преподаваемыхъ предметовъ, такъ что онъ могъ чрезъ какой нибудь годъ оставить школу, съ желаніемъ дальнѣйшаго образованія, которое бы его удовлетворяло болѣе, нежели Славенская школа („Извѣстія объ обученіи М. В. Ломоносова въ Славенской школѣ въ Холмогорахъ“, Арх. Губ. Вѣд. 1869 г., № 5).

*) Лепехинъ, „Путешествія“, стр. 299.

**) Ламанскій, стр. 43.

для него невѣстѣ въ Колѣ у „неподлаго“ человѣка*), должно быть изъ духовныхъ или приказныхъ. Кажется, до конца жизни Ломоносовъ не могъ равнодушно вспоминать объ этихъ принужденіяхъ и всегда питалъ глубокую ненависть къ насильственнымъ бракамъ. Съ живѣйшимъ негодованіемъ говорилъ Ломоносовъ въ своей запискѣ „О размноженіи и сохраненіи россійскаго народа“ о слишкомъ раннихъ насильственныхъ бракахъ: „Хотя жъ по деревнямъ и показываютъ причины, что женятъ малыхъ ребятъ для работницъ, однако все пустошь, затѣмъ, что ежели кто семью малую, а много пашенъ или скота имѣетъ, тотъ найми работниковъ, прими третьщиковъ или половинщиковъ или продай излишне другому“... „Для того должно вѣнчающимъ священникамъ накрѣпко подтвердить, что они, услышавъ гдѣ о невольномъ сочетаніи, онаго не допускали, и не вѣнчали подъ опасеніемъ лишенія чина. Жениха бы и невѣсту не тогда только для виду спрашивали, когда они уже приведены въ церковь къ вѣнчанію, но нѣсколько прежде“**).

Вѣчные наговоры мачехи и попреки отца, желавшаго видѣть своего сына поскорѣе женатымъ, все болѣе и болѣе становились Михаилу Васильевичу невыносимыми***). Съ одной стороны, за него, единственнаго сына зажиточнаго крестьянина, парня умнаго, смирнаго, красиваго съ радостью пошла бы любая дѣвка въ околоткѣ, „хорошіе отцы охотно выдавали своихъ дочерей“, а съ другой, Михайлу больше всего на свѣтѣ занимали книги, послушаться отца, жениться и остаться навсегда въ средѣ жителей Денисовки—это значило для Ломоносова отказаться отъ главной своей задачи въ жизни, отречься отъ своихъ задушевныхъ желаній, похоронить навсегда свои лучшія мечты и надежды. При такихъ обстоятельствахъ внутренній голосъ, „демонъ“ Ломоносова, давно уже недававшій ему покоя, манившій его куда то вдаль, обѣщавшій ему славное будущее, рѣшительно заставляетъ его покинуть деревню, отца, товарищей, друзей, могилу матери—все, что было на родинѣ дорогого для него. Онъ уходитъ въ Москву, о которой уже давно мечталъ, знакомый съ нею изъ разсказовъ живавшихъ въ ней земляковъ, изъ своихъ любимыхъ книгъ. Онъ ушелъ изъ дому, какъ часто уходили на Руси избранные люди, которымъ дома становилось тѣсно, какъ за сто лѣтъ до него ушелъ изъ села Вельдеманова, Нижегородской губерніи, такой же крестьянскій

---

*) По сообщенію Варфоломѣева, „когда подросъ (Ломоносовъ) близъ двадцати лѣтъ, то въ одно время отецъ его сговорилъ было въ Колѣ у неподлаго человѣка взять за него дочь, однако онъ тутъ жениться не похотѣлъ, притворилъ себѣ болѣзнь и потому того совершенно не было“. (Записка Варфоломѣева о первыхъ годахъ жизни Ломоносова—„Путешествія“ Лепехина, стр. 299).

**) Ламанскій, стр. 43.

***) Здѣсь можно отмѣтить, что въ рукописномъ собраніи Архангельскаго Епархіальнаго Древнехранилища имѣется исповѣдная вѣдомость по Холмогорскому соборному приходу отъ 1728 года, въ которой, противъ именъ отца М. В. Ломоносова и мачехи его Ирины замѣчено, что они исполнили долгъ исповѣди; противъ же имени самого М. В. сказано, что онъ не былъ на исповѣди „по нерадѣнію“. При религіозности М. В. Ломоносова, о которой говорятъ всѣ его біографы, этотъ фактъ нехожденія на исповѣдь по нерадѣнію трудно объяснимъ.

сынъ Никита (впослѣдствіи патріархъ Никонъ) отъ козней мачехи и изъ любви къ книгамъ*).

Объ оставленіи Ломоносовымъ родины сохранились до настоящаго времени слѣдующія указанія документальнаго характера:

1) Въ книгѣ для записи поручителей въ платежѣ податей по Куростровской волости, отысканной въ 1865 г. и въ настоящее время, повидимому, затерянной, содержалось такое сообщеніе: „1730 года декабря 7 дня отпущенъ Михайло Васильевъ сынъ Ломоносовъ къ Москвѣ и къ морю до сентября мѣсяца предбудущаго 731 года, а порукою по немъ въ платежѣ подушныхъ денегъ Иванъ Баневъ росписался“**).

2) Въ запискѣ Варфоломѣева о первыхъ годахъ жизни Ломоносова сообщается слѣдующее: „Взялъ себѣ онъ пашпортъ не явнымъ образомъ посредствомъ управляющаго тогда въ Холмогорахъ земскія дѣла Ивана Васильевича Милюкова, съ которымъ, выпросивъ у сосѣда своего Фомы Шубнаго китаечное полукавтанье и заимообразно три рубля денегъ, не сказавъ своимъ домашнимъ, ушелъ въ путь до Антоніева-Сійскаго монастыря, въ разстояніи отъ Холмогоръ по Петербургскому тракту во стѣ верстахъ, былъ въ ономъ нѣкоторое время, отправлялъ псаломническую должность, заложилъ тутъ взятое имъ у Фомы Шубнаго полукавтанье мужику Емчанину, котораго послѣ выкупить уже не удалось, ушелъ оттолѣ въ Москву“***).

3) Въ „Извѣстіи Гурьева, Земскаго въ Куростровской волости, человѣка разумнаго и престарѣлаго“, сообщается, что за „просрочку даннаго ему Михайлу Васильевичу 1730 г. пашпорта и неявившагося на срокъ, приказомъ тогдашняго ревизора Лермантова показанъ онъ въ бѣгахъ, того ради изъ подушнаго оклада и выключенъ. А платежъ подушныхъ денегъ за душу Михайла Ломоносова производилъ по смерти отца его, со второй 741 года до второй же 747 года половины, изъ мирской общей той Куростровской волости отъ крестьянъ суммы. Побѣгъ Ломоносова означенъ въ ревизіонной скаскѣ по прошествіи срока, даннаго ему въ 1730 году пашпорта“****).

Въ Москвѣ Ломоносовъ, при помощи добраго земляка, имѣвшаго знакомыхъ между монахами, сначала поступилъ въ цифирную школу на Сухаревой башнѣ. Врядъ ли эта школа могла имѣть большое вліяніе на Ломоносова, такъ какъ въ ней обучали только грамотѣ, цифири и начальнымъ основаніямъ геометріи, да и Ломоносовъ пробылъ въ ней недолго. Онъ обманомъ, назвавшись поповскимъ (а по другимъ свѣдѣніямъ—дворянскимъ) сыномъ, поступилъ въ Спасскія школы, т. е. въ Заиконоспасское училище[1]). Есть извѣстіе, что впо-

*) Ламанскій, стр. 44.
**) О Ломоносовѣ—Труды Арх. Губ. Стат. Ком. за 1869 г., кн. I, стр. VII.
***) Лепехинъ,—„Путешествія“, стр. 300.
****) Лепехинъ, „Путешествія“, стр. 302.

[1]) Нужно замѣтить, что въ то время крестьяне не принимались въ Заиконоспасское училище, ибо 7 Іюня 1728 г. послѣдовалъ указъ Святѣйшаго Синода, чтобы „помѣщиковыхъ людей и кростьянскихъ дѣтей, также непонятныхъ и злонравныхъ отъ помянутой школы отрѣшить и впредь таковыхъ не принимать (Ламанскій, стр. 54).

слѣдствіи Ломоносовъ самъ признался въ своемъ обманѣ знаменитому новгородскому архіепископу Феофану Прокоповичу, который и оказалъ ему свою защиту. Въ отношеніи учебнаго курса Заиконоспасское училище раздѣлялось на отдѣленія: низшее и высшее. Въ первомъ ученики изучали языки: латинскій, греческій и славянскій, проходили катихизисъ и пріучались къ нотному пѣнію. Въ 5 классѣ низшаго отдѣленія изучали піитику, т. е. строеніе стиховъ, преимущественно латинскихъ, а также, отчасти, и славянскихъ. Въ 6 классѣ, которымъ заканчивалось низшее отдѣленіе, преподавали риторику. Въ этой наукѣ главное вниманіе было обращено на искусство сочинять разнаго рода рѣчи, бывшія тогда въ большомъ ходу и почетѣ. Такъ, въ риторикѣ содержались правила, какъ похвалить зданіе, поле, рѣку и т. п. При похвалѣ зданія, слѣдовало хвалить мѣстоположеніе, улицу, вицъ, обширность крыльца и сѣней, ширину и высоту, красоту спальни, драгоцѣнность дерева и проч. Риторикою составленъ былъ цѣлый списокъ существительныхъ и прилагательныхъ именъ, служащихъ къ похвалѣ или порицанію, цѣлый наборъ словъ и выраженій, относящихся къ украшенію рѣчи. Второе отдѣленіе училища состояло изъ двухъ классовъ: философіи и богословія. Въ первомъ не только не проходились Спиноза и Лейбницъ, но даже и Декартъ. Преподавателямъ не страннымъ казалось, напр., въ главѣ о душѣ толковать и о волосахъ, потому что признавали нужнымъ опредѣлить, есть ли въ волосахъ жизненная сила, отчего у женщины не растетъ борода и проч. Въ изслѣдованіи о какомъ либо богословскомъ вопросѣ главное вниманіе обращаемо было не на сущность дѣла, а на то, чтобы все изслѣдованіе было расположено въ извѣстномъ порядкѣ. Въ началѣ ставился вопросъ, потомъ опредѣленіе главныхъ понятій въ вопросѣ, далѣе отвѣтъ, который также состоялъ изъ нѣсколькихъ положеній, на каждое изъ коихъ приводилось доказательство изъ Священнаго Писанія и мнѣній схоластическихъ богослововъ, затѣмъ слѣдовали возраженія, опять-таки, взятыя не всегда изъ одного только Священ. Писанія, а часто придуманныя самими богословами. Возраженія заключались отвѣтами. Такая схоластичность преподаванія пріучала только къ усвоенію буквы, а не духа науки, углубляла умъ въ безполезныя діалектическія тонкости. Характеръ собственно воспитанія въ школѣ былъ также неудовлетворителенъ. Казенные ученики получали весьма скудное содержаніе (а именно алтынъ въ день на все). Помѣщались всѣ ученики въ одномъ грязномъ домѣ, безъ порядочнаго надзора. Масса учащихся и недостатокъ хорошаго вліянія со стороны преподавателей были причиною многихъ шалостей, за которыя наказывали жестоко. Побой, розги, стояніе на колѣняхъ съ поднятымъ кверху тяжелымъ камнемъ въ рукѣ, шелепы, плети и карцерное заключеніе на недѣлю,—вотъ наказанія, употреблявшіяся въ тѣ времена. Въ такое то училище обманомъ, какъ мы уже сказали, и поступилъ Ломоносовъ. Начальство изъ милости дало ему „платье сермяжнаго сукна черкасскаго покрою“, уже прослужившее два года, да пару

рубахъ. Трудна была жизнь Ломоносова въ бурсѣ и нужно было много желанія учиться, чтобы не вернуться домой. „Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, говорилъ самъ Ломоносовъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолимую силу имѣли. Съ одной стороны отецъ, никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны—несказанная бѣдность: имѣя алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ за денежку хлѣба и на денежку квасу, прочее—на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что, зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою бытность тамъ предлагали. Съ другой стороны школьники, малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри-де какой болванъ, лѣтъ въ двадцать, пришелъ латыни учиться“ *). Пребываніе Ломоносова въ Заиконоспасской школѣ было полезно для него тѣмъ, что онъ хорошо выучился по латыни, основательно освоился съ Священнымъ Писаніемъ и имѣлъ случай прочесть въ училищной библіотекѣ старинные сборники, хронографы, лѣтописи, а также близко ознакомиться съ римской литературой, и твореніями св. отцевъ. Въ этой же библіотекѣ онъ познакомился съ нѣкоторыми физико-математическими сочиненіями, которыя возбудили въ немъ охоту къ изученію естественныхъ наукъ. Въ Заиконоспасскомъ училищѣ Ломоносовъ также учился по-гречески, но степень его познаній въ языкѣ греческомъ неизвѣстна, ибо этотъ предметъ вообще былъ въ совершенномъ пренебреженіи: въ училищѣ царила польская іезуитская латынь, съ іезуитскою же системою воспитанія. По словамъ Ламанскаго, „за особенное счастье должно почитать, что судьба не дозволила Ломоносову пробыть въ этихъ школахъ болѣе пяти лѣтъ. Ихъ мудрость доставалась дорого, годы ученія распредѣлялись въ нихъ такимъ образомъ: курсъ богословія продолжался четыре года, философіи—два года, риторики—два года и синтаксиса—годъ. Время перевода изъ курса въ курсъ зависѣло отъ успѣха учениковъ и немногіе могли окончить курсъ по прошествіи 12 или 13 лѣтъ. Исторія училища считаетъ въ своихъ лѣтописяхъ такія безобразныя явленія, какъ, напримѣръ, воспитанниковъ: Чепелева, который съ 1736 г. по 1750 годъ дошелъ только до философскаго курса, или Ушакова, который обучался „наукамъ“ двадцать лѣтъ... Невольно овладѣваетъ вами ужасъ при мысли, сколько забито способностей, сколько потрачено даромъ здоровыхъ, свѣжихъ силъ **).

*) Ламанскій, стр. 63.

**) Ламанскій, стр. 60—61.

До насъ дошли отъ того времени вирши Ломоносова, сложенные имъ по поводу одного его проступка (Calculus dictus), заслужившаго ему наказаніе:

Услыхали мухи
Медовые духи,
Прилетѣвши, сѣли,
Въ радости запѣли.
Егда стали ясти,
Попали въ напасти:
Увязли бо ноги,
Ахъ! плачутъ убоги,
Меду полизали,
А сами пропали.

Учитель остался доволенъ этими стихами и сдѣлалъ на нихъ надпись: Pulchre.

Существуетъ предположеніе, что въ этотъ періодъ своей жизни Ломоносовъ побывалъ въ Кіевѣ, въ тамошней академіи. Въ архивѣ Кіевской духовной академіи нѣтъ никакихъ слѣдовъ о пребываніи здѣсь Ломоносова, но описаніе днѣпровскихъ береговъ въ „Идилліи Полидоръ“ (1750 г.) свидѣтельствуетъ о живыхъ впечатлѣніяхъ Ломоносова отъ „тихаго Днѣпра“, который „въ себѣ изображаетъ ивы, что густо по крутымъ краямъ его растутъ“, поэтъ упоминаетъ также воловъ, соловья, свирѣлки пастуховъ, днѣпровскіе пороги и проч. По сообщенію Ламанскаго, въ вопросѣ о пребываніи Ломоносова въ Кіевѣ „вѣрно только, что въ тамошней академіи онъ не нашелъ, чего искалъ, и, кажется, въ 1735 году онъ возвратился въ Москву. Но за то, въ бытность свою въ Кіевѣ, онъ имѣлъ случай основательно выучиться польскому языку... Вообще, это путешествіе было въ высшей степени полезно для Ломоносова въ отношеніи филологическомъ и историческомъ, давши ему возможность произвесть много живыхъ наблюденій надъ русскою народностью и стариною, надъ малороссійскимъ нарѣчіемъ и говорами великороссіянъ. Въ Кіевѣ постоянно проживали въ то время, какъ торговцы или какъ воспитанники академіи, наши южные соплеменники и единовѣрцы,—болгары и сербы. Чрезъ разсказы ихъ онъ могъ нѣсколько ознакомиться съ южными славянами. Впослѣдствіи онъ принималъ въ ихъ судьбѣ живое участіе. Кажется, ему даже мелькала мысль объ общемъ языкѣ для всѣхъ славянъ*)“.

Въ бытность свою въ Москвѣ, Ломоносовъ не прерывалъ связей съ своими земляками. Одинъ куростровецъ, Федоръ Пятухинъ, ежегодно ѣздилъ въ Москву, постоянно видался съ Ломоносовымъ и помогалъ ему деньгами, „коихъ и задавалъ ему до семи рублей, а получилъ отъ него при отъѣздѣ его за море въ Санктпетербургѣ“**).

*) Ламанскій, стр. 65—66.

**) Лепехинъ. Записка Варфоломѣева о первыхъ годахъ жизни Ломоносова. Стр. 300.

Въ 1735 году Ломоносова хотѣли постричь и отправить священникомъ въ Карелу. „Однако онъ въ духовной чинъ не похотѣлъ и отозвался“*). Въ томъ же году Петербургская академія наукъ прислала требованіе выслать 12 способныхъ семинаристовъ для обученія математикѣ и физикѣ. Между посланными былъ и Ломоносовъ изъ класса философіи. Въ началѣ января 1736 года „истребованные школьники“ прибыли въ Петербургъ и, по словамъ самого Ломоносова, „содержаны были сперва въ довольной пищѣ.. а потомъ были оставлены безъ призрѣнія; готовый столъ и квартира пресѣклись и бѣдные скитались не малое время въ подлости.“**) Ломоносовъ прожилъ въ Петербургѣ болѣе семи мѣсяцевъ и его студенчество оставило въ немъ тяжелыя воспоминанія объ академическихъ порядкахъ. Впослѣдствіи, разбирая академическій регламентъ, онъ замѣчалъ: „О награжденіяхъ и штрафахъ ничего не помѣщено; дѣлаютъ, какъ хотятъ. Штрафуютъ студентовъ подло. Примѣры здѣшніе. Мой примѣръ въ студентахъ“***). Въ 1736 году президентъ Петербургской академіи, баронъ Корфъ, по совѣту саксонскаго горнаго совѣтника во Фрейбергѣ Генкеля, послалъ трехъ студентовъ, въ томъ числѣ и Ломоносова, въ Германію въ Марбургскій университетъ. Объ этомъ самъ Ломоносовъ говорилъ впослѣдствіи слѣдующее: „19 марта объявлено студентамъ Ломоносову и Виноградову, что они отправляются, по имянному указу, въ Германію... для обученія натуральной исторіи, и съ того времени взяты на отпускъ опредѣленныя изъ Статсъ-Конторы на содержаніе ихъ съ третьимъ тысячу двѣсти рублевъ на годъ, кои тогда же и употреблены были на академическія и другія нужды, за недостаткомъ денегъ въ академіи, а отправляющіеся вышеписанные студенты и съ ними Густавъ Рейзеръ, бывшаго тогда Беръ-Коллегіи совѣтника Рейзера сынъ, принуждены были ожидать своего отправленія до осени, въ коемъ пути, будучи четыре недѣли на морѣ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ едва не потонули... Отправленные въ Германію трое вышепоказанные студенты, пріѣхавъ въ городъ Марбургъ, обучались у славнаго профессора Вольфа математики и физики, а химіи начало положили у другихъ. И двое россійскихъ обучались нѣмецкому языку и въ французскомъ положили начало“***).

Ломоносовъ въ Германіи много работалъ и его тамошніе успѣхи истинно изумительны. Въ мартѣ 1739 года онъ написалъ для академіи одну диссертацію по физикѣ на латинскомъ языкѣ, изъ которой видна уже большая начитанность Ломоносова въ трудахъ иностранныхъ ученыхъ. Кромѣ того, въ ней попадаются уже нѣкоторыя оригинальныя мысли, которыя впослѣдствіи были подробно развиты въ его

*) Лепехинъ, стр. 300.

**) Ламанскій Ломоносовъ и Петербургская академія наукъ. Москва. 1865 года, стр. 30.

***) Ламанскій. „Мих. Вас. Ломоносовъ“, стр. 93.

****) „Краткая исторія о поведеніи академической канцеляріи“, написанная рукою Ломоносова и представляющая почти автобіографію Ломоносова, какъ академика. Ламанскій, „Ломоносовъ и Петербургская академія“, стр. 30–31.

научныхъ сочиненіяхъ. Вообще, путешествіе Ломоносова за границу было въ высшей степени полезно для него и вмѣстѣ съ тѣмъ для русскаго просвѣщенія тѣмъ, что дало ему возможность не только изучить науки, о которыхъ не имѣли понятія его учителя въ Москвѣ и Кіевѣ—имъ онъ могъ, пожалуй, научиться и въ Петербургѣ, хотя, разумѣется, гораздо съ большимъ трудомъ—но, главнѣйшее, освободиться отъ ненависти къ нѣмцамъ, которую онъ, справедливо питалъ къ нимъ, вмѣстѣ съ русскимъ народомъ, будучи прежде знакомъ съ нѣмецкою народностью только по русскимъ нѣмцамъ. Ломоносову преимущественно понравились въ Германіи обширныя учебныя средства и пособія, распространеніе грамотности въ народѣ, образованность тамошняго духовенства. Свѣтило Марбургскаго университета—математикъ и философъ Вольфъ внушилъ Ломоносову такое къ себѣ уваженіе, что онъ до конца жизни называлъ его своимъ благодѣтелемъ*).

Кромѣ Вольфа на Ломоносова имѣла, конечно, вліяніе и жизнь студентовъ въ Марбургѣ, главными чертами которой были веселье, шумъ и пьянство. Въ Германіи Ломоносовъ начинаетъ баловать, какъ почти всякій русскій, который такъ легко портится вдали отъ родины. Изъ донесеній Вольфа въ Петербургъ видно, что Ломоносовъ любилъ гулянки, входилъ въ долги и волочился за нѣмками. Впрочемъ Вольфъ, жалуясь на поведеніе русскихъ студентовъ, всегда выдѣлялъ Ломоносова, то отзываясь съ похвалою объ его дарованіяхъ, то замѣчая, что онъ привыкаетъ къ болѣе мягкимъ нравамъ и начинаетъ исправляться, много работаетъ, изъявляетъ раскаяніе о своихъ долгахъ. Вольфъ сохранилъ о Ломоносовѣ одну любопытную подробность. Въ письмѣ своемъ къ барону Корфу отъ 1 августа 1739 года онъ разсказываетъ, что при отъѣздѣ отъ него русскіе студенты увѣряли его, что они измѣнятъ свое поведеніе, что ихъ не узнаетъ самъ Вольфъ, когда они снова воротятся въ Марбургъ. „Я говорилъ имъ, прибавляетъ Вольфъ, что они должны загладить свое прежнее поведеніе передъ вашимъ превосходительствомъ и академіею наукъ, что обо мнѣ имъ нечего особенно заботиться; при этомъ, въ особенности, Ломоносовъ не могъ произнести ни слова отъ слезъ и волненія.“**)

Въ нѣмецкомъ студенчествѣ Ломоносовъ нашелъ и то увлеченіе поэзіей, которое выразилось въ двухъ одахъ, присланныхъ имъ изъ за границы въ академію наукъ: въ 1738 году „Ода Фенелона“ и въ 1739 году „Ода на взятіе Хотина“ (къ послѣдней Ломоносовъ приложилъ „Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства“). Эти двѣ оды, несмотря на ихъ громадное значеніе въ исторіи русской поэзіи, не были въ свое время напечатаны и послужили только для академіи наукъ доказательствомъ литературныхъ способностей Ломоносова. Между тѣмъ, съ „Оды на взятіе Хотина“ и „Письма о правилахъ россійскаго стихосложенія“ начинается исторія нашей новой поэзіи,

*) Ламанскій, стр. 94, 96.

**) Ламанскій стр. 100 101.

гдѣ версификація основывается на свойствахъ русскаго языка, на силѣ ударенй, а не на долготѣ слоговъ, какъ было ранѣе.

Въ Марбургѣ, въ 1740 году (6 іюня), Ломоносовъ вступилъ въ бракъ по лютеранскому обряду съ Елизаветою-Христиною Цильхъ, дочерью умершаго члена городской управы. Тамъ же родилась у него дочь Елена. Изъ Марбурга Ломоносовъ съ товарищами отправился во Фрейбергъ, къ горному совѣтнику Генкелю, у котораго пробылъ 10 мѣсяцевъ. Объ этомъ періодѣ своей жизни самъ Ломоносовъ писалъ впослѣдствіи слѣдующее: „Между тѣмъ трое вышепоказанные студенты, для весьма неисправной пересылки денегъ на содержаніе, претерпѣвали нужду и просили въ долги, хотя Шумахеръ получалъ на нихъ опредѣленную изъ Статсъ-Конторы сумму, тысячу двѣсти рублевъ, впередъ на цѣлый годъ. Отправленнымъ имъ изъ Марбурга во Фрейбергъ, для обученія рудныхъ дѣлъ, опредѣлилъ жалованья только по полтораста рублевъ. Обѣщанныя напередъ тамошнему совѣтнику Генкелю за обученіе ихъ химіи тысячи рублевъ не прислалъ же. Почему Генкель присылаемыя студентамъ на содержаніе деньги сталъ удерживать за собой, чево они не могли больше вытерпѣть и стали просить своего пропитанія, требуя справедливости. Но онъ съ великою запальчивостью въ деньгахъ отказавъ, ихъ вонъ отъ себя выслалъ. Въ таковыхъ обстоятельствахъ Ломоносовъ отъѣхалъ въ Марбургъ къ Вольфу, какъ къ своему благодѣтелю и учителю, Рейзеръ и Виноградовъ, долго скитаясь, наконецъ нашли покровительство у графа Кейзерлига, который ихъ и снабдѣвалъ нѣсколько времени. Между тѣмъ присылка на содержаніе студентовъ въ Германіи совсѣмъ пресѣклась, и Рейзеръ, чрезъ отца своего, исходатайствовалъ, что деньги на содержаніе двоихъ стали пересылаться изъ Бергъ-Коллегіи исправно даже до ихъ возвращенія. Ломоносовъ писалъ въ академію изъ Марбурга о своемъ возвращеніи, и черезъ годъ на проѣздъ и на платежъ долговъ получилъ токмо сто рублевъ, и выѣхалъ, за Вольфовымъ поручительствомъ, въ отечество“*). На дорогѣ въ Голландію, говорятъ, попался онъ въ руки прусскимъ вербовщикамъ солдатъ, которые подпоили его и у пьянаго вынудили согласіе на поступленіе въ прусскую службу. Ломоносовъ попалъ въ крѣпость Везель, но оттуда бѣжалъ, добрался до Голландіи и, послѣ многихъ затрудненій, вернулся въ 1841 году въ Петербургъ, въ академію. Возвращеніе Ломоносова совпало со смертью его отца, который лѣтомъ 1741 года, отправившись на промыслы, утонулъ въ морѣ, имѣя около 60 лѣтъ отъ роду. По собственнымъ словамъ Ломоносова, возвратившись въ Петербургъ онъ „подалъ добрыя свидѣтельства о своихъ успѣхахъ и специмины въ академію, кои весьма отъ собранія одобрены. Но произведенъ не такъ, какъ обѣщано ему при отъѣздѣ, въ экстра-ординарные профессоры, но по прошествіи полугода въ адъюнкты... физическаго класса на жалованье по 360

*) „Краткая исторія о поведеніи академической канцеляріи“. Ламанскій. Ломоносовъ и Петербургская академія наукъ“, стр. 31—32.

рублевъ“.*) Товарищество по службѣ у Ломоносова было плохое. Профессора академіи были все чинолюбивые нѣмцы того времени—филистеры; любовію Россіи и желаніемъ принести ей пользу не отличались, не отличались даже и мягкостью нрава: случалось, что изъ за пустяковъ происходили драки между почтенными академиками, такъ напр. между Делилемъ, Крафтомъ и Гейнзіусомъ на обсерваторіи, и между Юнкеромъ и Вейтбрехтомъ въ залѣ конференціи. Съ русскими учениками изъ дворянъ нѣмецкіе академики обходились всегда очень почтительно; русскихъ же гимназистовъ и студентовъ не изъ благородныхъ, но большей части, держали въ черномъ тѣлѣ. Учили студентовъ очень мало и очень плохо, что происходило и изъ нежеланія добра русскимъ и отъ незнанія профессорами русскаго языка. Долго служившій въ академіи Сергѣй Волчковъ въ жалобѣ своей Сенату на притѣсненія профессора Тауберта (1761 г.) говоритъ, между прочимъ; „Россійскихъ студентовъ профессора весьма мало учатъ, какъ то профессора астрономіи: Делиль, Гмелинъ, и друг. многіе дѣлали, одинъ другого незнаніемъ упрекая, письменные его труды ругаетъ, а особливо россійскихъ людей ненавидя гонятъ и такъ у нихъ къ пользѣ россійскаго народа ничего знатнаго въ печать не выходитъ“**). Сумароковъ въ своемъ журналѣ „Трудолюбивая пчела“ точно также обличалъ эту нѣмецкую исключительность Петербургской академіи. Въ статьѣ своей „Сонъ“ онъ представляетъ „челобитную россійскихъ музъ на иноплеменниковъ“, которые „о томъ только пекутся, чтобы мы, россійскія музы, въ нашемъ искусствѣ никакого не имѣли успѣха, что бы они учеными, а сыны россійскіе невѣждами почитались“...***)

Понятно, что Ломоносовъ, какъ человѣкъ, горячо любившій науку, и патріотъ, не могъ сочувственно относиться къ такимъ товарищамъ по службѣ. Нѣкоторыя выходки Ломоносова противъ своихъ ученыхъ собратій были довольно грубы, но мы не должны забывать, что въ то время и между самими нѣмецкими профессорами онѣ были не въ рѣдкость, а потому простительны и Ломоносову, тѣмъ болѣе, что предшествовавшая его жизнь и дома и въ академіи и за границей была не такого рода, что бы могла придать внѣшній лоскъ и развить мягкость въ характерѣ.

Въ 1745 году, по отъѣздѣ проф. Гмелина за границу, Ломоносовъ былъ сдѣланъ профессоромъ химіи. Назначеніе это совпало съ пріѣздомъ жены Ломоносова изъ-за границы. Съ этого времени начинается болѣе обезпеченная и спокойная жизнь Ломоносова среди научныхъ трудовъ, литературныхъ занятій и лучшихъ общественныхъ отношеній. Въ 1745 году онъ хлопочетъ о разрѣшеніи читать публичныя лекціи на русскомъ языкѣ, въ 1746 году—о наборѣ сту-

*) „Краткая исторія о поведеніи академической канцеляріи“. Ламанскій, стр. 32.

**) Ламанскій, стр. 89.

***) Ламанскій „Мих Вас. Ломоносовъ“, стр. 88—89.

дентовъ изъ семинарій, объ умноженіи переводныхъ книгъ, о практическомъ приложеніи естественныхъ наукъ и проч. Съ 1747 года, кромѣ торжественныхъ одъ, Ломоносовъ долженъ былъ составлять стихотворныя надписи на иллюминаціи и фейерверки, на спускъ кораблей, маскарады, даже писать по заказу трагедіи („Темира и Селимъ“ 1750 г., „Демофонтъ“ 1752 г.). Около 1750 года Ломоносовъ особенно былъ занятъ мазаикой, стекланными и бисерными заводами, и въ 1753 году получилъ привиллегію на основаніе такихъ заводовъ. Въ томъ же году ему было пожаловано 211 душъ съ землей въ Каморскомъ уѣздѣ. Въ 1757 году Ломоносовъ сдѣлался членомъ академической канцеляріи и получилъ участіе въ управленіи академическими дѣлами. Въ 1759 году онъ занимался устройствомъ академической гимназіи и составленіемъ устава для нея и университета при академіи, при чемъ всѣми силами отстаивалъ права низшихъ сословій на образованіе. Въ то же время Ломоносовъ занимался по географическому департаменту собираніемъ свѣдѣній о Россіи. Дѣятельность свою Ломоносовъ характеризовалъ самъ въ 1753 году, въ письмѣ къ Шувалову, слѣдующимъ образомъ: „ежели кто, по своей профессіи и должности, читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публичныя рѣчи и дистертаціи, и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и проекты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ и исторію своего отечества и долженъ еще на срокъ поставить, отъ того я ничего требовать не имѣю и готовъ бы съ охотою имѣть терпѣніе, когда бы только что путное родилось“.*) Результатомъ такой неутомимой дѣятельности Ломоносова были слѣдующіе, наиболѣе замѣчательные труды, располагаемые въ хронологическомъ порядкѣ:

Въ 1743 году сочинилъ онъ двѣ лучшія свои оды. „Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія“ и „Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ“.

Въ 1747 году, по поводу утвержденія императрицей Елизаветой новаго устава для академіи и новыхъ штатовъ, написалъ знаменитую оду, начинающуюся извѣстными стихами: „Царей и царствъ земныхъ отрада, возлюбленная тишина, блаженство селъ, градовъ ограда, коль ты полезна и красна“.

Въ 1748 году издалъ первую на русскомъ языкѣ риторику, воспользовавшись не только старыми латинскими риториками Кауссина и Помея, но и современными ему работами Готшеда и Вольфа.

Въ 1749 году, въ торжественномъ собраніи академіи наукъ, произнесъ „Слово похвальное имератрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ“.

Въ 1751 году сочинилъ „россійскую рѣчь ученой матеріи“, выбравъ предметомъ „Слово о пользѣ химіи“.

Въ 1753 году написалъ „Письмо о пользѣ стекла“ и „Слово о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ“.

---

*) „Большая Энциклопедія“, т. 12, стр. 298.

Въ 1755 году издалъ „Россійскую грамматику“, „Слово похвальное государю императору Петру Великому“ и „Письмо о сѣверномъ ходу въ Остъ-Индію Сибирскимъ океаномъ“ (не дошло до насъ).

Въ 1756 году написалъ „Слово о происхожденіи свѣта, новую теорію о цвѣтахъ представляющее“.

Въ 1757 году написалъ „Слово о рожденіи металловъ отъ трясенія земли“ и „Гимнъ бородѣ“ и издалъ разсужденіе „О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ“.

Въ 1759 году написалъ разсужденіе „О большей точности морского пути“.

Въ 1760 году издалъ „Краткій Россійскій лѣтописецъ съ родословіемъ“.

Въ 1760—1761 годахъ издалъ неоконченную героическую поэму „Петръ Великій“.

Въ 1761 году написалъ знаменитое письмо „О сохраненіи и размноженіи Россійскаго народа“. (появившееся въ печати въ полномъ видѣ только въ 1871 году) и слово „Явленіе Венеры на солнцѣ наблюденное“.

Въ 1762 году написалъ „Оду на восшествіе на престолъ императрицы Екатерины 2-й.

Въ 1763 году составилъ „Краткое описаніе разныхъ путешествій по сѣвернымъ морямъ и показаніе возможнаго проходу Сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію.“*) Затѣмъ издалъ „Первыя основанія металлургіи“.

Въ 1764 году составилъ: 1) „Примѣрную инструкцію морскимъ командующимъ офицерамъ, отправляющимся къ поисканію на востокъ Сѣвернымъ Сибирскимъ океаномъ“**); 2) Прибавленія 1-е и 2-е. „сочиненныя по новымъ извѣстіямъ промышленниковъ съ острововъ Американскихъ и по выспросу компанейщиковъ Снѣгирева и Буренина о возможности и выгодѣ пройти полярнымъ моремъ“***). Въ томъ же году составилъ „Краткую исторію о поведеніи академической канцеляріи въ разсужденіи ученыхъ людей съ начала сего корпуса до нынѣшняго времени“ (она представляетъ собою почти автобіографію Ломоносова, какъ академика).

Въ 1765 году началъ печатать „Древнюю Россійскую исторію отъ начала Россійскаго народа до кончины Ярослава I или до 1054 года.

Во всѣхъ этихъ разнообразныхъ по содержанію произведеніяхъ Ломоносовъ является. 1) ученымъ и поэтомъ вмѣстѣ, но съ преобладаніемъ перваго, 2) ученымъ, горячо желающимъ провести науку въ жизнь народа дорогой для него родины, требовавшимъ отъ науки не одного только отвлеченнаго знанія, но и пользы, и 3) дѣятелемъ, возстававшимъ противъ застоя въ жизни.

---

*) Напечатано въ 1847 году и 2-ое изд.—въ 1854 году, подъ заглавіемъ „Проэктъ Ломоносова и экспедиція Чичагова“.

**) Издана въ 1854 году, подъ заглавіемъ „Инструкція Чичагову“.

***) Оба прибавленія вошли въ книгу „Проэктъ Ломоносова и экспедиція Чичагова“.

Наука для Ломоносова всегда была на первомъ планѣ. Въ ней онъ видѣлъ зерно прогресса, ее то онъ хотѣлъ проводить въ жизнь, для чего и излагалъ ее общедоступно, между прочимъ, въ одахъ. По многимъ отраслямъ знаній въ Россіи до Ломоносова почти ничего не было сдѣлано, такъ что онъ является не продолжателемъ, а созидателемъ наукъ. Кромѣ того, создавая науку, онъ долженъ былъ создавать самыя формы для нея, такъ какъ и онѣ не были еще установлены. До Ломоносова литературный языкъ представлялъ собою пеструю смѣсь изъ выраженій русскихъ, польскихъ и южно-русскихъ Ломоносовъ, въ своихъ произведеніяхъ: „Разсужденіе о пользѣ книгъ церковныхъ“ и „Грамматикѣ“, первый противопоставилъ этому наплыву варваризмовъ, дѣлавшихъ книги непонятными, языкъ русскій, только съ примѣсью общепонятныхъ славянскихъ словъ. Кромѣ того, онъ усвоилъ литературному языку многія формы и „реченія“ языка народнаго, чѣмъ положилъ основаніе будущему усовершенствованію языка. Свое ученіе о „штиляхъ“ онъ основывалъ на различіи слѣдующихъ „реченій“ россійскаго языка: 1) общеупотребительныхъ въ церковно-славянскомъ и русскомъ, 2) книжныхъ по преимуществу, исключая весьма обветшалыхъ и неупотребительныхъ и 3) простонародныхъ, исключая „презрѣнныхъ подлыхъ словъ“. Отсюда Ломоносовъ выводилъ три „штиля“: высокій, изъ словъ словянороссійскихъ, для составленія героическихъ поэмъ, одъ, прозаичныхъ рѣчей о важныхъ матеріяхъ, средній „не надутый и не подлый“, изъ словъ славянороссійскихъ и русскихъ, для составленія дружескихъ писемъ, сатиръ, эклогъ, эллегій и прозы описательной, низкій изъ соединенія средняго стиля съ простонародными „низкими словами“, прозаическихъ дружескихъ писемъ и „писаній обыкновенныхъ дѣлъ“. Эта стилистическая теорія Ломоносова, вмѣстѣ съ синтаксическимъ построеніемъ Ломоносовской литературной рѣчи на періодахъ и создала русскій литературный языкъ 18 вѣка, языкъ поэзіи, ораторскаго искусства и прозы*).

Ломоносовъ, создавъ языкъ, создалъ литературу и читающую публику. Люди того времени были практики, которые если и готовы были пріобрѣтать знанія, то никакъ не болѣе, чѣмъ сколько требовалось для отправленія той или другой должности. Ломоносовъ, какъ бы почуявъ, что нужно обществу, что можетъ заинтересовать его, даетъ ему оду, родъ произведеній, который, быть можетъ, одинъ только могъ быть пріятенъ тогдашнему обществу и пріохотить его къ чтенію. До него стихи писались, во 1-хъ, только славянскіе и, во 2-хъ, писались силлабическимъ размѣромъ, въ которомъ главное вниманіе обращалось на одинаковое количество слоговъ во всѣхъ строчкахъ стихотворенія. Ломоносовъ понялъ всю несвойственность этого размѣра русскому языку и ввелъ размѣръ метрическій, тотъ размѣръ, которымъ пишутся стихи и въ наше время. Первая ода, написанная имъ новымъ, звучнымъ и музыкальнымъ размѣромъ, была переводъ

*) Словарь Брокгауза и Ефронъ, томъ 34, стр. 942.

Фенелоновой оды „На уединеніе“, а первая ода, съ которой познакомилась и отъ которой пришла въ восхищеніе публика, была „Ода на взятіе Хотина“, написанная въ 1739 году и послужившая началомъ нашей новой поэзіи. Оды Ломоносова показали публикѣ, что поэзія „не лихая болѣсть“, а понятна и отчасти пріятна. Литература нашла сочувствіе въ публикѣ и получила поддержку для своего дальнѣйшаго развитія.

Изъ естественныхъ наукъ Ломоносовъ разрабатывалъ химію, физику, астрономію, металлургію и т. д. Русскій математикъ Перевощиковъ говоритъ, что Ломоносову принадлежитъ слава первокласснаго испытателя природы, что въ его разсужденіяхъ о различныхъ предметахъ естествознанія заключаются мысли обширныя и поучительныя, несмотря на нынѣшнее совершеннѣйшее состояніе наукъ, и что геній его провидѣлъ истины, доказанныя нынѣ многочисленными и точными опытами. Изысканія Ломоносова въ электричествѣ свидѣтельствуютъ объ его глубокихъ свѣдѣніяхъ въ физической географіи, метеорологіи и указываютъ, что онъ совершилъ такія открытія въ прошломъ столѣтіи, которыя на западѣ совершены въ нынѣшнемъ вѣкѣ, напримѣръ, теоріи: теплоты, вертикальнаго теченія воздуха, происхожденія проливного дождя, причины образованія сѣвернаго сіянія и проч.*).

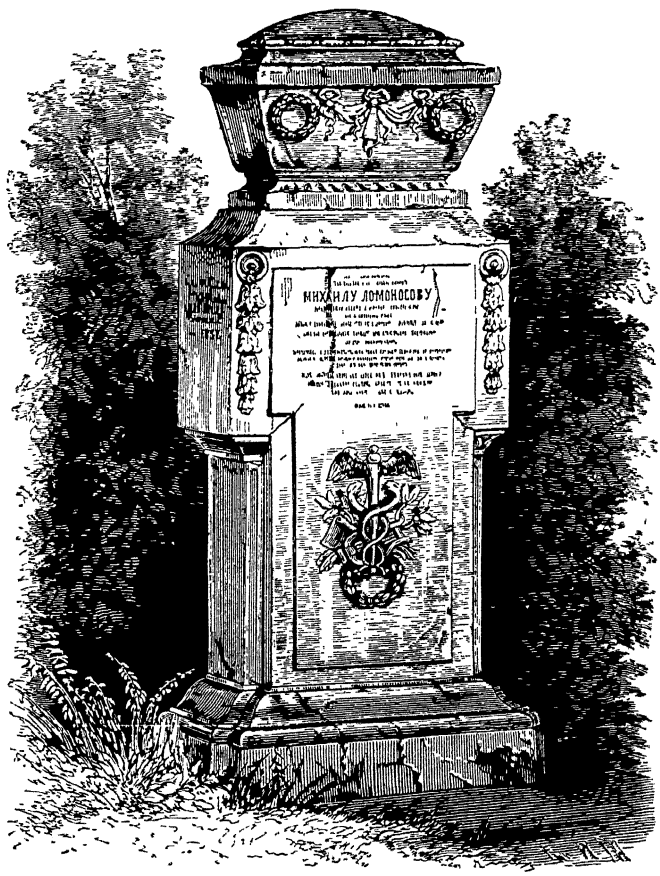
Для Ломоносова были священны права природы. Все, что уклоняется отъ нихъ, по мнѣнію его, несообразно съ волею Божіею, хотя бы и было утверждено обычаемъ. Такъ, въ своемъ „Разсужденіи о размноженіи и сохраненіи Россійскаго народа“ онъ говоритъ: „Вошло въ обычай, что натурѣ человѣческой противно, противно ли законамъ, на соборѣ положеннымъ—не помню, что вдовыхъ и молодыхъ поповъ и дьяконовъ въ чернецы насильно постригаютъ, чѣмъ къ грѣху, а не ко спасенію дается поводъ и приращенію народа не малая отрасль пресѣкается: смѣшная неосторожность“..... „Ученьемъ вкорените всѣмъ въ мысли, что Богу пріятнѣе, когда имѣешь въ сердцѣ чистую совѣсть, нежели въ желудкѣ цынготную рыбу“. Въ томъ же трудѣ онъ указываетъ на посты, какъ на одну изъ причинъ уменьшенія народонаселенія, потому что они бываютъ въ началѣ весны, когда всѣ скверности, сжатыя зимними морозами, выходятъ наружу, наполняютъ воздухъ, мѣшаются съ водой и входятъ съ цынготною рыбою въ желудокъ, въ легкія, въ кровь. „Расположите же, какъ разумные люди, по вашему климату, употребите на постъ другое, способнѣйшее время, или въ другое время пользуйтесь умѣренно здоровыми пищами“. За свой раціонализмъ Ломоносову приводилось вести ожесточенную борьбу „съ полкомъ свирѣпыхъ невѣждъ, которые желали бы приготовить ученымъ казнь Прометея“, „съ суевѣрами, боящимися вникать въ таинства природы“, „съ ссорщиками, производящими вражду между Божіею дщерію натурою и невѣстою Христовою церковью“. Что число этихъ „ссорщиковъ“ было велико, видно, между прочимъ, изъ того,

*) Арханг. Губерн. Вѣдомости 1865 г., № 18

что, издавая свое „Наблюденіе надъ происхожденіемъ Венеры“, онъ счелъ нужнымъ изложить свои идеи объ отношеніи науки къ вѣрѣ: „Богъ есть творецъ міра. Для того, что бы мы лучше познали Его, Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги: въ одной показалъ свое величество, въ другой—свою волю. Первая—видимый сей міръ, Имъ созданный, чтобы человѣкъ, смотря на огромность, красоту и стройность его зданій, призналъ Божеское всемогущество, по мѣрѣ себѣ дарованнаго понятія. Вторая книга—Священное Писаніе. Въ ней показано Создателево благословеніе къ нашему спасенію. Въ сихъ пророческихъ и апостольскихъ богодухновенныхъ книгахъ истолкователи и изъяснители суть великіе церковные учители. А въ оной книгѣ сложенія видимаго міра сего: физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители божественныхъ въ натуру вліянныхъ дѣйствій суть таковы, каковы въ оной книгѣ пророки, апостолы и церковные учители. Не здраво разсудителенъ математикъ, ежели онъ хочетъ Божескую волю вымѣрять циркулемъ. Таковъ же и богословіи учитель, ежели онъ думаетъ, что по псалтыри научиться можно астрономіи или химіи. Толкователи и проповѣдники Священнаго Писанія показываютъ путь къ добродѣтели, представляютъ награжденіе праведнымъ, наказаніе законопреступнымъ и благополучіе житія, съ волею Божіею согласнаго. Астрономы открываютъ кромѣ Божеской силы великолѣпія, изыскиваютъ способы и ко временному нашему блаженству, соединенному съ благоговѣніемъ ко Всевышнему. Обои обще удостовѣряютъ насъ не токмо о бытіи Божіемъ, но и о несказанныхъ къ намъ Его благодѣяніяхъ. Грѣхъ всѣвать между ими плевелы и раздоры... Правда (наука) и вѣра суть двѣ сестры родныя, дщери Всевышняго Родителя, никогда между собою въ распрю придти не могутъ, развѣ кто изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія на нихъ вражду всплететъ. А благоразумные люди должны разсматривать, нѣтъ ли способа къ объясненію и отвращенію мнимаго между ними междуусобія. Физическія разсужденія о строеніи міра служатъ къ прославленію Божію и вѣрѣ не вредны и христіанская вѣра Божіему творенію не можетъ быть противу, ниже ей Божіе твореніе“*).

Ломоносовъ вѣрилъ въ геній и нравственную силу русскаго народа, жаждалъ просвѣщенія своей родины. Онъ желалъ „видѣть Россійскую академію, изъ сыновъ россійскихъ состоящую, которая бы не токмо сама себя учеными людьми могла довольствовать, но и размножать оныхъ и распространять по всему государству“. Ломоносовъ любилъ и уважалъ крестьянство, изъ котораго онъ вышелъ. Онъ былъ академикомъ, придворнымъ піитомъ, очень дорожилъ этимъ рангомъ, но никогда не чуждался своихъ земляковъ—холмогорцевъ. Они, пріѣзжая въ столицу, гостили у этого сановника, какъ у своего сосѣда односельца, и съ ними онъ былъ тотъ же, какимъ они знали его въ Куростровѣ. Ломоносовъ горячо боролся за крестьянство и желалъ

*) „О Ломоносовѣ“, стр. XXI—XXII.



Памятникъ на могилѣ Ломоносова на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

АКАДЕМИИ.

сдѣлать его участникомъ въ просвѣщеніи, наравнѣ съ прочими сословіями. „Мое единственное желаніе, писалъ онъ однажды И. И. Шувалову,—состоитъ въ томъ, чтобы привести въ вожделѣнное теченіе гимназіи и университетъ, откуда могутъ произойти многочисленные Ломоносовы“*).

Ломоносовъ горячо любилъ свое отечество, любилъ его славу. По мысли его былъ устроенъ первый русскій университетъ въ Москвѣ. Ученики Ломоносова были первыми его профессорами, и, слѣдуя направленію, данному учителемъ, провозгласили, что „нѣтъ такой науки, кою бы на россійскомъ языкѣ изъяснить было невозможно“. Вмѣсто прежде употреблявшагося латинскаго языка, конечно, не всѣмъ хорошо извѣстнаго, явился, даже въ преподаваніи философскихъ наукъ, языкъ русскій, понятный всѣмъ. Съ тѣхъ поръ могло только успѣшно развиваться образованіе на Руси**).

Насколько современники и такіе покровители, какъ Шуваловъ, почитали Ломоносова, видно изъ слѣдующихъ стиховъ Шувалова, помѣщенныхъ подъ портретомъ Ломоносова, въ изданіи 1735 года:

„Московской здѣсь Парнасъ изобразилъ витію,
Что чистой слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію,
Что въ Римѣ Цицеронъ и что Виргилій былъ,
То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ,
Открылъ натуры храмъ богатымъ словомъ Россовъ,
Примѣръ ихъ остроты въ наукахъ—Ломоносовъ“.

Пушкинъ, осуждавшій прозу Ломоносова, сказалъ о его значеніи: „Ломоносовъ былъ великій человѣкъ. Между Петромъ I и Екатериной II онъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. Онъ создалъ первый русскій университетъ, лучше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ университетомъ“***).

Даже врагъ Ломоносова, Сумароковъ, позднѣе говорилъ про него: „Онъ нашихъ странъ Малгербъ, онъ Пиндару подобенъ“****). Въ концѣ жизни Ломоносовъ былъ избранъ въ почетные члены Стокгольмской и Болонской академій. Въ іюнѣ 1764 года Екатерина 2-я посѣтила домъ Ломоносова (существовавшій на Мойкѣ до 1830 года) и въ теченіе двухъ часовъ осматривала „работы мозаичнаго художества, новоизобрѣтенные Ломоносовымъ физическіе инструменты и нѣкоторые физическіе и химическіе опыты“*****).

Смерть Ломоносова послѣдовала 4 апрѣля 1765 года, на второй день Пасхи. Похороны его въ Александро-Невской лаврѣ отличались пышностью и многолюдствомъ. На могилѣ его воздвигнутъ канцлеромъ, графомъ Воронцовымъ, памятникъ изъ карарскаго мрамора, существующій и до сихъ поръ.

*) Ламанскій, стр. 54—55.
**) „О Ломоносовѣ“, стр. XXVII—XXVIII.
***) Словарь Брокгауза и Ефронъ, полутомъ 34, стр. 939.
****) Тоже, стр. 942.
*****) Словарь Брокгауза, стр. 943.

Н. Голубцовъ.

II.

Родъ М. В. Ломоносова и его потомство.

Первыя данныя официальнаго характера о родѣ Ломоносовыхъ приводятся въ извѣстномъ трудѣ академика Лепехина „Дневныя записки путешествія по разнымъ провинціямъ Русскаго государства“ (часть 4-я С.-П.-Б. 1805 г. стр. 301). Здѣсь помѣщены, между прочимъ, нѣкоторые матеріалы по біографіи М. В. Ломоносова и въ томъ числѣ выписки изъ ревизскихъ сказокъ 1719 и 1744 годовъ, подъ общимъ заголовкомъ „О родѣ Ломоносова“. Эти выписки содержатъ въ себѣ слѣдующее:

„Въ первой 1722 г. переписи написаны:
Деревни Мишанинской[1])
По скаскѣ 1719 года:
Лука Леонтьевъ сынъ Ломоносовъ . . . 73 лѣтъ
У него сынъ Иванъ . . . . . 20 лѣтъ
Его же внукъ Никита Федоровъ . . . . 18 лѣтъ[2])
Василій Дорофѣевъ сынъ Ломоносовъ . 38 лѣтъ
У него сынъ Михайло . . . . . 7 лѣтъ

Во второй ревизіи 744 года въ скаски показаны: деревни Мишанинской...
Лука Леонтьевъ сынъ Ломоносовъ . Умре 727 г. Марта 30 дня.
Сынъ Иванъ . . . . . Умре 720 г. Декабря 7 дня.
Внукъ его же Никита Федоровъ . . Умре 726 г. Декабря 8 дня.
Василій Федоровъ[1]) сынъ Ломоносовъ . Потонулъ въ морѣ 741 г.
Сынъ его Михайло . . . . . Бѣжалъ 732 году[3]).

Извѣстно, что, со смертію М. В. Ломоносова, родъ его въ мужской линіи прекратился, такъ какъ ни онъ самъ, ни родственники его одной фамиліи: Иванъ Лукичъ Ломоносовъ и Никита Федоровъ

---

[1]) Ломоносовы, какъ извѣстно, жили въ дер. Денисовкѣ, а не въ Мишанинской.. Здѣсь или ошибка переписчика или же одна и таже деревня носила два названія. одно официальное, а другое мѣстное.

[2]) Цифра эта невѣрная. если бы Никита Федоровъ имѣлъ въ 1719 г. 18 лѣтъ, то выходило бы, что онъ родился въ 1701 г. Между тѣмъ изъ фамильныхъ документовъ Ломоносовыхъ, помѣщенныхъ въ приложеніи къ настоящему сборнику, видно, что тотъ же Никита Федоровъ въ 1702 году подписывается уже въ одномъ актѣ за неграмотнаго дѣда своего Луку Ломоносова. Слѣдовательно, если допустить, что онъ родился въ 1701 году, то нужно будетъ признать, что онъ былъ грамотенъ, имѣя всего одинъ годъ отъ роду.

[3]) Отецъ М. В. Ломоносова названъ здѣсь Василіемъ Федоровымъ, а не Василіемъ Дорофеевымъ, какъ въ ревизской сказкѣ 1719 г. Тутъ очевидная ошибка переписчика: Василію Ломоносову приписано такое же отчество, какъ и внучку Луки Ломоносова Никитѣ Федорову, имя котораго предшествовало въ ревизской сказкѣ имени Василія Ломоносова.

[4]) Дата эта невѣрная: М. В. Ломоносовъ оставилъ родину въ Декабрѣ 1730 г.

Ломоносовъ[1]) сыновей не имѣли. У М. В. Ломоносова была только одна дочь Елена, въ замужествѣ за библіотекаремъ при Императрицѣ Екатеринѣ 2-й Константиновымъ, имѣвшая также лишь дочерей (Екатерину и Софію), о потомствѣ которыхъ у насъ нѣтъ свѣдѣній. Остальное затѣмъ потомство Ломоносовыхъ развивалось отъ единственной сестры М. В. Ломоносова, Маріи Васильевны, родившейся въ 1736 г. и вышедшей замужъ за крестьянина с. Матигоръ, Холмогорскаго уѣзда, Головина. Такимъ образомъ, Головины были послѣдними близкими родственниками Ломоносова на его родинѣ. Извѣстный П. С. Ефименко, владѣя нѣкоторыми актами Головиныхъ, опубликовалъ въ печати[2]) цѣнныя свѣдѣнія о родѣ Головиныхъ, которыя мы здѣсь и приводимъ, дополнивъ ихъ матеріалами, добытыми изъ другихъ источниковъ.

Крестьяне Головины издавна жили въ с. Матигорахъ, въ 5 верстахъ отъ Холмогоръ, по Петербургскому тракту. Въ имѣвшихся у П. С. Ефименко актахъ первымъ изъ этой фамиліи упоминается крестьянинъ Леонтій. У него было три сына: Евсей, Акимъ и Федоръ. Послѣдній имѣлъ также трехъ сыновей: Петра, Евсея и Алексѣя. Изъ нихъ Евсей и былъ женатъ на сестрѣ М. В. Ломоносова Маріи Васильевнѣ. Семья Головиныхъ была очень зажиточная. По словамъ одного документа, они „владѣли Божіимъ благословеніемъ, святыми иконами, хлѣбомъ и солью, долгомъ и свободою, дворомъ и подворнею землею, скотомъ: коньми, коровами, и быками, посудою мѣдною и оловянною и деревянною и всякимъ житейскимъ и деревенскимъ заводомъ, движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ и всякимъ мастеровымъ инструментомъ, горнею орамою землею и сѣнными покосы“. Въ 1760 г. братья Головины полюбовно раздѣлили между собою все имущество, полученное отъ отца. При дѣлежѣ, Евсею достались: ,дворъ, все хоромное строеніе и съ подворнею землею, все безъ остатка: изба на подызбицы, сѣни на подсеньи, да въ сѣняхъ верхнихъ чуланъ рубленой брусчатой, назади горница, на амбарѣ дворъ съ кровлями, да и съ заплоты и хлѣвъ со стоями, передъ окнами конюшна рубленая съ верхнимъ сараемъ покрыта тесомъ да воннаго (наружнаго) строенія: амбаръ хлѣбной одножитной, да кузница со всею подворнею землею“. Кромѣ того, на долю Евсея пришлось одно цѣлое поле пахотной земли и восемь полей съ братомъ, которыми

[1]) Замѣтимъ, что кромѣ Никиты Федоровича Ломоносова былъ еще Никита Ломоносовъ, служившій подъячимъ въ Архангельской таможнѣ. Это видно изъ рукописной „Книги записной приходной Двинского уѣзда, Куростровской волости выборнаго церковнаго строителя Івана Лопаткина въ церковное каменное строеніе Пресвятыя Богородицы 1725 года“, гдѣ имѣется такая запись: „1727 года Марта 16 Архангелогороцкой портовой таможни подъячей Никита Ломоносовъ собранныхъ при таможни въ церковное жъ строеніе полтину денегъ отдалъ церковному строителю Івану Лопаткину“ (л. 9 на обор.). Интересно было бы выяснить отношеніе этого Ломоносова къ фамиліи М. В Ломоносова, т. е. родственники они между собою или просто однофамильцы. О скоромъ прекращеніи рода М. В. Ломоносова свидѣтельствуетъ также „Извѣстіе Гурьева, Земскаго въ Куростровской волости“, гдѣ сообщается, между прочимъ, слѣдующее: „А перепиской писца Афанасья Файвозина 1786 года книги въ нашей Куростровской волости по тогдашнемъ Ломоносовомъ родѣ никакова знанія отыскать не могутъ“. (Лепехинъ „Путешествія“, стр. 302).

[2]) „Архангельскія Губ. Вѣдомости“ за 1868 годъ, № 18.

они владѣли на правахъ собственности. Въ нераздѣльномъ владѣніи всѣхъ троихъ братьевъ остались сѣнные покосы, оброчная казенная земля, подъ названіемъ „росчисть Веселовская“[1]), въ г. Архангельскѣ кузница „да ступа чугунная съ желѣзнымъ пестомъ“. Отъ брака Марьи Васильевны Ломоносовой съ Евсеемъ Головинымъ родились сыновья: Михаилъ и Петръ и дочери: Матрена и Анна. Михаилъ Головинъ былъ взятъ своимъ дядей и отцомъ крестнымъ М. В. Ломоносовымъ въ Петербургъ[2]) и тамъ воспитанъ. Впослѣдствіи онъ служилъ адъюнктомъ Петербургской академіи наукъ, оказывалъ блестящіе успѣхи въ наукахъ, но умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, не оставивъ потомства. Послѣ смерти Михаила Евсеевича, отецъ его хлопочетъ объ избавленіи себя отъ притѣсненій общества крестьянъ Матигорской волости, о чемъ и подаетъ слѣдующую просьбу въ Архангельскую казенную палату:

„Имяннымъ Ея Императорскаго Величества указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату въ 16 день января прошлаго 1779 года Архангельской губерніи Матигорской волости крестьянина Михаила Евсеева Головина, мнѣ именованному родного сына, обучающагося математикѣ у профессора Ейлера, Всемилостивѣйше Ея Императорское Величество повелѣть соизволила выключить изъ подушнаго оклада, по которому указу сынъ мой изъ подушнаго оклада исключенъ и находился по день своей смерти прошлаго 1790 года до іюня мѣсяца, проходя многія науки, выслужа чинъ профессора, а потомъ, 1785 года, награжденъ чиномъ коллежскаго ассесора, на которые чины и имѣлъ данные патенты, которые, для точнаго удостовѣренія, при семъ подношу. Нынѣ же Матигорской волости выборные и общество крестьянъ, не считая вышесказаннаго сына моего, служившаго ко всеобщему просвѣщенію людей, исключеннаго изъ подушнаго оклада службою, налагаютъ на меня сысканіе въ общество денегъ ? рублей, или намѣряются отдать послѣдняго моего сына, живущаго при мнѣ и пропитывающаго меня, матерь и свое семейство, котораго со-

[1]) Впослѣдствіи Евсей Головинъ желалъ пріобрѣсти въ полную свою собственность и „росчисть Веселовскую“, какъ это видно изъ просьбы его, поданной 8 октября 1796 года въ Московскую губернскую межевую канцелярію: „14 числа апрѣля сего года, публикованнымъ Правительствующаго Сената изъ межевой экспедиціи указомъ повелѣно всѣмъ тѣмъ владѣльцамъ, за которыми казенныя земли состоятъ въ оброкахъ и они купить себѣ желаютъ, объявить о томъ желаніи и просьбы свои въ Московской губернской межевой канцеляріи, почему я именованный симъ челобитьемъ и объявляю· имѣлась во владѣніи изъ давнихъ лѣтъ за отцомъ моимъ, черносошнымъ крестьяниномъ Матигорской волости Федоромъ Леонтьевымъ Головинымъ, а послѣ смерти его по наслѣдству нынѣ имѣется и за мною огромная казенная пашенная земля, называемая росчисть Веселовская, на которой сѣется ячменя на три четверти и при той землѣ лѣсъ, всего мѣрою двѣ десятины по окладнымъ Архангелогородской губернской канцеляріи книгамъ въ оброкѣ въ одномъ рублѣ восьми копейкахъ съ четвертью, которое число каждогодно отецъ мой и послѣ него я въ оную губернскую канцелярію платилъ бездоимочно. Нынѣ я именованный оную пашенную землю въ вѣчное себѣ владѣніе купить, за которую въ казну желаю заплатить два рубли“. Результатъ этой просьбы намъ неизвѣстенъ.

[2]) О пріѣздѣ Михаила Евсеевича Головина въ Петербургъ М. В. Ломоносовъ извѣстилъ свою сестру особымъ письмомъ, которое приводится нами въ отдѣлѣ приложеній къ настоящему сборнику.

ставляетъ 6 человѣкъ, изъ коихъ мужеска, записанному по ревизіи, большему еще 11 лѣтъ, и таковымъ поступкомъ по бѣдности нашей доводятъ въ совершенное раззореніе и нищету; и по таковымъ обстоятельствамъ принужденнымъ нахожу себя всепокорнѣйше просить милостиваго и здраваго разсмотрѣнія, ко уваженію службы вышеупоминаемаго сына, бывшаго коллежскимъ асессоромъ Михаила, о нечиненіи волостнымъ крестьянамъ мнѣ притѣснительныхъ раззореній во взысканіи денегъ и отдачею одинокаго сына моего Петра въ рекруты до предписанія, дабы я послѣдніе дни моей жизни и съ женою безъ стѣсненія препроводить могъ. Мая ? дня 1791 года". О томъ же ходатайствовалъ и тогдашній Архангельскій губернаторъ Ахвердовъ предъ княземъ А. Б. Куракинымъ, какъ это видно изъ слѣдующаго письма его къ послѣднему:

„Сіятельнѣйшій князь
Милостивый Государь!

Зная, что споспѣшествовать общественной и частной всякаго россіянина пользѣ есть пріятнѣйшее вашего сіятельства украшеніе осмѣливаюсь на нѣсколько минутъ остановить вниманіе ваше на славномъ уроженцѣ не важнаго Куростровa. Россійскаго Пиндара, Михаила Васильевича Ломоносова, толико важныя заслуги отечественной литературѣ оказавшаго, и прекраснымъ пѣніемъ дѣлъ великихъ Россіи Государей всеобщую сыновъ ея благодарность заслужившаго, сестра родная, 62-хъ лѣтъ вдова, живетъ въ крестьянствѣ съ сыномъ и внучатами, коимъ прилагается при семъ списокъ, въ лежащей неподалеку отъ Куростровa того же Холмогорскаго уѣзда, Матигорской волости, куда выдана была въ замужество за крестьянина Головина. Сія старушка есть мать профессора С.-Петербургской академіи наукъ Головина, который необыкновенными дарованіями начиналъ являться достойнымъ Ломоносова племянникомъ, но коего безвременная смерть пресѣкла успѣхи. Достоинства и заслуги получаютъ въ Россіи большія, нежели гдѣ либо, награжденія, простирающіяся и на потомство заслужившихъ оныя. Вашему сіятельству предоставлено быть ходатаемъ у высокомонаршаго престола за потомство Ломоносова, которое за величайшее счастіе почитаетъ быть освобожденнымъ отъ рекрутства, что бывшими Архангельскими генералъ-губернаторами неоднократно, но тщетно было обѣщано. Испрошеніемъ сія милости умножите ваше сіятельство права ваши на благодарность всея россійской публики, а я счастливымъ себя почту и тѣмъ, что хотя слабымъ послужилъ къ тому посредствомъ. Съ истиннымъ высокопочтеніемъ и совершенною преданностію пребуду навсегда, сіятельнѣйшій князь! Милостивый Государь! вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга Николай Ахвердовъ. Августа 7 дня 1798 года. Архангельскъ".

Въ томъ же году, 22 августа, послѣдовалъ таковой Высочайшій указъ Правительствующему Сенату:

„Во уваженіе памяти и полезныхъ знаній Санктпетербургской академіи профессора статскаго совѣтника Ломоносова, Всемилости-

вѣйше повелѣваемъ рожденнаго отъ сестры его Головиной сына Архангельской губерніи, Холмогорскаго уѣзда, Матигорской волости крестьянина Петра съ дѣтьми Васильемъ, Иваномъ и съ потомствомъ ихъ, изключа изъ подушнаго оклада, освободить отъ рекрутскаго набора". На подлинномъ собственною Его Величества рукою подписано: Павелъ. Августа 22 дня, 1798 года. Въ Гатчинѣ"

Въ это время семейство Головиныхъ, кромѣ Маріи Васильевны Головиной и сына ея Петра, состояло изъ жены послѣдняго Авдотьи и дѣтей ихъ: Василія, Ивана, Григорія, Анны, Матрены, Настасьи, Парасковьи и Дарьи. Авдотья Головина была дочь крестьянина Курейской волости Козьмы Ильина, служившаго при Императорскомъ дворѣ въ званіи „зельбельдинерскаго помощника въ оберъ-офицерскомъ чинѣ". О Петрѣ Головинѣ извѣстно, что онъ занимался, между прочимъ, мѣднымъ мастерствомъ, какъ и многіе изъ его односельцевъ. Дарованныя семейству Головина льготы подали поводъ къ неисполненію имъ нѣкоторыхъ повинностей и къ неудовольствію на него крестьянскаго общества. Такъ, въ 1801 году общество Матигорскихъ крестьянъ составило приговоръ, что Петръ Головинъ освобожденъ отъ платежа только подушной подати, а изъ крестьянскаго званія не исключенъ, слѣдовательно, обязанъ платить за все семейство земскія и мірскія повинности, а между тѣмъ онъ платитъ только за одну душу, а за остальныя четыре души мужескаго пола, также записанныя по ревизіи, съ 1799 года ничего не платилъ, такъ что за него должно было вносить деньги само общество; поэтому общество приговариваетъ: взыскать таковыя деньги, всего 223 рубля, съ Головина и впредь взыскивать все, что съ него присчитывается. Этотъ приговоръ побудилъ Головина обратиться съ жалобой къ Архангельскому губернатору Перфильеву, въ которой онъ писалъ, что крестьяне Матигорской волости, „завидуя дарованной мнѣ въ потомствѣ Ломоносова милости, начали употреблять противу меня разныя притѣсненія, изъ коихъ главнѣйшее есть то, что, въ противность Высочайшаго указа, вознамѣрились взыскать съ меня подушныя деньги за всѣ годы, не смотря, что я и такъ сугубо противъ прочихъ обремененъ отъ нихъ налогами съ земли на содержаніе почтовыхъ станцій, дорогъ, подводами и другими требованіями; но при всемъ томъ проговариваются еще выбрать меня въ мірскую службу, устращивая, ежели не заплачу податей и впредь платить не буду, то лишатъ меня и владѣнія землею; почему, опасаясь, чтобы столь крайнее несчастіе, по настоянію ихъ, и въ самомъ дѣлѣ не постигло меня, къ сущему разоренію большаго семейства моего, принужденнымъ нахожусь прибѣгнуть подъ защиту вашего превосходительства и всенижайше прошу Всемилостивѣйше дарованное мнѣ и потомству моему облегченіе, недоброходствомъ мірскихъ старшинъ угнетаемое, подкрѣпить начальническимъ покровительствомъ и повелѣть Холмогорскому нижнему земскому суду означенныхъ матигорскихъ крестьянъ отъ несправедливаго взысканія съ меня податей, равно и владѣемую мною землю

оставить отъ всякаго притязанія неприкосновенно; а дабы по прихотливымъ мірскихъ старшинъ распоряженіямъ на счетъ той земли не былъ я отягощенъ непомѣрными налогами, то приказать имъ получать отъ меня на земскія повинности не болѣе того количества, какое по раскладкѣ комитета на каждую душу причитаться будетъ".

Немного спустя, какое то начальствующее лицо, Осипъ Чернѣцкій, писалъ къ неизвѣстному намъ другому лицу объ оказаніи защиты сестрѣ Ломоносова, по поводу вышеобъясненныхъ притѣсненій со стороны крестьянскаго общества:

Милостивый Государь мой
Евдокимъ Фаддѣевичъ.

Извѣстно вамъ, милостивый государь мой, съ какимъ воздаяніемъ чести памяти великаго мужа Михаила Васильевича Ломоносова исходатайствована мѣстнымъ начальствомъ Высочайшая милость на облегченіе потомству его, въ крестьянскомъ состояніи находящемуся, и наипаче, что еще и въ живыхъ понынѣ находится родная сестра его Марья Васильевна. Сколь же мнѣ вѣдомо, что начальство, слѣдуя той Высочайшей волѣ, съ самоличнымъ желаніемъ успокоенія упомянутой сестрѣ его и потомству, относилось съ предписаніями своими къ земскому начальству, дабы оное, слѣдуя настоящему въ томъ предмету, старалось потомству сему доставить свое покровительство, то въ семъ случаѣ, по которому нынѣ почтенная сія старушка обременяется, я разсудилъ попросить у васъ, милостивый государь мой, ей покровительства вашего. Будучи же совершенно увѣренъ, что вы по сему дѣлу, принявъ должное участіе, конечно постараетесь успокоить старушку сію, въ прочемъ пребываю съ усерднымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ, есть, милостивый государь мой, покорнымъ вашимъ слугою Осипъ Чернѣцкій. 25 Іюня 1807 года".

Чѣмъ кончилась въ то время тяжба между Головиными и обществомъкрестьянъ остается неизвѣстнымъ. Мы уже говорили, что Головины, какъ и многіе другіе крестьяне Архангельской губерніи, были нѣкогда крестьянами-собственниками и что Евсей Головинъ, мужъ сестры Ломоносова, Маріи Васильевны, имѣлъ въ собственности одно цѣлое поле и восемь полей пополамъ съ братомъ. Два поля изъ упомянутыхъ выше, доставшихся Головинымъ по купчимъ крѣпостямъ 1738 и 1743 годовъ были во владѣніи жены Ивана Головина Дарьи Головиной до 1831 года. Но въ этомъ году крестьяне матигорскаго общества отобрали эти земли себѣ. Вслѣдствіе этого Дарья Головина въ 1832 году подала просьбу въ Архангельскую казенную палату о возвращеніи ей права пользованія тѣми землями, какъ своею собственностью, съ воспрещеніемъ матигорскому обществу всякаго вступательства въ оныя. Казенная палата предписала Холмогорскому земскому суду удостовѣриться въ справедливости просьбы Головиной и воспретить „оную землю, впредь до рѣшенія о ней дѣла, включать въ число сельскихъ земляныхъ угодій, дѣлимыхъ между поселянами по тягламъ", представленные же Головиной документы и копію съ проше-

нія препроводила въ Холмогорскій уѣздный судъ, предписавъ ему съ возможною точностью разсмотрѣть „сіи приложенія“ и постановить на законномъ основаніи свое заключеніе. Холмогорскій судъ сдѣлалъ по данному дѣлу такое заключеніе: „Какъ владѣемыя просительницею Головиною земли достались ей во владѣніе по крѣпостямъ[1]) отъ предковъ оной, каковыя купчія крѣпости въ тоже самое время у Архангельскихъ крѣпостныхъ дѣлъ совершены надлежащимъ порядкомъ и слѣдующія по тогдашнему времени въ казну пошлины съ расходами внесены, и потому уѣздный судъ мнѣніемъ своимъ полагаетъ: поелику продажа вышеписаннымъ пожнямъ послѣдовала до состоявшейся въ 1765 году 19 Сентября Высочайшей межевой инструкціи, по 1-й крѣпости за 27 лѣтъ, а по 2-й за 22 года, и владѣнія по нимъ съ того самого времени до прошедшаго 1831 года продолжали первою половинною у Пловучаго 92 года, а второю Хоговатицею въ Вялохты 87 лѣтъ, безъ всякаго отъ кого либо спора или препятствія, то, на основаніи 4-й главы вышеозначенной межевой инструкціи, по 1, 2, 3, 4 и 7-му, а равно и 9 главы по I и II пунктамъ изъ обѣихъ поженъ по равной части половинное количество, согласно крѣпостямъ, оставить во владѣніи просительницы Дарьи Головиной, отнюдь не причисляя оныхъ къ числу прочихъ тяглыхъ поселянскихъ земель. Настоящее мнѣніе представить въ Архангельскую палату гражданскаго суда на благоусмотрѣніе и утвержденіе, деньги 5 р. 50 к. за употребленную на производство бумагу взыскать съ виновныхъ крестьянъ и о заключеніи о семъ увѣдомить казенную палату“. Утвердила ли Архангельская палата гражданскаго суда рѣшеніе уѣзднаго суда или нѣтъ, мы не знаемъ, но то положительно извѣстно, что уже въ 1865 году Головины, какъ и другіе крестьяне Архангельской губерніи, бывшіе собственниками, болѣе не владѣли землею на правахъ собственности.

Дочь Маріи Васильевны Головиной (Ломоносовой) Матрена состояла въ замужествѣ за куростровскимъ крестьяниномъ Федоромъ Яковлевичемъ Лопаткинымъ, она была извѣстна, какъ хорошая косто-

[1]) Крѣпости эти содержали въ себѣ слѣдующее: по 1-й землѣ: „Въ 1738 году октября 14 дня дому Архангелогородскаго и Холмогорскаго архіепископа сынъ боярской Алексѣй Васильевичъ сынъ Саламатовъ съ бывшею сына же боярскаго брата Алексѣева, Максима Алексѣева Саламатова женою, вдовою Парасковьею Филипповой дочерью, продали Улинскаго (?) уѣзда, Матигорской волости крестьянину Федору Леонтьеву Головину владѣнія своего въ Борисоглѣбской-Матигорской волости сѣнныхъ покосовъ – въ боярскихъ у Пловучаго озера – по верхнею сторону въ пожни свою половину, доставшуюся имъ Саламатовымъ Куростровской волости и Загорскаго Спасскаго Стану отъ крестьянина Данила Иванова Дружинина за 50 р. въ вѣчное и потомственное владѣніе“, по 2-й пожнѣ: „1743 г. марта 21 дня тожъ продалъ вышепоименованному Федору Головину Архангелогородскаго адмиралтейскаго вѣдомства плотникъ, а прежде бывшій Борисоглѣбской-Матигорской волости крестьянинъ Осипъ Мартиріевъ Жаравовъ остатковъ и стариннаго владѣнія отца его тяглой и луговой сѣнокосной земли половину пожни званіемъ Хаговатицу въ Вялохты, доставшейся ему отъ брата Бориса Жаравова, за 20 рублей тоже въ потомственное и вѣчное владѣніе“.

правка[1]). У Матрены были дѣти: Иванъ, Егоръ и Ирина. Иванъ Федоровичъ Лопаткинъ оставилъ въ Куростровѣ глубокую память, какъ образцовый хозяинъ-землепашецъ и даровитый токарь издѣлій изъ кости. По отзыву Холмогорскаго земскаго суда отъ 1826 г., Лопаткинъ „поведенія хорошаго, къ землепашеству и скотоводству рачителенъ, а болѣе занимается изъ костей разнаго рода токарною работою и околачиваніемъ вещей, каковому искусству пріобучаетъ желающихъ, и работниковъ для сего содержитъ". По представленію Архангельскаго генералъ-губернатора Миницкаго, въ январѣ 1827 года Ивану Лопаткину „внуку извѣстнаго сочинителя Ломоносова", въ поощреніе искусства его рѣзьбы на кости, Высочайше пожалована серебряная медаль съ надписью „за полезное", для ношенія на шеѣ на Аннинской лентѣ, а матери его Матренѣ Лопаткиной—единовременно тысяча рублей. У брата Ивана Лопаткина, Егора Федоровича были сыновья: Михаилъ, Прокопій, другой Михаилъ и три дочери; но потомство ихъ почему то очень скоро пресѣклось. Одна изъ его дочерей была замужемъ за матигорскимъ крестьяниномъ Якимомъ Тарховымъ. Дочь Матрены Евсеевны Головиной, Ирина отдана была въ замужество въ гор. Архангельскъ за мѣщанина Ершова. Она имѣла сына Василія и дочь, вышедшую замужъ за Архангельскаго купца Засухина. Подобно матери своей, Ирина Ершова была костоправка и сверхъ того обладала искусствомъ „извѣстнымъ ей треніемъ рукъ своихъ разводить дѣлающіеся въ животѣ упругости или завалы, причиняющіе боли съ колотьемъ, и иныя, случающіяся отъ простуды въ членахъ тѣла, боли, затрудняющія свободное движеніе, тѣмъ же растираніемъ своимъ уничтожать". Такъ было сказано въ выданномъ ей за подписью весьма многихъ жителей гор. Архангельска письменномъ удостовѣреніи, которое Ершова представила въ 1837 году Архангельскому военному губернатору Сулимѣ, съ просьбою довести до свѣдѣнія высшаго начальства о ея трудахъ на пользу страждущаго человѣчества. Хотя Архангельская врачебная управа, отъ которой было затребовано по этому дѣлу заключеніе, не придала особеннаго значенія такому врачеванію и даже отозвалась, что, не смотря на всю его невинность, оно не должно быть допускаемо безъ наблюденія врача (о чемъ тогда же и было сдѣлано черезъ полицію распоряженіе), однако контръ-адмиралъ Сулима, принявъ въ уваженіе похвальные отзывы общества о Ершовой и, главнымъ образомъ, происхожденіе ея отъ рода М. В. Ломоносова, вошелъ къ министру внутреннихъ дѣлъ съ представленіемъ объ исходатайствованіи ей подарка въ 500 руб. ассигнаціями. Вслѣдствіе этого въ 1838 году, по Высочайшему повелѣнію, былъ пожало-

[1]) П. Свиньинъ, въ бытность его въ Архангельскѣ въ 1828 году, видѣлъ Матрену Евсеевну Лопаткину. Онъ записалъ, какъ слышанное отъ этой старушки, что она въ молодости жила у М. В. Ломоносова и съ удовольствіемъ вспоминаетъ о своемъ житьѣ-бытьѣ у дядюшки въ Петербургѣ въ небольшомъ каменномъ домикѣ на берегу грязной Мойки. „Матрена Евсеевна завѣдывала погребомъ дяди и потому хлопотъ и бѣготни ей было не мало".

(„Избранныя сочиненія Ломоносова въ стихахъ и прозѣ" С.-П.-Б. 1882 года, стр. XXVI—XXVII).

ванъ Иринѣ Ершовой брилліантовый перстень въ 500 руб. „въ уваженіе ея безвозмездныхъ трудовъ на пользу страждущихъ и во вниманіе къ заслугамъ, оказаннымъ на поприщѣ словесности и наукъ знаменитымъ предкомъ ея статскимъ совѣтникомъ Ломоносовымъ“[1]).

Послѣдняя дочь Маріи Васильевны Головиной—Анна Евсеевна вышла замужъ за матигорскаго крестьянина Ивана Титова. У нихъ былъ сынъ Николай, занимавшійся, между прочимъ, мѣднымъ мастерствомъ, онъ имѣлъ двухъ сыновей: Николая и Михаила. Изъ потомства ихъ находятся въ настоящее время въ живыхъ: у Николая—внучка его, дочь сына Дмитрія –Елена Дмитріева Титова, дѣвица, проживаетъ въ Петербургѣ, и внуки, сыновья умершей дочери Александры, выданной въ замужество за Степана Архипова—Иванъ и Михаилъ, проживающіе въ Богоявленскомъ Ухтостровѣ, Холмогорскаго уѣзда; у Михаила Титова находятся въ живыхъ: сынъ Степанъ и его дѣти: Иванъ, Михаилъ, Федоръ и Павелъ и внуки умершаго сына Сергѣя—Федоръ и Егоръ и умершей дочери Татьяны, выданной въ замужество въ Куростровское селеніе за Ивана Федоровича Горшкова—сынъ ихъ Александръ и дочь Екатерина, состоящая въ замужествѣ въ Матигорскомъ селеніи за крестьяниномъ Александромъ Быковымъ.

Послѣ Петра Евсеевича Головина, какъ мы уже упоминали, остались сыновья: Василій, Григорій и Иванъ и пять дочерей: Матрена, Анна, Настасья, Дарья и Парасковья. Василій и Григорій умерли бездѣтными, а Иванъ женился на крестьянкѣ Дарьѣ и имѣлъ двухъ дочерей: Анну и Наталью. Къ Аннѣ принятъ былъ въ домъ пріймакъ Григорій Моисеевъ Самойловъ, а Наталья выдана въ замужество въ с. Мариловское, Ломоносовской волости, за крестьянина Василія Доронина. У Григорія Самойлова и жены его Анны Ивановны были сыновья: Василій и Иванъ, изъ которыхъ послѣдній умеръ бездѣтнымъ, а у Василія остались дѣти: Николай, Михаилъ, Иванъ и Андрей и дочери: Анна, Татьяна и Варвара. Изъ дочерей—Наталья осталась дѣвицей, а остальныя находятся въ замужествѣ въ томъ же Матигорскомъ селеніи—Анна за крестьяниномъ Константиномъ Олоховымъ, Татьяна—за Александромъ Шалопановымъ и Варвара—за Дмитріемъ Пекишевымъ. Въ настоящее время Григорія Моисеевича, Анны Ивановны и Василія Григорьевича Самойловыхъ въ живыхъ нѣтъ, а жена Василія—Ольга Осиповна и всѣ поименованныя выше ихъ дѣти находятся въ живыхъ и проживаютъ въ с. Верхнихъ Матигорахъ. Въ с. Мариловскомъ у Василія Доронина и жены его Натальи Ивановны Головиной были сыновья: Иванъ, Петръ и Николай, изъ которыхъ въ живыхъ находится одинъ Петръ. Послѣ Ивана остались дѣти: Данило, Константинъ, Марья, Анна, Пелагея и Ольга. Марья состоитъ въ замужествѣ за крестьяниномъ Антоновымъ, въ Богоявленскомъ-Ухтостровскомъ обществѣ, Анна за Иваномъ Доронинымъ—въ томъ же Ма-

[1]) „Внучка Ломоносова въ Архангельскѣ сорокъ лѣтъ тому назадъ“ –(Арханг. Губ. Вѣд. 1878 г. № 26.

риловскомъ селеніи, Пелагея за Александромъ Андреевичемъ Спиридоновымъ въ селеніи Вавчугскомъ, Ольга остается дѣвицей. Послѣ Николая Васильевича Доронина осталась жена Марья Алексѣевна и дочь Марья Николаевна.

Матрена Головина вышла замужъ въ Куростровъ, за крестьянина Дьяконова и имѣла потомство, но свѣдѣній о немъ мы не имѣемъ.

Анна Петровна Головина находилась въ замужествѣ въ г. Архангельскѣ за купцомъ Пальяновымъ и дѣтей, кажется, не имѣла.

Настасья Петровна Головина была въ замужествѣ за крестьяниномъ с. Матигоръ Николаемъ Галовымъ и имѣла дѣтей: Павла, Егора и Петра, которые уже умерли. Въ настоящее время находятся въ живыхъ: жена Егора Николаевича Галова Анна Никифоровна, сынъ ея Александръ и дочери: дѣвицы: Настасья, Александра и Наталья, и Александра—въ замужествѣ за Афанасіемъ Батраковымъ, въ Троицко-Ухтостровскомъ селеніи. Послѣ Петра Николаевича Галова находятся въ живыхъ жена его Анна Ивановна и дочери: Матрена—въ замужествѣ въ Быстрокурскомъ селеніи за Федоромъ Щегловымъ, Авдотья—въ замужествѣ въ Матигорскомъ селеніи за Дмитріемъ Берденниковымъ, Анна—въ томъ же селеніи за Василіемъ Прокопьевымъ и Марфа—въ Быстрокурскомъ селеніи за Иваномъ Собиновымъ. Дарья Петровна Головина состояла въ замужествѣ въ г. Холмогорахъ за мѣщаниномъ Третьяковымъ, потомство котораго существуетъ тамъ и теперь. Парасковья Петровна Головина осталась дѣвицей и жила въ Петербургѣ.

Изъ потомства Ивана Федоровича Лопаткина въ настоящее время находятся въ живыхъ и проживаютъ въ Куростровскомъ селеніи: вдова Ирина Лопаткина, ея сынъ Дмитрій Михайловичъ и невѣстка, вдова другого сына Ирины Петра—Парасковья Федоровна, (дѣти ея: Александръ, Павелъ и Марія Лопаткины умерли малолѣтними).

Н. Голубцовъ.

Увѣковѣченіе памяти М. В. Ломоносова въ Архангельской губерніи.

Увѣковѣченіе памяти общественныхъ дѣятелей есть дѣло общества, сознательно и съ интересомъ относящагося къ жизни своихъ предковъ. Уваженіе или непочтеніе къ заслугамъ предковъ есть показатель степени общественной культурности. Заслуги М. В. Ломоносова въ исторіи нашего просвѣщенія настолько велики, что было бы непонятно и больно, если бы Архангельская губернія, какъ родина этого дѣятеля науки и слова, не сдѣлала ничего для увѣковѣченія его памяти среди земляковъ. Монументы и разныя просвѣтительныя учрежденія въ память того или другого крупнаго дѣятеля могутъ служить путеводною звѣздою для потомства и укоромъ для уклоняющихся отъ своего долга по отношенію къ отечеству, а также являются показателемъ нашей благоговѣйной признательности къ памяти и

заслугамъ своихъ великихъ соотечественниковъ. Въ дѣйствительности Архангельская губернія не осталась равнодушною къ заслугамъ своего знаменитаго уроженца и почтила ихъ на сколько умѣла и на сколько могла. Въ разное время память Ломоносова здѣсь увѣковѣчена слѣдующимъ: 1) сооруженъ бронзовый памятникъ Ломоносову въ г. Архангельскѣ, 2) учреждено Ломоносовское сельское училище въ с. Денисовкѣ, Холмогорскаго уѣзда, 3) учреждена Ломоносовская стипендія при Архангельской губернской гимназіи для образованія одного изъ крестьянъ Архангельской губерніи, и 4) основана безплатная библіотека-читальня имени Ломоносова въ г. Холмогорахъ. Въ настоящей статьѣ мы изложимъ исторію возникновенія всѣхъ этихъ учрежденій, пользуясь, главнымъ образомъ, тѣми матеріалами, которые сохранились въ губернскомъ архивѣ, а также немногочисленными свѣдѣніями по данному предмету, помѣщенными въ „Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ за разные годы этого изданія.

Памятникъ М. В. Ломоносову въ г. Архангельскѣ.

Первая мысль о сооруженіи памятника М. В. Ломоносову въ г. Архангельскѣ подана была въ 1825 году Преосвященнымъ Архангельскимъ Неофитомъ Докучаевымъ. Это видно изъ рѣчи Архангельскаго губернатора Я. Ф. Ганскау, произнесенной въ общемъ собраніи Архангельской городской думы 20 января 1825 года, по поводу открытія пожертвованій на сооруженіе указаннаго памятника. Она начинается слѣдующими словами: „Его Преосвященство, Неофитъ, Епископъ Архангельскій и Холмогорскій, почтеннѣйшимъ отношеніемъ сообщилъ мнѣ, что онъ, съ самаго вступленія на епархію, держалъ всегда мысль о сооруженіи въ Архангельскѣ памятника первому россійскому стихотворцу, оратору и философу Ломоносову, который своимъ рожденіемъ приноситъ честь здѣшней странѣ сѣвера, при чемъ просилъ меня предложить о томъ здѣшнему благотворительному обществу, изъявившему многократно готовность на разнаго рода пожертвованія. Здѣшній генералъ-губернаторъ Степанъ Ивановичъ Миницкій, движимъ будучи честію и благотвореніемъ, первый изъявилъ душевное желаніе быть участникомъ въ исполненіи сей благой цѣли, пожертвовавъ значительную сумму, вмѣстѣ съ чѣмъ также поручилъ мнѣ объявить обществу о предполагаемомъ предпріятіи“. Въ февралѣ 1825 года генералъ-губернаторъ Миницкій сообщилъ министру народнаго просвѣщенія Шишкову, что „жители Архангельска, сохраняя уваженіе къ памяти единоземца ихъ, покойнаго статскаго совѣтника Ломоносова, изъявили желаніе воздвигнуть памятникъ сему незабвенному въ лѣтописяхъ отечественной словесности мужу“ и просилъ исходатайствовать Высочайшее соизволеніе на открытіе повсемѣстной въ имперіи подписки для сбора необходимыхъ къ тому денежныхъ средствъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ послѣдовало Императорское разрѣшеніе

и тотчасъ же была открыта подписка чрезъ С.-Петербургскія Вѣдомости и сношеніями генералъ-губернатора Миницкаго со всѣми генералъ-губернаторами и губернаторами въ имперіи. Ревностнымъ сотрудникомъ въ начатомъ предпріятіи вызвался быть извѣстный сановникъ-піита графъ Хвостовъ, который въ собственноручномъ письмѣ къ генералъ-губернатору Миницкому отъ 10 іюня 1825 года писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „я самъ маленькой поэтъ и захотѣлъ быть участникомъ вашего похвальнаго намѣренія. Почему и препровождаю къ вамъ одинъ экземпляръ моего сочиненія въ подарокъ, а въ посылочномъ реестрѣ на ваше имя прилагаю въ бумажномъ переплетѣ сто экземпляровъ. Вы, какъ генералъ-губернаторъ трехъ губерній, легко можете спустить съ рукъ сіе мое стихотвореніе. Я увѣренъ, что всѣ присутствующіе и дворяне охотно пожертвуютъ (не говоря ничего о достоинствѣ моихъ стиховъ) 250 коп. для имени Ломоносова. Вырученныя же за сто экземпляровъ деньги 250 рублей прошу приказать, кому слѣдуетъ, употребить въ пользу сооружаемаго памятника, съ тѣмъ различіемъ, что, если кто пожелаетъ внести болѣе назначенной цѣны, то имена таковыхъ прикажете вносить въ общій списокъ пожертвованій“. Къ этому приношенію, распроданному за 345 рублей, графъ Хвостовъ присоединилъ потомъ вырученные за продажу его стихотвореній въ Петербургѣ 3000 рублей и сверхъ того принялъ на себя посредничество въ соглашеніи съ извѣстнымъ тогда ваятелемъ, ректоромъ скульптуры академіи художествъ И. П. Мартосомъ касательно сооруженія памятника. Не оставалась при этомъ праздною и лира сановитаго поэта, и зачастую, вмѣстѣ съ сообщеніями о ходѣ дѣла, графъ Хвостовъ надѣлялъ генералъ-губернатора Миницкаго приличными случаю и обстоятельствамъ своими стихотвореніями. Такъ, напр., препровождая къ Миницкому составленный Мартосомъ рисунокъ памятника Ломоносову, онъ писалъ (отъ 1 февраля 1826 года:) „я не примину, если послѣдуетъ что хорошенькое на докладъ Шишкова, вамъ ту минуту дать знать, а теперь прошу принять въ подарокъ прилагаемыя у сего мои стихотворенія: Русскіе мореходцы—вамъ дѣло знакомое, и Ода къ памятнику Ломоносова—есть новое изданіе съ нѣкоторыми прибавленіями, которое я только дарю пріятелямъ, а въ продажу не пускаю“.

Въ февралѣ 1826 года былъ утвержденъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ проектъ памятника Ломоносову, вмѣстѣ съ слѣдующею объяснительною къ нему запискою:

„Предположеніе воздвигнуть въ Архангельскѣ памятникъ Ломоносову, удостоившееся Высочайшаго утвержденія почивающаго въ Бозѣ Государя Императора Александра Павловича, подало поводъ художнику Мартосу сочинить проектъ означеннаго памятника съ тѣмъ, чтобы, ежели правительство благоволитъ найти мысль его достойною исполненія, посвятить труды свои и искусство на сіе важное и къ чести относящееся дѣло“.

„Художникъ представляетъ Ломоносова стоящимъ на сѣверномъ полушаріи; начертанное на ономъ имя Холмогоръ напоминаетъ о мѣстѣ рожденія знаменитѣйшаго поэта Россіи. Положеніе фигуры выражаетъ изумленіе, которымъ пораженъ, взирая на великое сѣверное сіяніе. Въ восторгѣ духа своего поэтъ желаетъ воспѣть величіе Божіе и принимаетъ лиру, подносимую ему геніемъ поэзіи: вотъ минута, избранная для статуи Ломоносова, произведшаго безсмертныя стихи:

Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо въ огнѣ,
Такъ я въ сей безднѣ углубленъ,
Теряюсь, мысльми утомленъ.

„Вензелевое на лирѣ имя Государыни Императрицы Елизаветы Петровны означаетъ, что Ломоносовъ былъ пѣвецъ счастливаго ея царствованія“.

Въ письмѣ Мартоса къ генералъ-губернатору Миницкому, отъ 23 мая 1828 года, было прибавлено къ этой запискѣ слѣдующее: „памятникъ составленъ изъ двухъ фигуръ; на открытомъ мѣстѣ одна фигура была бы очень блѣдна и не дѣлала бы хорошаго вида, доказательствомъ чего можетъ служить статуя Суворова, поставленная въ Петербургѣ: она очень неказиста и не дѣлаетъ вида, потому что одна—ничто ее не возвышаетъ“.

Изъ десяти лѣтъ, въ продолженіе которыхъ собирались пожертвованія на памятникъ Ломоносову, главная масса поступила въ первые четыре года: въ 1825 году—17175 рублей, въ 1826 году—9511 рублей, въ 1827 году—11197 руб. и въ 1828 году—9271 рубль. Всего было собрано 49408 руб. 67½ коп., къ которымъ присоединились 3960 руб. 52 коп., вырученные за стихи графа Хвостова, за изготовленные Мартосомъ эстампы памятника и изъ процентовъ отъ пожертвованныхъ суммъ, за время, пока онѣ не были обращены въ дѣло.

Наиболѣе крупными жертвователями были:

Его Величество Государь Императоръ	5000 рублей.
Императорская Академія Наукъ	1000
Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ	3340
Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ	2000
Софія Алексѣевна Раевская	1000
Кіевскій митрополитъ Евгеній	545
Алексѣй Ивановичъ Яковлевъ	500
Графъ Николай Петровичъ Румянцевъ	500
Графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ . . .	500
Чины 2-й арміи Витгенштейна	2094
Чины отдѣльнаго корпуса внутренней стражи	1584
Харьковскій епископъ Виталій	300
Графъ Сергѣй Петровичъ Румянцевъ	300

Фото-тинто Т-ва „Образованіе“.

Памятникъ ЛОМОНОСОВУ въ г. Архангельскѣ.

АКАДЕМИИ

Группа на памятникѣ Ломоносова, работы художника Мартоса.

АКАДЕМ

Графъ Дмитрій Николаевичъ Шереметевъ . . 300
Сергѣй Семеновичъ Уваровъ 200
Графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ . . . 200
Князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ 200
Генералъ-губернаторъ Степанъ Иван. Миницкій 200
Архангельскіе купцы: Амосовъ, Брантъ и Грель
по 200 рублей 600
Чины морского вѣдомства 897
Чины Петербургскаго Университета 200
Архангельское мѣщанское общество 300

Мартосъ взялся изготовить памятникъ, т. е. произвести своимъ матеріаломъ отливку бронзовыхъ фигуръ съ отчеканкою, вытесать гранитную колонну для пьедестала также изъ своего матеріала, и наконецъ, прислать на свой счетъ въ Архангельскъ мастера для установки памятника—за 46000 рублей, не включая въ эту сумму издержекъ на упаковку, нагрузку и доставку памятника на мѣсто. Цѣну эту считалъ онъ умѣренною, и по этому поводу писалъ къ генералъ-губернатору Миницкому слѣдующее: „не безполезнымъ считаю представить сравненіе двухъ памятниковъ, мною произведенныхъ: памятникъ герцогу Ришелье для Одессы и памятникъ Ломоносову. За одесскій памятникъ, коего стоячая фигура болѣе Ломоносова только пятью вершками и подъ которую пьедесталъ сдѣланъ въ Одессѣ не на мой счетъ, заплачено мнѣ 50000 рублей. Ломоносова же памятникъ состоитъ изъ двухъ фигуръ и подъ него гранитный огромный пьедесталъ—46000 рублей. Изъ сего можете усмотрѣть, что, дѣлая изображеніе нашего безсмертнаго піита, я никакихъ другихъ разсчетовъ себѣ не представлялъ, кромѣ одной чести изобразить ликъ мужа, котораго вся Россія чтитъ и всегда чтить будетъ, и что сего мелкаго разсчета на издержки я бы не помыслилъ представить, если бы мои издержки на сооруженіе сего памятника не были такъ велики“. И, дѣйствительно, съ любовію къ дѣлу и мысли принялся художникъ за выполненіе заказа, хотя по недостатку на первыхъ порахъ денегъ (въ первые два года ему было выдано только 6000 рублей), и не могъ вести работъ съ желаемою скоростью. „Я ничего такъ не боялся, писалъ онъ Миницкому (отъ 1 апрѣля 1828 года), увѣдомляя его объ окончаніи модели памятника, какъ того, что преклонность моихъ лѣтъ не допуститъ меня совершить сію, по предмету своему важную работу, которая посвящается на безсмертіе перваго изъ русскихъ ученыхъ мужей. Сею моделью я занимался два года; она отлита изъ алебастра и выставлена въ моей мастерской на усмотрѣніе публики; ее пріѣзжаютъ смотрѣть любители художествъ и почитатели Ломоносова, и всѣ изъявляютъ сожалѣніе, что сей монументъ дѣлается не для Петербурга“. Тѣ же чувства одушевляли Мартоса и по поводу оконченнаго въ маѣ 1829 года исполненія заказа. „Не скрою, писалъ онъ Миницкому, радости моей по случаю счастливаго отлитія памятника, и удовольствія, которое чувствую, что могъ посвятить труды свои на

увѣковѣченіе лика одного изъ первѣйшихъ геніевъ сѣвера и великаго поэта русскаго".

Въ февралѣ 1829 года графъ Хвостовъ уже сдѣлалъ „Объявленіе объ отъѣздѣ въ Холмогоры Ломоносова, скончавшагося въ 1765 году":

Попутный вѣтръ пловцамъ лишь станетъ дуть,
Съ Невы поэтъ извѣстный Ломоносовъ,
И въ землю рудъ, алмазовъ и кокосовъ,
Въ Архангельскѣ желая отдохнуть,
На родину предпринимаетъ путь.
Онъ нынѣшней холодною зимою
Вечернею и утренней порою
Въ Петрополѣ радъ на друзей взглянуть,
За хлѣбъ, за соль, за лавры поклониться
И ласково съ пріятельми проститься.
Пускай онъ жилъ похвально, славно здѣсь,
Стрѣлъ зависти коварной не боится,
Отъ ногъ до головы онъ мѣдный весь.
Когда его увидѣть кто захочетъ,
Навѣрно тотъ немножко похлопочетъ
Отправиться немедля за Неву—
Профессоръ нащъ живетъ на острову,
Гдѣ Мартосъ самъ его тотчасъ представитъ,
Отечество и Пиндара прославитъ.

Еще въ мартѣ 1829 года было исходатайствовано генералъ-губернаторомъ Миницкимъ Высочайшее повелѣніе объ отправленіи памятника на казенномъ суднѣ, если не будетъ какихъ либо особыхъ препятствій; но онѣ то именно и представились со стороны морского министра, адмирала Моллера, который увѣдомилъ Миницкаго, что „по предстоявшей тогда надобности въ перевозкѣ въ Архангельскъ большого количества казеннаго груза, онъ не считаетъ возможнымъ расположить перевозку памятника на казенномъ суднѣ". Такимъ образомъ приходилось обратиться къ наемнымъ средствамъ, именно перевезти памятникъ или водянымъ путемъ по внутренней судоходной системѣ, или же зимнимъ—чрезъ извозчиковъ, на что, однако, собранной пожертвованіями суммы оказывалось недостаточно, такъ какъ за водяную доставку требовали 7000 рублей, а саннымъ путемъ—6000 рублей, и при томъ не считая издержекъ по нагрузкѣ и выгрузкѣ. Только осенью, со вступленіемъ въ управленіе морскимъ министерствомъ князя Меньшикова, обстоятельства измѣнились къ лучшему и послѣдовало окончательное разрѣшеніе перевезти памятникъ на казенномъ транспортѣ. 17 іюня 1830 года онъ былъ нагруженъ въ Кронштадтѣ на транспортъ „Двину", подъ командою капитана 2-го ранга Полторацкаго и того же лѣта доставленъ въ Архангельскъ. Но и даровая доставка все же не обошлась безъ значительныхъ издержекъ; именно, за перевозку памятника изъ Петербурга въ Кронштадтъ, упаковку и наемъ мѣста на дворѣ частнаго дома, гдѣ производилась вы-

работка гранитныхъ частей пьедестала, и гдѣ онъ, по замедленію въ перевозкѣ, пролежалъ 14 мѣсяцевъ, уплочено всего 3817 руб. 50 коп.

Въ то время, когда памятникъ Ломоносову доставленъ былъ къ берегамъ Двины, въ Архангельскѣ свирѣпствовала „жестокая болѣзнь холера", тогда считавшаяся безусловно заразительною и потому открытіе памятника было отложено до 1832 года. Мѣсто для постановки памятника было назначено собственноручно Императоромъ Николаемъ Павловичемъ на представленной выкопировкѣ части плана гор. Архангельска. Памятнику указано находиться на Соборной площади, примыкающей съ одной стороны къ Троицкому проспекту, съ другой, къ каѳедральному собору, съ третьей къ Воскресенской церкви. Для торжества открытія памятника была утверждена генералъ-губернаторомъ Р. Р. Галломъ, по соглашенію съ епархіальнымъ епископомъ Георгіемъ, слѣдующая программа:

„Предварительныя распоряженія къ открытію памятника.

1. Губернскому архитектору устроить:

а) Надъ памятникомъ наметъ, который въ день открытія по данному сигналу долженъ уничтожиться.

б) На ступенькахъ подъ пьедесталомъ съ лѣвой стороны памятника сдѣлать небольшой помостъ, на которомъ могла бы помѣститься кафедра.

в) Для духовенства, высшихъ чиновниковъ и дамъ устроить особое помѣщеніе, въ видѣ амфитеатра, покрытое сверху парусомъ или тому подобнымъ. Въ передней части сего амфитеатра для знаменитыхъ особъ должны быть поставлены кресла и стулья.

г) Все пространство, которое будетъ назначено для помѣщенія посѣтителей, родственниковъ Ломоносова, пѣвчихъ, музыкантовъ, учащихся и почетныхъ гражданъ, огородить перилами или веревками, за которыми расположится простой народъ.

2. Какъ открытіе памятника назначается въ 25 число іюня, то о семъ днѣ нынѣ же обвѣстить жителей здѣшняго города и родственниковъ Ломоносова и пригласить сихъ послѣднихъ прибыть къ сему дню сюда.

3. Въ день открытія, на верхней ступени подъ пьедесталомъ положить сочиненія Ломоносова, физическіе инструменты, а на нижнихъ—рыболовныя сѣти.

Церемоніалъ открытія памятника:

1. Утромъ 25 іюня начнется благовѣстъ къ Божественной службѣ въ 9 часовъ, а служеніе въ каѳедральномъ соборѣ въ 10 часовъ. Въ продолженіе литургіи будетъ произнесено приличное сему торжественному дню слово.

2. По окончаніи служенія и благодарственнаго о здравіи Его Императорскаго Величества и всего Августѣйшаго Дома молебствія, и по разоблаченіи духовенства, г. губернскій прокуроръ прочтетъ Высочайшее повелѣніе о сооруженіи сего памятника и потомъ начнется церемоніальное шествіе къ памятнику.

3. Въ продолженіе шествія, пѣвчіе архіерейскіе поютъ оду сочиненія Ломоносова: „Хвала Всевышнему Владыкѣ“.
4. По прибытіи къ памятнику и по занятіи всѣми своихъ мѣстъ, по сдѣланному сигналу, памятникъ открывается.
5. По открытіи онаго, пѣвчіе поютъ: „Боже Царя храни“, а музыка играетъ тушъ.
6. Послѣ сего протодіаконъ читаетъ съ кафедры рѣчь, приготовленную на сей случай Его Преосвященствомъ, по окончаніи которой пѣвчіе пропоютъ съ музыкою первое отдѣленіе канта. Потомъ одинъ изъ учителей гимназіи читаетъ рѣчь, сочиненную директоромъ гимназіи г. Никольскимъ, послѣ которой поется такимъ же образомъ вторая часть канта.

Далѣе учитель гимназіи г. Спасскій читаетъ свою рѣчь и поется третье отдѣленіе канта.

Послѣ сего читается ода и напослѣдокъ стихи на латинскомъ языкѣ. Въ заключеніе всего пѣвчіе поютъ: „Тебѣ Бога хвалимъ“.

Градской голова приглашаетъ духовенство, высшихъ чиновниковъ съ ихъ супругами и почетныхъ гражданъ на завтракъ.

Вечеромъ пьедесталъ памятника и ступеньки подъ онымъ будутъ иллюминованы“.

Съ ранняго утра 25 іюня началъ уже собираться народъ на соборную площадь, ожидая любопытнаго зрѣлища. Въ 9 часовъ начался праздничный звонъ въ кафедральномъ соборѣ, продолжавшійся болѣе часа, а затѣмъ началось архіерейское служеніе, на которое „совершенъ архіерейскій входъ со славою въ собраніи всего градского духовенства“. Въ соборѣ ученикамъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеній назначено было стоять по срединѣ съ тѣмъ, чтобы „меньшаго возраста ученики были впереди, а высшаго позади, дабы одни другимъ не мѣшали видѣть богослуженіе и проповѣдника“. Во время литургіи Преосвященнымъ Георгіемъ было произнесено слово, которое заканчивалось слѣдующими словами: „Родители и чада! Взирайте часто и внимательно на памятникъ его..... Разсмотрите прилежно изображеніе Ломоносова: очи его къ небесамъ, рука его, простертая, указуетъ вамъ и чадамъ вашимъ храмъ Божій и святилище наукъ..... Къ вамъ, юноши, наиболѣе сіе относится. Движимые похвальнымъ и благороднымъ усердіемъ ознаменовать достоинства Ломоносова посильными доброхотными приношеніями, воздвигли возможный памятникъ тому, которымъ отличается и славится страна сія, бывшая ему колыбелью, въ которой и вы возлелѣяны. Вы же, къ счастію своему, украсите оный охотою, прилежаніемъ и рвеніемъ къ наукамъ и возвеличите оный подражаніемъ Ломоносову и соревнованіемъ его всемѣрному и чрезвычайному усилію и блистательнымъ успѣхамъ въ просвѣщеніи. Таковое украшеніе и таковое ваше почтеніе для него долговѣчнѣе мѣди, блистательнѣе злата и драгоцѣннѣе отличнѣйшихъ алмазовъ“. По окончаніи литургіи,

былъ совершенъ благодарственный молебенъ. Затѣмъ, по разоблаченіи духовенства, губернскій прокуроръ прочиталъ Высочайшее повелѣніе о сооруженіи памятника Ломоносову въ Архангельскѣ. Послѣ этого началось церемоніальное шествіе изъ собора на площадь къ открываемому памятнику. Его открывали ученики духовныхъ и гражданскихъ учебныхъ заведеній съ ихъ учителями и начальствомъ. За ними шли немногочисленные родственники Ломоносова, а потомъ духовенство, преосвященный Георгій въ мантіи, военный губернаторъ, адмиралъ Р. Р. Галлъ, военные и гражданскіе чиновники, по старшинству ихъ чиновъ, за ними дамы, неслужащее дворянство и купечество и „напослѣдокъ простой народъ“. Въ продолженіе шествія, архіерейскіе пѣвчіе, шедшіе съ духовенствомъ, пѣли оду Ломоносова: „Хвала Всевышнему Владыкѣ“. По прибытіи къ памятнику, всѣ участники шествія были размѣщены по своимъ мѣстамъ: воспитанники учебныхъ заведеній находились сбоку памятника, въ амфитеатрѣ первый рядъ креселъ былъ занятъ епископомъ, военнымъ и гражданскимъ губернаторами, комендантомъ Новодвинской крѣпости и другими начальствующими лицами съ ихъ супругами, въ слѣдующихъ рядахъ помѣстились: духовенство, военные и гражданскіе чиновники, дворяне и купечество съ супругами. Все это пространство огорожено было натянутыми веревками, за которыми размѣстился „черный“ народъ. Когда публика заняла свои мѣста, покрывало было сдернуто съ памятника и раздался народный гимнъ, исполненный хоромъ пѣвчихъ и всѣми присутствующими, а затѣмъ военный оркестръ проигралъ тушъ. Послѣ сего соборный протодіаконъ прочиталъ съ кафедры краткую рѣчь преосвященнаго Георгія. Текстъ этой рѣчи, являющійся образчикомъ тогдашняго провинціальнаго духовнаго краснорѣчія слѣдующій: „Торжествующее собраніе! Давно уже Божіе и Помазанниковъ Его благоволеніе соотвѣтствовало намѣренію здѣшняго града всѣхъ сословій воздвигнуть памятникъ Ломоносову, но никто не проникнулъ, почему вдругъ начало не достигло своего конца. Теперь видимъ ясно отъ событій причину. Времена Петра I-го весьма подобны временамъ Николая I-го, и почти столько, сколько Николай I-й подобенъ Петру I-му. Ломоносовъ передалъ намъ въ гремящихъ звукахъ чудные побѣды и подвиги Великаго Государя Императора Петра Алексѣевича; видно судьбамъ Божіимъ благоугодно было, дабы, въ заключеніе подобныхъ чудныхъ побѣдъ Великаго Государя нашего Императора Николая Павловича торжествовать въ сей день славу, такъ сказать, Державныхъ чудесъ Громоносца. Сколько Великій Петръ I-й, непреоборимый никакими трудностями, ни смертоносными вооруженіями, прославилъ въ неутомимой и неусыпаемой дѣятельности, столько же и едва ли не болѣе, посредѣ разныхъ злоумышленій, обурѣваній и злоключеній, Богъ прославилъ силою своею и духомъ крѣпости и непоколебимости Великаго Николая I-го. Мы теперь

въ великомъ пристанищѣ, взирая на протекшія треволненія и горькое Іовлево испытаніе, не можемъ не вздрогнуть; но тѣмъ болѣе радуемся и веселимся избавленные. Къ сему именно дню, не когда либо въ иное, но именно въ нынѣшнее время созрѣли всѣ ожиданія, всѣ терпѣнія наши. Можемъ теперь воскликнуть: „сей день, его-же сотвори Господь для насъ, да возрадуемся и возвеселимся и восторжествуемъ о Господѣ Бозѣ и Спасѣ Нашемъ, славно бо прославися". Послѣ этой рѣчи, пѣвчіе пропѣли, подъ аккомпаниментъ музыки первое отдѣленіе канта и потомъ одинъ изъ учителей гимназіи прочиталъ рѣчь, сочиненную директоромъ гимназіи Никольскимъ, послѣ чего исполнена была вторая часть канта. Далѣе учитель гимназіи Спасскій прочиталъ новую рѣчь и было пропѣто послѣднее отдѣленіе канта. Послѣ сего была прочитана ода Ломоносова и латинскіе стихи, посвященные торжеству. Въ заключеніе всего пѣвчіе пропѣли: „Тебѣ Бога хвалимъ". По окончаніи торжества, градской голова пригласилъ духовенство, высшихъ чиновниковъ съ ихъ супругами и почетныхъ гражданъ на завтракъ. Вечеромъ пьедесталъ памятника былъ иллюминованъ и по главной улицѣ города – Троицкому проспекту, устроено народное гулянье[1]).

Установка и открытіе памятника Ломоносову обошлась въ 654 руб. 41½ коп. Въ 1835 году было признано необходимымъ устроить вокругъ памятника чугунную рѣшетку. Этотъ заказъ, по чертежу архитектора академіи художествъ Мельникова, былъ выполненъ въ Петербургѣ на Александровскомъ литейномъ заводѣ за 2250 рублей, перевозку же рѣшетки (вѣсомъ 228 пуд. 21½ фунтъ) приняло на себя Петербургское купеческое общество. Когда въ 1837 году рѣшетка была привезена въ Архангельскъ, то для установки ея потребовалась неожиданная издержка: памятникъ былъ поставленъ на мѣстѣ, не вымощенномъ камнемъ, вслѣдствіе чего осѣлъ, такъ что рѣшетка закрывала собою половину пьедестала. Поэтому необходимо было возвысить памятникъ на 5½ футовъ подведеніемъ подъ пьедесталъ основанія изъ дикаго камня, который слѣдовало положить на цементъ, скрѣпить желѣзомъ и свинцомъ и подложить подъ фундаментъ сваи. Смѣта на эти работы была исчислена въ 2500 рублей, но мѣстный почитатель Ломоносова, Архангельскій купецъ Иванъ Осиповичъ Окуловъ изъявилъ готовность выполнить ихъ лишь за сумму, оставшуюся отъ пожертвованій, а именно за 413 рублей 18 коп.

Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе измѣненій, происшедшихъ въ расположеніи городскихъ зданій, памятникъ Ломоносова оказался удаленнымъ отъ Троицкаго проспекта и кромѣ того, сравнительно

[1]) Въ дѣлахъ архива Архангельскаго губернскаго правленія сохранилась также анаграмма, приготовленная на случай открытія памятника Ломоносову преосвященнымъ Георгіемъ:

„Прохожій! Ты ли Россъ?
Смотри, вотъ Ломоносовъ!
Да! Онъ лучъ Соломоновъ,
Архангельскій Колоссъ".

съ величиною площади онъ былъ малъ, отъ чего терялъ видъ. Поэтому, по ходатайству Архангельскаго губернатора С. П. Гагарина, послѣдовало, 23 іюня 1867 года, Высочайшее соизволеніе на перенесеніе памятника на площадь между зданіями губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, городской думы, Маріинской гимназіи и губернской гимназіи. Торжество перенесенія памятника, слившееся съ открытіемъ въ Архангельскѣ выставки сельско-хозяйственныхъ произведеній, было совершено по нижеслѣдующей программѣ:

1. Къ 11 часамъ утра 1-го Сентября 1867 года въ Архангельскій кафедральный соборъ прибудутъ: городское духовенство, начальникъ губерніи,лица, завѣдывающія отдѣльными частями, должностныя лица городского общественнаго управленія, купечество, мѣщане, цеховые, поморскіе судохозяева, должностныя лица ближайшихъ къ городу крестьянскихъ обществъ, крестьяне и крестьянки.
2. Въ то же время на площади предъ памятникомъ, по правую сторону его, займутъ мѣста: войско, портовая команда, таможенная команда, воспитанники и воспитанницы учебныхъ заведеній.
3. Затѣмъ въ $11^1/_4$ часовъ шествіе изъ собора направится къ памятнику въ слѣдующемъ порядкѣ: а) шесть жандармовъ на лошадяхъ, б) крестьяне и крестьянки, в) должностныя лица крестьянскихъ обществъ, г) городскіе цехи со значками, д) Архангельское мѣщанское общество, е) купечество, ж) поморскіе судохозяева и мореходцы, з) флаги россійскіе, и) должностныя лица городского общественнаго управленія, і) служащіе всѣхъ вѣдомствъ, к) лица, завѣдывающія отдѣльными частями, л) начальникъ губерніи, м) церковныя хоругви, н) крестъ и фонарь, о) пѣвчіе, п) духовенство, р) преосвященный епископъ Архангельскій и Холмогорскій съ сослужащими.
4. Когда шествіе приблизится къ памятнику, то церковныя хоругви, крестъ и фонарь будутъ поставлены на воздвигнутой для священнодѣйствія эстрадѣ. Его преосвященство съ духовенствомъ взойдетъ на эстраду; пѣвчіе расположатся влѣво отъ духовенства. Остальныя же лица, участвующія въ шествіи, станутъ по лѣвую сторону памятника, къ городской думѣ, въ томъ порядкѣ, въ какомъ происходило шествіе.
5. По освященіи памятника на его новомъ мѣстѣ и по совершеніи панихиды по М. В. Ломоносовѣ, воспитанники семинаріи, подойдя къ памятнику, пропоютъ оду Ломоносова: „Да хвалитъ духъ мой и языкъ“.
6. Затѣмъ всѣ лица, участвовавшія въ шествіи, отправятся въ общегражданскую залу городской думы, гдѣ совершится торжество освященія и открытія Архангельской губернской выставки сельскохозяйственныхъ произведеній.
7. Вечеромъ памятникъ и окружающія его зданія будутъ иллюминованы и оркестръ военной музыки у подножія памятника, отъ 7 до 10 часовъ, будетъ исполнять народныя пьесы.

Въ заключеніе настоящаго очерка считаемъ не лишнимъ привести отзывъ о памятникѣ Ломоносова, помѣщенный въ „Исторіи Русской словесности“ Полевого (томъ I-й, стр. 562—563): „Но, къ сожалѣнію, (Мартосъ) создалъ его въ томъ ложно-классическомъ стилѣ, изъ подъ опеки котораго долгое время не могло выбиться наше русское искусство. Ломоносовъ изображенъ въ короткой туникѣ и тогѣ, накинутой на плечи, глаза его обращены къ небу и взоръ полонъ вдохновенія, которое онъ готовъ передать струнамъ лиры, подаваемой ему крылатымъ геніемъ, колѣнопреклоненнымъ у ногъ поэта. Эти обнаженныя фигуры, надо сказать правду, плохо мирятся съ тѣмъ суровымъ небомъ и трескучими морозами, съ которыми неразлучно соединено наше представленіе о родинѣ Ломоносова“.

Ломоносовское училище съ классомъ рѣзьбы по кости и безплатною народною библіотекою и Ломоносовская стипендія.

Архангельскій губернскій статистическій комитетъ, въ засѣданіи 23 октября 1864 года, въ виду предстоявшаго 4 апрѣля 1865 года столѣтія со дня кончины М. В. Ломоносова, обсуждалъ вопросъ, чѣмъ было бы прилично почтить память этого великаго человѣка. При этомъ, предсѣдатель комитета, губернаторъ Н. М. Гартингъ и членъ комитета Смольянъ предложили испросить разрѣшеніе высшаго начальства на открытіе отъ имени комитета подписки на устройство памятника въ д. Денисовкѣ,—родинѣ Ломоносова; членъ комитета Городысскій заявилъ, что лучшимъ памятникомъ было бы каменное зданіе въ д. Денисовкѣ, назначенное для помѣщенія школы, подъ названіемъ Ломоносовской; секретарь комитета Чубинскій высказалъ мысль объ учрежденіи при Архангельской гимназіи стипендіи подъ названіемъ Ломоносовской, на счетъ которой воспитывались бы крестьяне Архангельской губерніи. По выслушаніи всего вышеизложеннаго, статистическій комитетъ, между прочимъ, постановилъ: испросить у высшаго начальства разрѣшеніе на открытіе подписки на устройство памятника въ д. Денисовкѣ, Холмогорскаго уѣзда и на учрежденіе при Архангельской губернской гимназіи Ломоносовской стипендіи для образованія крестьянъ Архангельской губерніи. Ходатайство статистическаго комитета было уважено и, съ Высочайшаго соизволенія, въ мартѣ 1865 года была открыта подписка для сбора добровольныхъ пожертвованій по всей имперіи. Одновременно съ этимъ, комитетомъ были затребованы отъ свѣдущихъ лицъ соображенія объ устройствѣ памятника и приступлено къ составленію положенія о Ломоносовской стипендіи. Въ концѣ 1865 года изъ собранной по подпискѣ суммы было отчислено 4000 рублей на содержаніе Ломоносовской стипендіи и проектъ положенія о стипендіи былъ представленъ на утвержденіе

министра народнаго просвѣщенія. 3 августа 1866 года этотъ проектъ былъ утвержденъ управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра Деляновымъ, въ слѣдующемъ видѣ:

§. 1. Ломоносовская стипендія учреждается при Архангельской губернской гимназіи для образованія одного изъ крестьянъ Архангельской губерніи.

§ 2. Стипендіатъ содержится изъ % съ капитала въ 4000 рублей, отчисленныхъ отъ пожертвованій, поступившихъ въ Архангельскій статистическій комитетъ по подпискѣ, открытой комитетомъ съ Высочайшаго соизволенія въ 1865 году.

§ 3. Означенный капиталъ 4000 рублей обращенъ въ государственные 5% билеты, которые, по истеченіи срока или по выходѣ въ тиражъ, должны быть вновь замѣнены другими подобнаго рода кредитными бумагами.

§ 4. Капиталъ этотъ, составляя неприкосновенную собственность Архангельскаго статистическаго комитета, долженъ храниться вмѣстѣ съ его суммами въ губернскомъ казначействѣ, а полученіе процентовъ и выдача оныхъ на содержаніе стипендіата возлагается на особую, изъ членовъ комитета, комиссію.

§ 5. Комиссія эта носитъ названіе „комиссіи Ломоносовской стипендіи“ и состоитъ изъ предсѣдателя статистическаго комитета, управляющаго палатою государственныхъ имуществъ, директора училищъ и секретаря комитета. На комиссію эту возлагается ближайшая забота о стипендіатѣ и веденіе отчета о приходѣ и расходѣ по Ломоносовской стипендіи.

§ 6. Къ соисканію Ломоносовской стипендіи допускаются дѣти крестьянъ всѣхъ уѣздовъ Архангельской губерніи, но, при равныхъ достоинствахъ конкурентовъ, преимущество отдается уроженцамъ Холмогорскаго уѣзда, мѣста родины Ломоносова.

§ 7. При совершенно одинаковыхъ достоинствахъ между нѣсколькими соискателями, согласно § 6, круглымъ сиротамъ отдается предпочтеніе предъ дѣтьми, имѣющими родителей. Дѣти, имѣющіе родителей, могутъ воспользоваться стипендіей не иначе, какъ съ согласія ихъ родителей.

§ 8. Желающій пользоваться стипендіей долженъ обладать знаніями, требующимися для поступленія въ 1-й классъ гимназіи, и при хорошихъ способностяхъ не долженъ быть замѣченъ ни въ чемъ предосудительномъ.

§ 9. Управляющій палатою государственныхъ имуществъ, мировые посредники и училищные совѣты, по введеніи таковыхъ въ Архангельской губерніи, сообщаютъ Ломоносовской комиссіи заблаговременно, т. е. до начала годичнаго гимназическаго курса, о дѣтяхъ, соединяющихъ въ себѣ качества, изложенныя въ предыдущемъ §.

§ 10. Комиссія, по полученіи этихъ сообщеній, сносится съ кѣмъ слѣдуетъ о высылкѣ къ назначенному сроку дѣтей для испытанія.

При этомъ соблюдается однако-жъ, чтобъ изъ каждаго училища было выслано къ соисканію стипендіи не болѣе двухъ кандидатовъ.

§ 11. Испытаніе производится въ педагогическомъ совѣтѣ гимназіи и о результатахъ его увѣдомляется комиссія Ломоносовской стипендіи, которая, соображаясь съ отзывами педагогическаго совѣта и настоящими правилами, назначаетъ стипендіата. Вопросъ о лишеніи стипендіата за неуспѣхъ или проступки стипендіи рѣшается такимъ же порядкомъ.

§ 12. Заботясь объ успѣхахъ и лучшемъ устройствѣ стипендіата, комиссія должна въ то же время заботиться и о возможномъ удовлетвореніи расходовъ на его содержаніе, такъ чтобы отъ назначенныхъ въ годъ на его содержаніе 200 рублей могло образоваться къ концу курса наукъ въ гимназіи нѣкоторое сбереженіе, которое выдается стипендіату на руки, для первоначальнаго обзаведенія.

§ 13. По окончаніи стипендіатомъ курса наукъ въ гимназіи и при желаніи поступить въ высшее учебное заведеніе, комиссія ходатайствуетъ, гдѣ слѣдуетъ, о принятіи его въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ число стипендіатовъ, гдѣ таковые положены, или же объ оказаніи ему дальнѣйшаго пособія къ полученію высшаго образованія.

§ 14. По выбытіи одного стипендіата, вакансія его немедленно замѣщается другимъ кандидатомъ, по распоряженію комиссіи.

Между тѣмъ статистическій комитетъ, ознакомившись со смѣтами по сооруженію проектированнаго памятника Ломоносову[1]) въ засѣданіи 28 апрѣля 1866 года постановилъ: „Уже многіе изъ членовъ нашего комитета неоднократно заявляли, что устройство дорогого монумента въ д. Денисовкѣ было бы непроизводительною тратою денегъ, потому что въ эту деревню мало кто когда либо заѣзжаетъ. Цѣль устройства памятника въ д. Денисовкѣ, по мнѣнію большинства членовъ, была та, чтобы сохранить въ памяти потомства то мѣсто, гдѣ стоялъ домъ Ломоносова, а для этой цѣли можетъ быть построенъ весьма недорогой памятникъ. Комитетъ, имѣя въ виду основательность подобныхъ заявленій г.г. членовъ, находитъ желательнымъ: 1) въ д. Денисовкѣ соорудить небольшой памятникъ, который обошелся бы отъ 300 до 500 руб. рублей, для чего изъ числа наличныхъ денегъ, собранныхъ

[1]) При составленіи проектовъ памятника Ломоносову и Ломоносовской школы много поработалъ А. Г. Тышинскій, какъ это видно изъ рапорта его Архангельскому губернатору князю Гагарину, отъ 19 февраля 1869 года. „И въ минувшемъ году, по порученію вашего сіятельства, я взялъ на себя трудъ составить проекты памятника Ломоносову на мѣстѣ его родины и зданія для Ломоносовской школы. Проэты эти уже мною исполнены, начерченъ планъ и фасадъ школы и въ маломъ видѣ слѣпка изъ воска – модель памятника. Работы эти, въ особенности послѣдняя, будучи представлены въ засѣданіе статистическаго комитета, заслужили общее и единогласное одобреніе". Въ докладной запискѣ на имя того же князя Гагарина, отъ 7 апрѣля 1869 года, Тышинскій представляетъ смѣту расходовъ на отлитіе металлической модели памятника, всего на сумму 50 рублей; эта сумма была выдана комитетомъ по журнальному постановленію отъ 13 апрѣля 1869 года. Однако, почему-то модель памятника была отлита Тышинскимъ не изъ металла, а изъ гипса. Впослѣдствіи она была передана въ Архангельскій городской публичный музей, гдѣ хранится и по настоящее время.

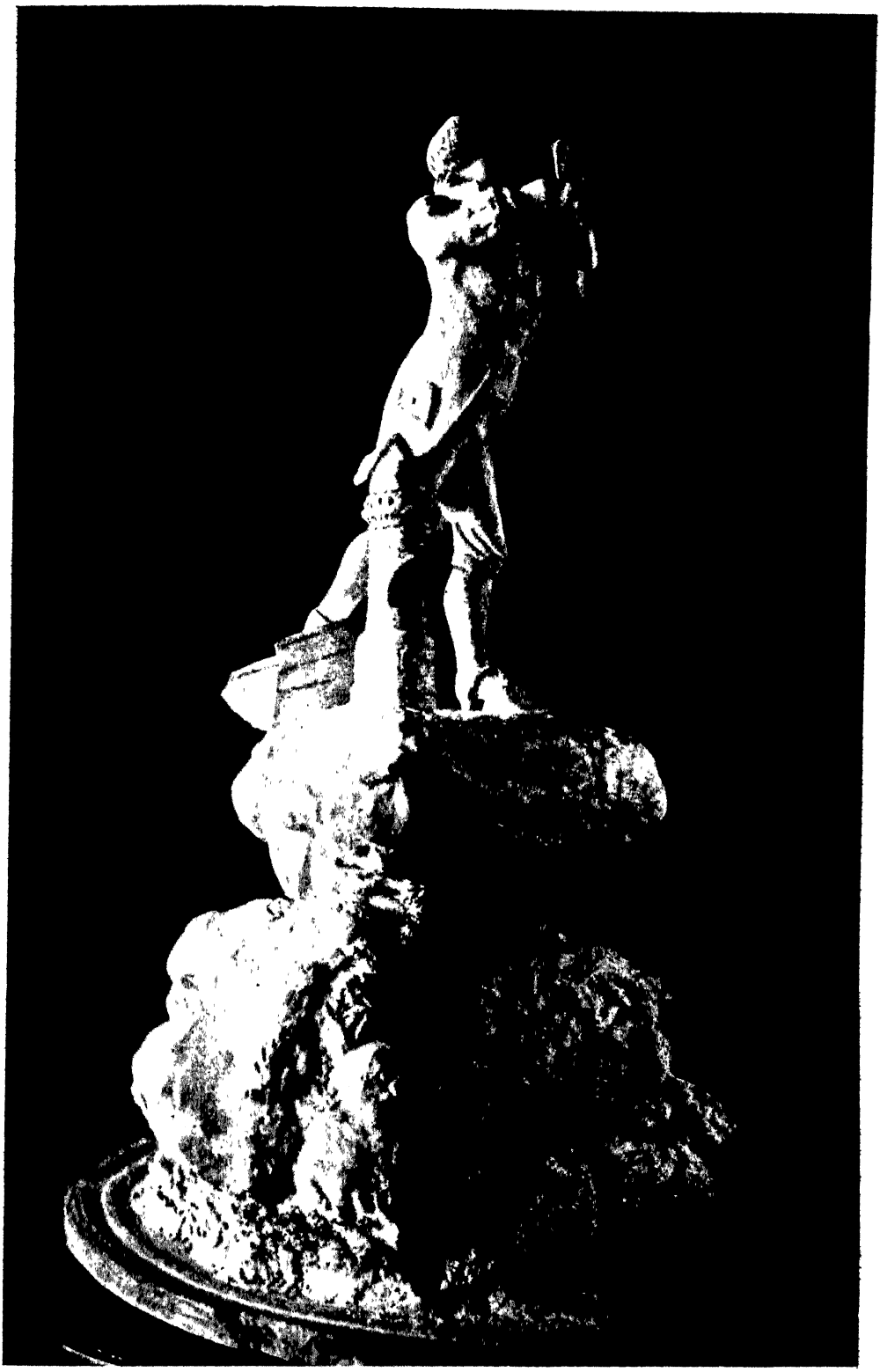


Фото-тинто Т-ва „Образованіе".

Модель памятника ЛОМОНОСОВУ который предполагалось поставить на его родинѣ, въ с. Денисовкѣ, Холмогорскаго уѣзда.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

по подпискѣ суммъ отложить 500 рублей, 2) остальную затѣмъ сумму предназначить на устройство и содержаніе Ломоносовской школы въ д. Денисовкѣ, преподаваніе въ которой стояло бы на такой высотѣ, что-бы выучившіеся въ этой школѣ сами могли быть распространителями образованія въ народѣ, обучая дѣтей не только механическому чтенію и письму, но такъ, чтобы выучившійся могъ употребить грамотность на пользу себѣ какъ въ нравственномъ, такъ и промышленномъ отношеніи. Но такъ какъ въ Высочайшемъ повелѣніи, послѣдовавшемъ 5 февраля 1865 года объ открытіи подписки, ничего не говорится о школѣ, то просить министра внутреннихъ дѣлъ о исходатайствованіи Высочайшаго соизволенія: а) обратить всѣ собранныя деньги, за исключеніемъ 400 рублей, назначенныхъ на стипендію, и 500 рублей, назначенныхъ на памятникъ, и тѣ, которыя впредь будутъ поступать, на учрежденіе и содержаніе Ломоносовской школы въ д. Денисовкѣ, и б) продолжить подписку на этотъ предметъ, такъ какъ комитетъ не получилъ еще пожертвованій и отвѣтовъ отъ многихъ мѣстъ и лицъ, къ которымъ онъ обращался". Въ томъ же 1866 году комитетомъ былъ представленъ министру внутреннихъ дѣлъ проектъ плана преподаванія въ предполагаемомъ училищѣ. По этому плану Ломоносовская школа, приближаясь по программѣ къ 2-хъ класснымъ приходскимъ училищамъ, должна имѣть цѣлію дать дѣтямъ мѣстныхъ жителей такое образованіе, какое имъ пригодно будетъ для будущей ихъ дѣятельности. А поэтому, кромѣ обученія Закону Божію, чтенію, письму, ариѳметикѣ и пѣнію, въ кругъ ея предметовъ войдутъ разсказы изъ естественной исторіи, географіи, отечественной исторіи и наглядное обученіе, которое состояло бы въ разсмотрѣніи разныхъ сельско-хозяйственныхъ и промысловыхъ орудій, а равно и способовъ ихъ изготовленія. Преподаваніе означенныхъ предметовъ поручается законоучителю и учителю, при чемъ священнику предоставлялось: 6 уроковъ Закона Божія, 4—славянскаго чтенія, 6—русскаго языка въ 1-мъ классѣ и 1 урокъ изъ отечественной исторіи, всего 17 уроковъ въ недѣлю, а остальные 26 уроковъ поручались учителю. Всѣ предметы должны быть пройдены въ 2 классахъ въ 4 года. По окончаніи каждаго учебнаго года, дѣтямъ производится испытаніе, въ присутствіи, между прочимъ, сельскаго головы и грамотныхъ крестьянъ; о времени экзамена увѣдомляется мировой посредникъ, смотритель 2-хъ классныхъ приходскихъ училищъ и директоръ училищъ, равно какъ и статистическій комитетъ, который можетъ откомандировать для присутствія на экзаменѣ одного изъ своихъ членовъ. Въ школѣ предоставляется право ученія и крестьянскимъ дѣвочкамъ до 12 лѣтняго ихъ возраста. Наблюденіе за правильнымъ исполненіемъ предписаній начальства возлагается на законоучителя, на немъ же лежитъ и вся переписка по училищу.

Изъ ранѣе собранныхъ денегъ, вмѣстѣ съ новыми пожертвованіями, поступившими по Высочайше разрѣшенной 6 января 1867 года дальнѣйшей подпискѣ, во второй половинѣ 1868 года составился ка-

питалъ въ 8500 рублей, который приносилъ дохода 425 рублей. Этой послѣдней суммы оказалось достаточно на первоначальное обзаведеніе и содержаніе школы и 13 сентября 1868 года состоялось постановленіе статистическаго комитета объ открытіи Ломоносовскаго училища, но съ программою не двухклассныхъ, а одноклассныхъ училищъ, въ виду сравнительной ограниченности собранныхъ средствъ. Въ хозяйственномъ отношеніи Ломоносовская школа должна была находиться въ вѣдѣніи статистическаго комитета, а въ учебномъ—въ вѣдѣніи дирекціи народныхъ училищъ Архангельской губерніи.

Днемъ открытія Ломоносовскаго училища было назначено 3 октября 1868 года. На торжество открытія прибыли: начальникъ губерніи, князь С. П. Гагаринъ, директоръ училищъ К. Б. Пилацкій, члены статистическаго комитета и родственники Ломоносова. Кромѣ того, на открытіи участвовали ученики, поступившіе въ Ломоносовскую школу (въ числѣ 52 человѣкъ), ученики Холмогорскаго 2 класснаго приходскаго училища съ ихъ наставниками, старшины, судьи и старосты двухъ сосѣднихъ волостныхъ правленій и нижніе чины Холмогорской мѣстной команды.

3 октября еще съ ранняго утра жители Куростровскаго селенія стали собираться къ мѣсту, на которомъ стоялъ домъ отца М. В. Ломоносова. Это мѣсто заблаговременно было очищено и усыпано пескомъ. На немъ поставлены декоративныя изображенія имѣющаго быть построеннымъ на этомъ мѣстѣ училища и памятника, проектированныя и выполненныя членомъ статистическаго комитета А. Г. Тышинскимъ. Открытію школы предшествовало церковнослуженіе, совершенное членомъ статистическаго комитета, ректоромъ Архангельской духовной семинаріи, архимандритомъ Донатомъ съ причтами 3 Холмогорскихъ городскихъ и 12 ближайшихъ сельскихъ приходовъ. На литургіи священникомъ Куростровскаго прихода о. А. Васильевымъ сказана приличная случаю рѣчь, послѣ которой совершена панихида по М. В. Ломоносовѣ. По окончаніи послѣдней, совершенъ крестный ходъ сперва къ мѣсту, гдѣ находился домъ Ломоносова, а потомъ крестный ходъ отправился къ дому, нанятому для Ломоносовскаго училища. Здѣсь былъ отслуженъ молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія, между прочимъ, всѣмъ тѣмъ, кто пожертвованіями и трудами помогъ увѣковѣчить на родинѣ память М. В. Ломоносова.

Послѣ этого архимандритъ Донатъ произнесъ рѣчь о пользѣ грамотности, которая, по замѣчанію присутствовавшихъ, произвела глубокое впечатлѣніе въ народѣ. Вслѣдъ за этимъ были произнесены рѣчи директоромъ народныхъ училищъ Пилацкимъ и назначеннымъ на должность учителя Ломоносовской школы А. П. Широкимъ. Рѣчь послѣдняго, по отзыву очевидцевъ, также вызвала полное одобреніе народа, особенно слѣдующее ея мѣсто, гдѣ сравненіемъ объяснялось распространеніе просвѣщенія: „по милости Божіей, я самъ русскій крестьянинъ Мезенскаго уѣзда, дер. Долгощельской, научился грамотѣ, уразумѣлъ ее поряцкомъ, теперь могу и другихъ поучить,

а тѣ въ свою очередь другихъ поучатъ; вѣдь это все равно, что въ Христову заутреню: затеплилъ одинъ свѣчу отъ иконы, а другой отъ него, тамъ третій, а немного погодя, смотришь, и у всѣхъ православныхъ свѣчи теплятся, а свѣтъ то такъ и разлился по всему Божьему храму и свѣтло и радостно". Послѣ рѣчи Широкаго, секретарь статистическаго комитета П. П. Чубинскій прочелъ стихотвореніе, написанное имъ на открытіе Ломоносовскаго училища.

По отъѣздѣ начальствующихъ лицъ и гостей въ Холмогоры, жители Куростровскаго и Залывскаго селеній, исправлявшіе дорогу на протяженіи Куростровскаго селенія и усыпавшіе всю улицу пескомъ, были угощены водкою. Послѣ этого Холмогорская воинская команда, занявъ мѣсто предъ изображеніемъ памятника, пѣла народныя пѣсни; этому примѣру послѣдовали мѣстные жители, изъ которыхъ образовалось нѣсколько кружковъ. Въ 6 часовъ вечера декоративныя изображенія освѣщены были зажженными смоляными бочками, при чемъ пѣсни мужчинъ—пѣсенниковъ замѣнились пѣснями куростровскихъ дѣвушекъ. Когда въ 8 часовъ декорацію памятника стали снимать для перевозки въ Холмогоры, дѣвушки запѣли: „отъѣзжаетъ миленькій во дороженьку". Торжественное открытіе училища произвело сильное впечатлѣніе на народъ и крестьяне заявляли, что если въ училищѣ дѣйствительно будутъ учить скоро и понятно, а не такъ какъ было прежде въ сельскихъ училищахъ, то не останется ни одного мальчика, ни одной дѣвочки безъ ученія. Наканунѣ дня открытія, когда, по окончаніи работъ по установкѣ декоративнаго изображенія будущаго училища и памятника, декораціи эти были освѣщены зажженной соломой, то крестьяне нѣсколько разъ приносили соломы и освѣщали изображенія для собственнаго удовольствія. Въ память открытія Ломоносовской школы, куростровскіе крестьяне исходатайствовали разрѣшеніе на переименованіе ихъ волости изъ Вашкаринской въ Ломоносовскую и деревни Денисовки—въ Ломоносовку, и затѣмъ общимъ приговоромъ заявили желаніе пріобрѣсть для училища портретъ начальника губерніи князя С. П. Гагарина и нѣкоторыхъ лицъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ учрежденіи школы. Кромѣ того, въ видахъ особой заботливости о поддержаніи училища, они избрали изъ своей среды особаго попечителя школы.

Помѣщеніе для Ломоносовскаго училища было нанято у крестьянки И. Е. Лопаткиной, правнучки Марьи Васильевны Головиной, сестры М. В. Ломоносова. Помѣщеніе это состояло изъ 4 комнатъ, изъ которыхъ первая служила сборною для учениковъ. Другія двѣ комнаты предназначались для классовъ, стѣны которыхъ украшены были портретами Государя Императора, М. В. Ломоносова, изображеніемъ просвѣтителей славянъ Кирилла и Меѳодія, видомъ дер. Денисовки и изображеніемъ памятника Ломоносову въ Архангельскѣ. Четвертая комната назначена была для квартиры учителя.

Черезъ годъ Ломоносовское училище посѣтилъ новый начальникъ Архангельской губерніи Н. А. Качаловъ, который также близко

принялъ къ сердцу его нужды, какъ и князь Гагаринъ. Въ 1870 году 24 іюня Ломоносовское училище имѣло счастіе принять Великаго Князя Алексѣя Александровича, путешествовавшаго по обширному сѣверу нашего отечества. Его Высочество былъ встрѣченъ восторженно большою толпою народа, осмотрѣлъ училище, мѣсто, гдѣ находился домъ Ломоносова и изволилъ пожаловать 400 рублей на постройку на этомъ мѣстѣ собственнаго дома для школы. Къ этимъ деньгамъ затѣмъ присоединены были 170 руб. отъ Куростровскаго сельскаго общества и 200 рублей 50 коп., пожертвованные статскимъ совѣтникомъ Лаговскимъ и нѣкоторыми другими лицами. Въ то же время мировому посреднику С. И. Личкову удалось уговорить Емецкихъ крестьянъ пожертвовать въ пользу Ломоносовскаго училища пустовавшее зданіе бывшаго хозяйственно-ремесленнаго женскаго училища въ с. Емецкомъ, Холмогорскаго уѣзда. Это зданіе было приплавлено весною 1871 года въ Куростровъ и поставлено вблизи отъ того мѣста (саженяхъ въ 20), гдѣ, по преданію, находился домъ М. В. Ломоносова.

9 сентября 1871 года праздновалось освященіе дома для Ломоносовскаго училища. Къ торжеству освященія прибыли: начальникъ губерніи Н. П. Игнатьевъ, директоръ народныхъ училищъ Пилацкій, мировой посредникъ Личковъ, Холмогорскій исправникъ и другія лица. День, съ утра пасмурный, разгулялся и солнце привѣтливо смотрѣло на толпу зрителей, собравшихся изъ всей Ломоносовской волости. Учащіяся дѣти, въ числѣ 40 мальчиковъ и 12 дѣвочекъ, стояли въ большой классной комнатѣ съ ихъ родителями и родственниками. Чинъ освященія совершалъ благочинный мѣстныхъ церквей о. А. Тошаковъ. Затѣмъ мировымъ посредникомъ Личковымъ былъ прочитанъ отчетъ о расходованіи суммъ по постройкѣ зданія для Ломоносовской школы и произнесены были рѣчи начальникомъ губерніи, директоромъ народныхъ училищъ и законоучителемъ Ломоносовскаго училища о. А. Васильевымъ. Отчетъ Личкова оканчивался слѣдующимъ сообщеніемъ: „кромѣ произведенныхъ расходовъ, всего до 777 рублей, предстоитъ необходимость оконопатить стѣны внутри и снаружи, устроить заборъ около дома и по крайней мѣрѣ въ будущемъ году необходимо оштукатурить потолки и стѣны; но на это училище не имѣетъ никакихъ средствъ, а потому обращаюсь къ вашему превосходительству съ покорнѣйшею просьбою не оставить училище на будущее время и вмѣстѣ съ тѣмъ прошу г. попечителя (крестьянина Христофорова) оказать посильное содѣйствіе къ исполненію необходимѣйшихъ работъ для приведенія къ окончанію начатаго дѣла“.

Фасадъ училищнаго дома, имѣвшій въ длину 12 саженъ, обращенъ былъ къ дорогѣ, къ которой вела широкая аллея, обсаженная березками. По обѣ стороны этой аллеи предполагалось устроить садъ, въ которомъ дѣти могли бы ознакомиться съ садоводствомъ, на сколько оно примѣнимо на нашемъ суровомъ сѣверѣ. Парадное крыльцо вело въ корридоръ, раздѣляющій домъ на двѣ половины: налѣво

двѣ большія классныя комнаты, каждая въ 5 саженъ длины и 3 сажени ширины, предъ второй комнатой большая прихожая; изъ прихожей черезъ корридоръ ходъ въ кухню, къ которой примыкала комната въ 5 саженъ длины и 3—ширины, предназначенная для тѣхъ дѣтей, которыя по дальнему разстоянію не могли ежедневно возвращаться домой; за этой комнатой слѣдовали еще 2 комнаты, назначенныя для учителя.

Въ виду того, что окончательная отдѣлка зданія училища требовала новыхъ средствъ, статистическій комитетъ 15 ноября 1871 года постановилъ ходатайствовать о разрѣшеніи расходъ по отдѣлкѣ училища произвести изъ тѣхъ 500 рублей, которые были отчислены на устройство памятника Ломоносову въ с. Денисовкѣ, на что и послѣдовало 11 февраля 1872 года Высочайшее соизволеніе, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы изъ тѣхъ же 500 рублей былъ пріобрѣтенъ и поставленъ въ училищѣ образъ св. Архангела Михаила съ неугасимой лампадой.

Въ 1885 году Архангельскій губернаторъ К. И. Пащенко, озабочиваясь упадкомъ рѣзного по кости промысла въ губерніи, пришелъ къ мысли поднять этотъ промыселъ въ томъ районѣ, въ которомъ онъ уже издавна практиковался, т. е. въ Холмогорскомъ уѣздѣ, гдѣ это ремесло вымираетъ. Чтобы избѣгнуть этого нежелательнаго явленія, обуславливаемаго несовершенствомъ костяныхъ издѣлій, вліяющимъ на сокращеніе сбыта ихъ, онъ предложилъ статистическому комитету устроить при Ломоносовскомъ училищѣ отдѣльный классъ рѣзьбы, въ которомъ ученики могли бы нѣсколько разъ въ недѣлю обучаться ремеслу подъ руководствомъ опытнаго мастера. Ломоносовское училище, по мнѣнію г. губернатора, являлось наиболѣе подходящимъ потому, что Куростровская волость была колыбелью рѣзного промысла, которому, по преданію, положилъ начало зять Ломоносова—Головинъ. Вслѣдствіе изложеннаго статистическій комитетъ въ засѣданіи 25 іюля 1885 года постановилъ: составить краткую записку о прошломъ и настоящемъ этого промысла, которую вмѣстѣ съ нѣсколькими характерными образцами костяныхъ издѣлій препроводить министру государственныхъ имуществъ и возбудить предъ нимъ ходатайство объ открытіи класса. Въ октябрѣ 1885 года, согласно Высочайшему повелѣнію, состоявшемуся 23 сентября того же года, министерствомъ финансовъ было отпущено статистическому комитету на устройство класса рѣзьбы 270 рублей, съ обѣщаніемъ ежегоднаго отпуска той суммы, какая потребуется по выясненіи организаціи класса и стоимости его содержанія. Тогда было выработано особое положеніе о классѣ рѣзьбы по кости при Ломоносовскомъ училищѣ; оно содержитъ въ себѣ слѣдующіе пункты:

§ 1. Для изученія рѣзного по кости мастерства учреждается при Ломоносовскомъ училищѣ особый классъ, въ которомъ обученіе производится безвозмездно.

§ 2. На содержаніе класса ассигнуется ежегодно министерствомъ финансовъ въ распоряженіе Архангельскаго статистическаго комитета особая сумма.

§ 3. Въ хозяйственномъ отношеніи завѣдываніе классомъ возлагается на Архангельскій статистическій комитетъ.

§ 4. Учебная часть ведется Архангельскимъ статистическимъ комитетомъ, по соглашенію съ мѣстной дирекціей народныхъ училищъ.

§ 5. Для обученія мастерству приглашается предсѣдателемъ комитета руководитель изъ числа лучшихъ мастеровъ рѣзчиковъ.

§ 6. Курсъ обученія въ классѣ двухлѣтній.

§ 7. Учениками класса могутъ быть учащіеся мальчики второго и третьяго отдѣленій Ломоносовскаго училища, съ согласія ихъ родителей. Въ видѣ исключенія, въ число учениковъ класса могутъ быть приняты и окончившіе уже курсъ въ Ломоносовскомъ, Курейскомъ и Матигорскомъ сельскихъ училищахъ.

§ 8. Ученики, пробывшіе въ классѣ до года и продолжающіе оказывать слабые успѣхи въ мастерствѣ, увольняются изъ класса.

§ 9. Лучшимъ изъ учениковъ, усвоившихъ себѣ рѣзное мастерство, выдается, по выходѣ изъ класса, особое свидѣтельство на званіе рѣзчика по кости и полный комплектъ инструментовъ, необходимыхъ для самостоятельнаго занятія мастерствомъ.

§ 10. Ученическимъ работамъ руководитель дѣлаетъ расцѣнку, которая слагается изъ стоимости матеріала и труда, затраченнаго на изготовленіе издѣлій, и препровождаетъ таковыя въ комитетъ, гдѣ онѣ имѣютъ продаваться при музеѣ, согласно расцѣнкѣ. Изъ вырученныхъ денегъ прежде всего погашается стоимость матеріала, изъ остающейся части 10% поступаютъ въ пользу руководителя, а остальная сумма пріобщается къ фонду класса.

§ 11. Занятія въ классѣ ведутся ежедневно отъ 3 до 6 часовъ.

§ 12. Обученіе въ классѣ ведется такимъ порядкомъ, чтобы въ теченіе перваго полугодія ученики изучили гладкія работы и умѣли бы изготовлять самостоятельно простѣйшіе виды ихъ (ножи, коробки, марки, закладки и т. п.). Слѣдующее полугодіе посвящается чеканнымъ работамъ, а второй годъ—рѣзнымъ и сложнымъ.

Открытіе класса рѣзьбы по кости состоялось 10 декабря 1885 г. въ слѣдующемъ порядкѣ: въ 3 часа пополудни собрались въ зданіе Ломоносовскаго училища учащіе и учащіеся училища, ученики новооткрываемаго класса, Ломоносовскій волостной старшина и посторонніе посѣтители. Затѣмъ законоучитель училища о. А. Васильевъ прочелъ объявленіе Архангельскаго губернатора объ открытіи класса рѣзьбы и обратился къ присутствующимъ съ слѣдующими словами: „Извѣстно, что зять нашего знаменитаго предка М. В. Ломоносова—Головинъ положилъ здѣсь начало костяному мастерству. Съ легкой руки Головина, это дѣло пошло удачно не столько въ Холмогорахъ, сколько въ сосѣднихъ съ Холмогорами селахъ; особенно это мастерство процвѣтало въ нашемъ Куростровѣ. Сколько памятно мнѣ изъ

дѣтства, сколько я могъ узнать отъ здѣшнихъ же старожиловъ, здѣсь въ прежніе годы было до 40 домовъ, въ коихъ домохозяева занимались костяными издѣліями. Но въ послѣдніе годы это мастерство упало. Въ дневникѣ недавняго путешествія по Архангельской губерніи Великаго Князя Владиміра Александровича, между прочимъ, при посѣщеніи Его Высочествомъ нашего села, было замѣчено, что нынѣ промыселъ Холмогорскихъ костяныхъ издѣлій захилѣлъ, что давно надо бы помочь здѣшнимъ костяникамъ, ознакомивъ ихъ съ порядочными рисунками и что желательно бы, дабы холмогорскія костяныя издѣлія не оставались въ тѣни, а почаще показывались бы на всякихъ промышленныхъ выставкахъ русскихъ и въ Петербургѣ. Нынѣшній начальникъ губерніи принялъ во вниманіе эту мысль Великаго Князя, и желая создать для учениковъ Ломоносовскаго училища заработки въ будущемъ и поддержать промыселъ, бывшій нѣкогда гордостью края, предположилъ устроить при нашемъ училищѣ особый классъ изученія рѣзного по кости мастерства. Съ этою цѣлью въ іюлѣ мѣсяцѣ настоящаго года онъ рѣшился ходатайствовать о средствахъ для этого класса предъ правительствомъ, и ходатайство его увѣнчалось успѣхомъ: министерство финансовъ отпустило нужныя средства на устройство класса рѣзьбы по кости. И вотъ, съ нынѣшняго дня при здѣшней школѣ и открывается этотъ классъ. Будьте благодарны правительству, давшему средства для этой новой школы въ нашемъ селѣ; будьте благодарны и не забывайте доброю памятью и нынѣшняго начальника губерніи, исходатайствовавшаго тѣ средства.... А какъ всякое доброе дѣло по древне-русскому благочестивому обычаю принято начинать съ благословенія Божія, то помолимся теперь Господу Богу, да благословитъ онъ начинаніе сего дѣла и да подастъ добрый и желаемый правительствомъ успѣхъ въ этомъ дѣлѣ". По совершеніи молебствія съ водосвятіемъ, законоучитель о. Васильевъ объявилъ классъ рѣзного по кости мастерства открытымъ и затѣмъ выразилъ пожеланіе, что бы всѣ дѣти, успѣшно выучившись костяному мастерству, могли получить званіе рѣзчиковъ по кости. Послѣ этого было прочитано положеніе о классѣ рѣзьбы и списокъ 17 учениковъ, поступившихъ въ этотъ классъ.

Въ началѣ 1888 года законоучитель Ломоносовскаго училища доносилъ статистическому комитету, что ученики посѣщаютъ классъ рѣзьбы весьма неисправно: „изъ проучившихся въ немъ два года восьми учениковъ постоянно приходитъ въ классъ только одинъ" и „что вообще крестьяне на выдѣлку вещей изъ кости смотрятъ съ невыгодной стороны, по трудности сбыта и дешевизнѣ ихъ". По мнѣнію о. законоучителя, „при одномъ посѣщающемъ классъ ученикѣ и трехъ неисправно ходящихъ, содержаніе класса является пустой тратой денегъ". Въ виду такого отношенія крестьянъ къ классу рѣзьбы, въ мартѣ 1888 года г. губернаторомъ было предложено чиновнику по крестьянскимъ дѣламъ Холмогорскаго уѣзда обратить вниманіе мѣстнаго населенія на полезность промысла и принять мѣры къ при-

влеченію большаго числа учащихся въ классъ рѣзьбы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду однообразія ученическихъ издѣлій и плохой выдѣлки ихъ, руководителю работъ вмѣнено было въ обязанность озаботиться лучшей постановкой обученія. Несмотря на это, количество обучающихся въ классѣ рѣзьбы не прибавилось: въ 1887 году ихъ было 11 человѣкъ, въ 1888—12 чел. и въ 1889 году 8 челов. Въ сентябрѣ 1890 года руководителю снова предложено было привлекать учениковъ въ классъ рѣзьбы, но тѣмъ не менѣе въ 1891 году постоянно работало въ немъ только 5 человѣкъ. Въ мартѣ 1892 года въ Ломоносовское училище былъ командированъ секретарь статистическаго комитета Н. С. Пругавинъ, который, по изслѣдованіи дѣла, нашелъ, что нежеланіе крестьянъ обучать своихъ дѣтей рѣзному мастерству и плохое качество ученическихъ работъ обусловливаются: 1) неудовлетворительной постановкой обученія въ классѣ рѣзьбы, 2) отсутствіемъ у руководителя хорошихъ образцовъ и рисунковъ и 3) малой выгодностью промысла, вслѣдствіе трудности сбыта выработанныхъ издѣлій. Чтобы помочь дѣлу, г. Пругавинъ рекомендовалъ: 1) улучшить обученіе въ классѣ рѣзьбы, 2) снабдить классъ моделями и рисунками, 3) облегчить кустарямъ сбытъ издѣлій внѣ Архангельской губерніи и 4) въ видахъ удешевленія издѣлій, употреблять болѣе дешевый матеріалъ, а именно, простую кость вмѣсто дорогой моржовой. Начиная съ 1892 года, статистическимъ комитетомъ былъ принятъ цѣлый рядъ мѣръ какъ къ лучшей постановкѣ класса рѣзьбы, такъ и къ облегченію кустарямъ сбыта своихъ издѣлій. Для класса былъ пріобрѣтенъ достаточный запасъ рисунковъ, указанъ родъ издѣлій, могущій пользоваться наибольшимъ спросомъ; для ознакомленія покупателей съ качествомъ работы, издѣлія посылались въ иногородніе кустарно-промышленные музеи и на выставки. Кромѣ того, чтобы дать кустарямъ необходимыя для оборота деньги, комитетъ на свой счетъ покупалъ у нихъ издѣлія и продавалъ ихъ потомъ постепенно, частію въ Архангельскомъ музеѣ, частію чрезъ другія учрежденія. Всѣ эти мѣры, однако, не принесли желаемыхъ результатовъ, такъ какъ комитетъ, какъ учрежденіе, не имѣющее ничего общаго съ коммерческой дѣятельностію, оказался мало полезнымъ посредникомъ, тѣмъ болѣе, что издѣлія Холмогорскихъ рѣзчиковъ не могли конкурировать съ кустарной работой другихъ губерній, гдѣ къ услугамъ кустарей имѣются спеціальные музеи, устраиваются выставки и находятся поблизости рынки для сбыта. Холмогорскіе крестьяне остались при прежнемъ убѣжденіи въ невыгодности рѣзного промысла, а слѣдовательно и въ безцѣльности обученія ему своихъ дѣтей и классъ рѣзьбы пустѣлъ съ каждымъ годомъ, пока, наконецъ, не закрылся совсѣмъ въ 1900 году. Въ теченіе всѣхъ 15 лѣтъ въ классѣ рѣзьбы обучалось всего 136 человѣкъ, которыми израсходовано кости: моржовой 75 фунтовъ 29 золотниковъ, мамонтовой 9 фунтовъ 66 золотниковъ и простой 31 пудъ 3 фунта. Учащимися выдѣлывались: крестики, человѣческія фигуры, вилки, ножи, запонки, брошки, креслица, корзинки,

гребенки, щетки, рамки для фотографическихъ карточекъ, кольца для салфетокъ, бирюльки, игра въ домино и проч. На содержаніе класса израсходовано всего 3514 рублей 12 коп., которые были отпущены министерствомъ финансовъ.

Въ 1892 году статистическимъ комитетомъ было выстроено новое зданіе для Ломоносовскаго училища, такъ какъ старое пришло въ ветхость, не представляло, несмотря на значительную его величину, удобства для размѣщенія классовъ и требовало за послѣднее время постоянныхъ и значительныхъ затратъ на ремонтъ. Новое зданіе училища было одноэтажное, на каменномъ фундаментѣ, покрыто желѣзомъ и состояло изъ двухъ классныхъ комнатъ (одна изъ нихъ на 50 учениковъ), двухъ комнатъ для учителя, кухни для сторожа и внутренняго теплаго и свѣтлаго коридора. Лѣсъ для постройки отпущенъ безпошлинно изъ казенныхъ дачъ Холмогорскаго лѣсничества. Самая постройка произведена на счетъ капитала, предназначеннаго на содержаніе училища и обошлась въ 2586 руб. 23 коп., изъ коихъ, согласно Высочайше утвержденному 28 декабря 1892 года положенію департамента государственной экономіи, 1000 руб были возвращены въ вышеозначенный капиталъ изъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія.

Въ 1894 году законоучитель Ломоносовскаго училища о. А. Васильевъ возбудилъ вопросъ объ открытіи при училищѣ безплатной народной библіотеки для взрослыхъ, „которая бы въ умственномъ и нравственномъ образованіи могла приносить пользу не однимъ Куростровскимъ жителямъ, но и жителямъ сосѣднихъ съ родиною Ломоносова селъ, чрезъ снабженіе всѣхъ желающихъ читать книгами“. При этомъ о Васильевъ писалъ, что „таковую мысль онъ высказалъ въ письмѣ въ минувшемъ январѣ предсѣдателю С.-Петербургскаго общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія, священнику о. Философу Орнатскому и, благодаря содѣйствію послѣдняг , получено отъ названнаго общества для безплатной Ломоносовской народной библіотеки 285 экземпляровъ разнаго рода книгъ на 71 руб. 64 коп.“

Статистическій комитетъ, согласившись съ указанною мыслію о. А. Васильева, выработалъ проектъ устава безплатной народной читальни при Ломоносовскомъ сельскомъ училищѣ, который и былъ утвержденъ 23 октября 1895 года. Главнѣйшія положенія этого устава слѣдующія: 1) читальня учреждается Архангельскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ и составляетъ нѣчто совершенно отдѣльное отъ училищной библіотеки; 2) читальня имѣетъ цѣлью способствовать самообразованію лицъ сельскаго состоянія, посредствомъ доставленія крестьянамъ для чтенія полезныхъ и доступныхъ имъ по формѣ и содержанію книгъ и изданій; 3) читальня учреждается на средства статистическаго комитета и пополняется ежегодно книгами, выписываемыми на деньги, отпускаемыя изъ Ломоносовскаго капитала и книгами, жертвуемыми въ читальню; 4) для завѣдыванія читаль-

ней избирается статистическимъ комитетомъ особое лицо, которое отвѣчаетъ за сохранность ея имущества и за соблюденіе устава и всѣхъ правилъ и постановленій, касающихся до читальни; 5) книги выдаются изъ читальни всѣмъ грамотнымъ крестьянамъ Ломоносовской волости, исключая учащихся, для которыхъ имѣется училищная библіотека; 6) выдачу книгъ изъ читальни производятъ законоучитель и учитель Ломоносовскаго училища не менѣе двухъ разъ въ недѣлю, въ опредѣленные часы; 7) крестьянамъ Куростровскаго селенія могутъ быть выданы за-разъ одна книга или три брошюры, а крестьянамъ другихъ селеній—двѣ книги или пять брошюръ каждому; 8) срокъ для чтенія книгъ опредѣляется: для крестьянъ Куростровскаго селенія—недѣльный, а для жителей другихъ селеній—двухнедѣльный; 9) чужесельскимъ крестьянамъ, которые неизвѣстны законоучителю или учителю, книги изъ читальни могутъ быть выданы подъ поручительство ихъ приходскаго священника или сельскаго старосты; 10) въ случаѣ утраты или поврежденія книги, стоимость ея взыскивается съ взявшаго книгу, а при несостоятельности послѣдняго—исключается изъ наличности.

Безплатная народная библіотека при Ломоносовскомъ училищѣ открыта въ январѣ 1896 года. Въ составъ ея въ это время входило: 193 названія книгъ и брошюръ, пожертвованныхъ разными лицами, и 157 названій, купленныхъ статистическимъ комитетомъ на средства капитала, предназначеннаго на содержаніе училища. Въ общемъ числѣ книгъ библіотеки было 62 названія духовнаго содержанія. Къ сожалѣнію, благодаря недостаточно аккуратному пополненію библіотеки новыми книгами и неудачному выбору завѣдующаго библіотекою, въ лицѣ мѣстнаго священника, означенная библіотека функціонировала свои сравнительно слабо, а съ 1900 года и совсѣмъ почти прекратила дѣйствія. Такъ, въ 1900 году съ требованіями о выдачѣ книгъ изъ библіотеки, по отчету завѣдующаго о. А. Грандилевскаго, обращалось всего 2 лица.

Въ 1901 году Ломоносовское училище посѣтилъ ординарный академикъ Императорской академіи наукъ А. А. Шахматовъ, который возбудилъ вопросъ о передачѣ училища въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, съ цѣлью преобразованія его изъ однокласснаго въ двухклассное и другихъ улучшеній въ состояніи этого училища. По этому поводу министерство народнаго просвѣщенія вошло въ сношеніе съ статистическимъ комитетомъ и послѣдній, въ засѣданіи 15 ноября 1901 года выразилъ согласіе на передачу Ломоносовскаго училища со всѣмъ принадлежащимъ ему имуществомъ въ вѣдѣніе означеннаго министерства, мотивируя это постановленіе слѣдующими соображеніями: 1) преобразованіе училища въ двухклассное и, слѣдовательно, расширеніе программы преподаванія болѣе соотвѣтствуетъ первоначальной цѣли учрежденія школы—воспитывать лицъ, „могущихъ быть самостоятельными распространителями образованія въ народѣ“, 2) при настоящемъ положеніи дѣла, завѣдываніе учили-

щемъ распредѣлено между двумя учрежденіями—дирекціей народныхъ училищъ и статистическимъ комитетомъ, изъ коихъ первая вѣдаетъ учебную часть, а второй—хозяйственную. Такое двойственное управленіе не можетъ не отражаться невыгодно на успѣшности обученія. Тѣсная зависимость между учебной и хозяйственной сторонами ведетъ къ постоянной перепискѣ между комитетомъ съ одной стороны и дирекціей и учителемъ—съ другой, что создаетъ постоянныя неудобства и задержки при удовлетвореніи школьныхъ нуждъ, и 3) завѣдываніе статистическаго комитета училищемъ является дѣломъ несоотвѣтствующимъ съ его прямыми задачами. Въ свое время комитетъ явился иниціаторомъ въ учрежденіи школы, устроилъ ее, поскольку могъ, и если нынѣ представляется возможность передать ее въ руки учрежденія, болѣе компетентнаго въ управленіи ею, то такую передачу нельзя не признать естественной и желательной.

4 мая 1904 года состоялась передача Ломоносовскаго училища со всѣмъ его недвижимымъ имуществомъ и капиталомъ, возросшимъ къ данному времени до 11500 рублей, въ вѣдѣніе дирекціи народныхъ училищъ Архангельской губерніи. Передавая училище въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, статистическій комитетъ поставилъ условіе, чтобы министерство изъ доходовъ съ Ломоносовскаго капитала ежегодно отчисляло опредѣленную, по соглашенію съ статистическимъ комитетомъ, сумму въ пользу безплатной народной библіотеки, существующей при училищѣ и содержащейся на счетъ Ломоносовскаго капитала, независимо отъ того, въ чьемъ бы вѣдѣніи эта библіотека не находилась.

Съ осени 1904 года Ломоносовское училище было преобразовано въ двухклассное министерское, съ соотвѣтствующимъ штатомъ преподавателей.

Въ 1906 году открыто временное параллельное отдѣленіе при I классѣ училища съ особымъ учителемъ, которое въ слѣдующемъ за тѣмъ году было переименовано въ отдѣльное „Куростровское женское училище“. Въ 1908 году, въ виду большого наплыва учащихся, снова было открыто временное параллельное отдѣленіе при I классѣ.

Въ 1906 году при Ломоносовскомъ двухклассномъ училищѣ открытъ на средства министерства народнаго просвѣщенія классъ ручного труда по дереву. Въ томъ же 1906 году была начата постройка новаго дома для Ломоносовскаго 2-класснаго училища и класса ручного труда на средства казны, а 9 сентября 1907 года состоялось уже освященіе этого обширнаго 2-этажнаго зданія. Длина училищнаго зданія по фасаду 12 саженъ, ширина 8 саж., высота 14 аршинъ, высота комнатъ внутри зданія 5 аршинъ; площадь пола въ среднемъ классѣ 172 квадр. арш., а въ двухъ боковыхъ по 94 кв. арш. Въ новомъ зданіи помѣщены: внизу—два класса, рекреаціонный залъ, раздѣвальня, учительская, ночлежный пріютъ и комната для сторожа, а вверху: классъ ручного труда, актовый залъ и двѣ квартиры для учителей. При училищномъ зданіи выстроены: баня, ледникъ и дровя-

никъ. Весь участокъ земли, занятый училищными постройками (величиною въ 1 десятину), обнесенъ деревяннымъ заборомъ и изгородью; около зданія училища и по двору отъ воротъ устроены деревянные мостки.

Постройка новаго зданія Ломоносовскаго 2-класснаго училища стоила 17000 руб., а постройка службъ его 2500 руб., отпущенныхъ изъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія.

Въ старомъ зданіи Ломоносовскаго училища въ настоящее время помѣщаются женское училище съ квартирою учительницъ, рукодѣльный классъ и народная безплатная библіотека имени Ломоносова. Въ послѣдней числится книгъ 499 названій въ 820 томахъ, на сумму 456 руб. 39 коп.

Статистическія данныя о дѣятельности Ломоносовскаго училища и класса рѣзьбы по кости, за время ихъ существованія, приводятся въ слѣдующей вѣдомости:

Дѣятельность Ломоносовскаго сельскаго училища:

Годы.	Поступило.		Выбыло.		Окончило.		Израсходовано денегъ на содержаніе училища.	
	м.	д.	м.	д.	м.	д.	Рубли.	Копейки.
1868	48	18	3	3	—	—	436	26½
1869	21	6	7	7	6	—		
1870							349	20
1871	Свѣдѣній нѣтъ.							
1872	16	7	16	5	—	—	306	16
1873	27	8	23	8	—	—	399	35
1874	15	5	11	3	—	—	438	16
1875	13	1	11	4	6	—	442	3
1876	6	7	4	4	3	—	436	90
1877	7	—	4	2	6	—	407	65
1878	8	—	4	6	4	—	508	48
1879							556	87
1880	20	10	18	2	3	—	730	74
1881	15	6	9	3	6	—	653	69
1882	19	7	5	5	8	4	430	61
1883	11	9	7	1	11	3	646	67
1884	13	7	8	4	7	2	477	88
1885	24	7	1	6	11	2	764	38
1886	28	5	9	8	8	4	494	99
1887	24	6	10	6	12	2	557	25
1888	25	7	24	4	3	4	559	76
1889	8	14	14	8	14	—	674	11
1890	13	7	7	8	6	1	552	62
1891	12	1	17	8	12	4	570	92
1892	12	7	4	4	8	1	458[1])	47[1])

[1]) Кромѣ того израсходовано 1957 руб. 94 коп. на постройку новаго зданія для училища.

1893	10	5	3	3	2	3	432[2])	46[2])
1894	13	14	3	7	6	—	423[3])	13[3])
1895	9	11	11	4	4	—	504	94
1896	11	10	13	6	5	3	578	36
1897	10	14	5	12	4	—	416	24
1898	10	4	11	11	3	—	620	79
1899	16	8	14	9	2	3	455	74
1900	11	6	9	10	2	1	456	55
1901	13	15	6	1	2	2	460	31
1902	15	13	10	13	3	2	532	51
1903	13	11	7	4	3	—	447	97
1904	26	10	13	16	—	—		
1905	18	18	4	6	5	3		
1906	24	19	1	10	2	1		
1907	32	—	5	37	5	—		
женс. учил.	—	48	—	3	—	—		
1908	28	3	24	—	6	1		
женс. учил.	—	16	—	14	—	—		
1909	29	2	25	2	3	—		
женс. учил.	—	19	—	23	—	8		

Дѣятельность класса рѣзьбы по кости.

Годы.	Число учениковъ.		Израсходовано кости.						Выдѣлано издѣлій изъ кости.					Расходъ на содержаніе класса.		Выручено отъ продажи ученич. издѣліи.	
	Посѣтило.	Работало.	Моржевой.		Мамонтовой.		Простой.		Моржевой.	Мамонтовой.	Простой.	На сумму.					
			Ф.	З.	Ф.	З.	П.	Ф.				Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
1885	15	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	95	—	—	—
1886	17	14	11	90	—	78	7	5	44	5	267	101	—	302	50	8	99
1887	16	11	8	49	—	59	3	9	34	1	151	93	99	188	34	—	—
1888	20	12	1	61	—	25	2	39	9	—	197	59	50	248	36	45	65
1889	13	8	4	83	5	75	1	30	23	23	138	105	61	196	47	35	—
1890	15	11	4	12	1	67	2	12	8	7	113	82	91	173	59	18	—
1891	13	5	7	61	—	50	1	29	24	1	118	92	85	232	76	52	18
1892	16	15	—	—	—	—	—	—	13	—	117	52	95	228	27	32	83
1893	16	11	9	20	—	—	3	—	19	—	168	103	11	307	48	101	5
1894	17	8	9	49	—	—	—	38	36	—	65	73	45	250	91	73	39
1895	13	5	4	64	—	—	2	1	8	—	137	60	55	302	43	59	3
1896	10	6	2	18	—	—	1	35	4	—	55	42	80	205	75	36	3
1897	11	5	—	6	—	—	2	10	15	—	100	63	20	210	23	32	18
1898	7	4	5	2	—	—	—	35	3	—	54	17	60	205	57	38	28
1899	6	5	—		—	—	1	—	2	—	14	12	85	194	85	35	71
1900	6	1	—	—	—	—	—	—	3	—	76	29	50	171	91	28	22
Итого	211	136	75	29	9	66	31	3	245	37	1770	991	87	3514	42	596	54

[2]) Кромѣ того израсходовано 496 руб. 79 коп. на достройку и отдѣлку новаго зданія училища.

[3]) Кромѣ того израсходовано 131 руб. 50 коп. на отдѣлку новаго зданія училища.

Списокъ лицъ, пользовавшихся Ломоносовскою стипендіею.

Кукша Мыркинъ (уволенъ до окончанія курса въ гимназіи).
Иванъ Бубновскій (окончилъ полный курсъ гимназіи).
Павелъ Соснинъ (умеръ до окончанія курса въ гимназіи)
Платонъ Молешкинъ.
Григорій Соснинъ (окончилъ С.-Петербургскій Университетъ).
Иванъ Соснинъ (учится въ 8 классѣ гимназіи).

Безплатная народная библіотека-читальня памяти М. В. Ломоносова въ г. Холмогорахъ.

Въ г. Холмогорахъ, въ вѣдѣніи Холмогорскаго уѣзднаго комитета попечительства о народной трезвости состоитъ „Безплатная народная библіотека-читальня памяти М. В. Ломоносова". Основаніе этой читальни положено „Холмогорскимъ кружкомъ трезвости". Въ 1893 г., по иниціативѣ нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ чиновниковъ, священниковъ, учителей и жителей г. Холмогоръ, возбужденъ былъ вопросъ объ организаціи Холмогорскаго кружка общества трезвости, съ цѣлью противодѣйствовать чрезмѣрному употребленію спиртныхъ напитковъ среди населенія г. Холмогоръ и его уѣзда. Первымъ собраніемъ учредителей названнаго кружка, состоявшимся 12 Января 1893 г., постановлено было возбудить соотвѣтствующее ходатайство объ открытіи Холмогорскаго кружка трезвости. Ходатайство это было уважено и 1894 г., сентября 26-го, состоялось офиціальное открытіе названнаго Холмогорскаго кружка трезвости.

Средства кружка состояли изъ членскихъ взносовъ, добровольныхъ пожертвованій и сбора съ спектаклей, устраиваемыхъ мѣстными любителями драматическаго искуства.

2 мая 1896 года былъ выработанъ въ общемъ собраніи членовъ кружка проектъ устава „безплатной народной библіотеки-читальни Холмогорскаго кружка трезвости памяти Михаила Васильевича Ломоносова". Означенный проектъ былъ представленъ на утвержденіе Архангельскому губернатору, коимъ и утвержденъ 8 іюля 1896 года.

Фактически открытіе безплатной библіотеки-читальни памяти М. В. Ломоносова состоялось лишь 2 ноября 1897 г., въ виду неимѣнія собственнаго помѣщенія и недостатка средствъ на наемъ такового, но офиціально существованіе библіотеки-читальни нужно считать съ 8 іюля 1896 г., т. е. со дня утвержденія устава, такъ какъ народныя чтенія кружкомъ общества трезвости въ этотъ промежутокъ времени устраивались отъ имени библіотеки-читальни памяти М. В. Ломоносова въ городскомъ приходскомъ училищѣ.

Съ 2 ноября 1897 г. по 1901 г. библіотека-читальня принадлежала Холмогорскому кружку трезвости и помѣщалась въ частныхъ домахъ, нанимаемыхъ за плату. На основаніи устава, посѣтители пользовались книгами читальни, а такъ же выписываемыми періодическими изданіями, какъ въ самомъ помѣщеніи читальни, такъ и отпускомъ книгъ на домъ.

Въ 1901 г., января 12 дня, состоялось открытіе въ г. Холмогорахъ Холмогорскаго уѣзднаго комитета попечительства о народной трезвости, и холмогорскій кружекъ трезвости въ общемъ засѣданіи, 31 Января 1901 г., въ виду недостаточности средствъ кружка и въ виду тождественности цѣлей, преслѣдуемыхъ, какъ кружкомъ трезвости, такъ и уѣзднымъ комитетомъ, постановилъ: „просить Холмогорскій уѣздный комитетъ попечительства о народной трезвости принять въ свое распоряженіе открытую кружкомъ трезвости въ г. Холмогорахъ безплатную народную библіотеку-читальню памяти М. В. Ломоносова, а такъ же и дѣло веденія народныхъ чтеній".

Означенное ходатайство, по причинамъ формальнаго характера, уѣзднымъ комитетомъ было отклонено, а взамѣнъ того комитетъ назначилъ въ распоряженіе кружка на 1901 г. денежное пособіе въ размѣрѣ 250 руб.

Въ 1902 г. все имущество читальни кружка трезвости было принято уѣзднымъ комитетомъ попечительства въ свое вѣдѣніе и возбуждено ходатайство объ отпускѣ средствъ Архангельскимъ губернскимъ комитетомъ попечительства о народной трезвости на приспособленіе и приведеніе въ надлежащій видъ переданнаго уѣздному комитету Холмогорскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ зданія бывшей городской управы съ усадебнымъ мѣстомъ безвозмездно для устройства библіотеки-читальни и народныхъ чтеній.

Дѣятельность читальни съ этого времени расширяется и, соотвѣтственно съ этимъ, 25 августа 1902 г. возбуждается вопросъ о пересмотрѣ устава бывшей читальни кружка трезвости. Проэктъ новаго устава разсмотрѣнъ и одобренъ уѣзднымъ комитетомъ 14 октября 1902 г. и тогда же представленъ на утвержденіе Архангельскому Губернатору, коимъ и утвержденъ 29 октября 1902 г. Согласно новаго устава, библіотека-читальня сохраняетъ свое прежнее названіе „Безплатная народная библіотека-читальня памяти М. В. Ломоносова", подъ какимъ и существуетъ до настоящаго времени

Въ библіотекѣ-читальнѣ имени М. В. Ломоносова имѣется 2315 томовъ книгъ. Пользованіе книгами безплатное. Библіотека-читальня для посѣтителей открывается ежедневно съ 12 час. дня до 9 час. вечера, за исключеніемъ послѣднихъ трехъ дней страстной седьмицы, первыхъ трехъ дней Св. Пасхи, первыхъ двухъ дней праздника Рождества Христова, дня новаго года, дня св. Троицы и субботъ. Посѣтителей въ 1910 году было 3265 челов., абонентовъ 230. Для чтенія на домъ было произведено 8700 выдачъ и кромѣ того удовлетво-

рено до 4500 требованій о выдачѣ для чтенія на дому газетъ и журналовъ.

Изъ журналовъ и газетъ выписывались: „Историческій Вѣстникъ“, „Русская Старина“, „Нива“, „Родина“, „Природа и Люди“, „Отдыхъ Христіанина“, „Сельскій Вѣстникъ“, „Дружескія Рѣчи“, „Хуторъ“, „Задушевное Слово“, „Современный Міръ“, „Трезвые Всходы“, „Родная Рѣчь“, „Новое Время“, „Россія“, „Юная Россія“, „Архангельскъ“, „Арханг. Губ. Вѣдомости“, „Свѣтъ“ и „Колоколъ“.

Въ библіотекѣ-читальнѣ въ 1910 году устроено 6 народныхъ чтеній. Содержится библіотека-читальня на общія средства, имѣющіяся въ распоряженіи уѣзднаго комитета попечительства о народной трезвости.

Помѣщается читальня въ пожертвованномъ Холмогорскимъ городскимъ обществомъ—домѣ, отстроенномъ и приспособленномъ на средства, отпущенные Архангельскимъ губернскимъ комитетомъ попечительства о народной трезвости. Съ теченіемъ времени названное помѣщеніе, въ виду все увеличивающагося числа посѣтителей читальни, а такъ же народныхъ чтеній, устраиваемыхъ въ ней, не стало удовлетворять нуждамъ библіотеки-читальни, почему Холмогорскимъ уѣзднымъ комитетомъ попечительства о народной трезвости въ 1910 году возбуждено было предъ губернскимъ комитетомъ ходатайство объ отпускѣ средствъ на перестройку и расширеніе имѣющагося зданія.

Средства эти нынѣ Главнымъ Управленіемъ неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей, съ разрѣшенія господина товарища министра финансовъ, отпущены въ суммѣ 2912 руб. 79 коп. и въ 1911 году предполагается перестроить зданіе читальни, съ такимъ разсчетомъ, что бы помимо расширенія самой библіотеки-читальни, не только дать возможность большему числу слушателей присутствовать на народныхъ чтеніяхъ, но чтобы въ означенномъ помѣщеніи можно было устраивать и безплатные народные спектакли.

Значеніе библіотеки-читальни имени М. В. Ломоносова въ г. Холмогорахъ очень велико. Помимо того, что она содѣйствуетъ достиженію задачъ, поставленныхъ попечительствомъ о народной трезвости, она явилась основнымъ ядромъ отъ котораго, какъ отъ корня побѣги, въ уѣздѣ открылись и продолжаютъ открываться во многихъ мѣстахъ библіотеки-читальни, субсидируемые этимъ попечительствомъ, съ которыми она обмѣнивается брошюрами, книгами и картинами для устройства народныхъ чтеній.

Зданіе библіотеки-читальни находится въ центрѣ города, на лѣвомъ берегу р. Курополки, на другомъ берегу которой высится училище тоже имени М. В. Ломоносова и для посѣтителя читальни изъ оконъ ея открывается видъ на знаменитую „Денисовку“, родину нашего великаго ученаго и отца русской литературы, а предъ духовными очами возстаютъ картины далекаго прошлаго и будятъ воспоминаніе о томъ: „какъ Архангельскій мужикъ по своей и Божьей волѣ сталъ разуменъ и великъ“.

Н. Голубцовъ.

Выдержки изъ сочиненій М. В. Ломоносова, касающихся сѣверныхъ морей.

I

О возможности мореплаванія Сибирскимъ Океаномъ въ Остъ-Индію, признаваемой по натуральнымъ обстоятельствамъ.[1])

§ 43. Главнымъ препятствіемъ въ семъ предпріятіи почитается стужа, а паче оныя ледъ, отъ ней же произходящей: того ради должно объ нихъ обоихъ представить обстоятельно, поелику надлежатъ до Сѣвернаго Океана и до нашего предпріятія: ибо главная теорія теплоты и стужи, и произхожденіе льда, вообще, требуютъ пространнаго изъясненія и здѣсь не нужны. Итакъ, посмотримъ спервa стужу которая обладаетъ Сѣвернымъ Океаномъ.

§ 44. Теплота сообщается земной поверьхности двумя путями: первой извнѣ, отъ лучей солнечныхъ, второй извнутрь, отъ подземнаго жару. О первомъ нѣтъ ни малаго сомнѣнія, для того, что сіе всѣмъ ясно видно по вся дни. Второе утверждается на незыблемыхъ физическихъ основаніяхъ: середи жестокой зимы, въ здѣшнихъ мѣстахъ не промерзаетъ земля никогда больше полусажени; затѣмъ, что подземная теплота стужи далѣе не пропускаетъ. Не токмо жъ теплоту, но и дѣйствительной огонь въ нѣдрахъ показываютъ многія огнедышущія горы, которыя какъ въ теплыхъ краяхъ, такъ и въ сѣверныхъ странахъ, между самыми льдами пламень изпускаютъ. Довольнымъ доводомъ быть можетъ Гекла въ Исландіи, на 64-хъ градусахъ, и весь островъ Гогансъ Мейенсъ, на 62-мъ градусѣ, между Исландіею и Шпицбергеномъ, которой за ни что какъ за огнедышущую гору почесть должно.

§ 45. Лучи солнечные сквозь прозрачную воду до самаго дна простираются и всю глубину освѣщаютъ, что доказываютъ одаренныя зрѣніемъ животныя, обитающія въ глубочайшей пучинѣ. Проходя оное сіяніе сквозь толикое множество водъ, неотмѣнно всю свою теплоту до поверьхности Океана дошедшую, ему сообщаетъ. Разсудивъ о Сѣверномъ Океанѣ, на которой солнце хотя косвенными лучами цѣлыя полгода сіяетъ почти безпрестанно, подумать невозможно, чтобъ отъ нихъ не согрѣвался чувствительно: подлинно, что зимою,

[1]) Изъ книги „Проектъ Ломоносова и Экспедиція Чичагова“. СПБ. 1854 г. стр. 67—108.

для долговремяннаго отсутствія теплоты солнечной, долженъ онъ много прохлаждаться; но прохлажденіе зимнее лѣтняго нагрѣванія превысить не можетъ; для того что: 1) лѣтомъ съ верьху лучи солнечные и подземная теплота согласно дѣйствуютъ, зимою только одинъ холодной воздухъ силу свою имѣетъ, 2) лучи солнечные лѣтомъ непонятною скоростію въ глубину досягаютъ; прохладившаяся вода зимою на поверьхности отъ воздуха не толь скоро дна досягаетъ. Всего больше сіе доказывается животными, въ морѣ обитающими: тюлени питаются рыбою; рыба хотя часто для своего корму другую рыбу пожираетъ, однако по большой части мѣлкая питается иломъ и растущими на днѣ морскими травами; чтожъ весь Сѣверной океанъ не токмо на чистыхъ мѣстахъ, но и подъ великими льдами наполненъ рыбами и другими животными, о томъ свидѣтельствуютъ: 1) киты около Гренландіи и близъ Чукотскаго носу, и несказанное множество сельдей, отъ полярной стороны приходящихъ къ берегамъ Европейскимъ; 2) около Новой Земли моржи и птицы, питающіяся мѣлкою рыбою; 3) въ Оби, Енисеѣ и Ленѣ осетры и стерляди, которыя въ моряхъ родятся и въ рѣки входятъ; 4) по всему берегу Ледовитаго моря находящіеся въ знатномъ множествѣ крупные моржовые зубы.

§ 46. Такимъ образомъ, нагрѣтое подземною теплотою, дно морское нагрѣваетъ и лежащую на немъ воду. И когда студеной зимней воздухъ поверьхность Океана знобитъ морозами,—тогда верхняя вода становится студенѣе изподней, слѣдовательно пропорціально тяжелѣе, отъ чего по Гидростатическимъ законамъ, по разной тягости, верьхняя ко дну опускается, нижняя встаетъ къ верьху, принятую теплоту отъ талаго дна съ собою возводитъ, и оную лежащему на морской поверьхности воздуху сообщаетъ. И посему не дивно, что зимнимъ временемъ морскіе вѣтры оттепель, а съ матерой земли вѣющіе съ собой приносятъ морозы; ибо въ Санктъ-Петербургѣ западной съ Балтійскаго, у города Архангельскаго Нордъ-Вестъ съ Бѣлаго и Норманскаго, въ Охотскѣ восточной вѣтеръ съ Камчатскаго моря съ оттепелью дышутъ, напротивъ того въ Санктъ-Петербургѣ восточной и южновосточной, такъ же и у города Архангельскаго и въ Охотскѣ западной, съ морозами вѣютъ: затѣмъ, что матерая земля, запертая мерзлымъ черепомъ, и покрытая снѣгомъ на многія тысячи верстъ, не можетъ изъ нѣдръ своихъ внутренней теплоты сообщать студеному воздуху и посему не дивно, что около Нерчинска, Иркутска и въ другихъ, далече отъ Сѣвернаго Океана лежащихъ мѣстахъ, не рѣдко случаются въ одно время сильнѣе морозы, нежели въ сѣверныхъ краяхъ, въ Тобольскѣ и въ Мангазеи.....

§ 47. „Вниманіе и исканіе причины таковыхъ воздушныхъ позорищъ, а особливо сѣвернаго сіянія, весьма много служитъ къ доказательству открытаго Океана, и середи зимы, въ мѣстахъ ближнихъ къ полюсу, въ отдаленіи отъ береговъ Сибирскихъ; для того долженъ я неотмѣнно здѣсь представить, что о томъ извѣдано искуствомъ и что слѣдуетъ по теоріи.....

§ 48. По силѣ оныя положимъ здѣсь за несумнѣнное основаніе, что сѣверное сіяніе раждается, когда теплой воздухъ поднимается къ верьху, а холодной опускается къ низу; то слѣдуетъ, что поверьхность тѣхъ мѣстъ, надъ которыми являются сѣверныя сіянія, много теплѣе, нежели верхьняя Атмосфера. Сіе нигдѣ въ сѣверѣ удобнѣе случиться не можетъ, какъ надъ открытымъ моремъ, которое дѣйствіемъ подземной внутренней теплоты, производитъ въ разтвореніи нижняго и верьхняго воздуха великую разность, и располагаетъ оныя къ встрѣчнымъ движеніямъ къ верьху и къ низу; а по тому и къ тренію взаимному и произведенію Електрическаго воздушнаго явленія. Сему точно соотвѣтствуютъ примѣчанія и повсядневное искуство по Сибири, что въ мѣстахъ, ближе къ морю лежащихъ, чаще бываютъ сѣверныя сіянія; а на самыхъ берегахъ видно оное по всякую ночь безпрестанно. Напротивъ того, въ знатныхъ отдаленіяхъ отъ онаго, какъ въ Иркутскѣ, рѣдко оныя примѣчаются.

§ 49. Соотвѣтствуютъ сему сѣверныя сіянія, примѣченныя на Шпицбергенѣ: Амосъ Корниловъ, Архангелогородской мореходецъ, которой на ономъ острову былъ для промысловъ пятнадцать разъ, неоднократно тамъ зимовалъ, и въ бытность его здѣсь въ Санктъ-Петербургѣ, мною о тамошнихъ свойствахъ обстоятельно спрашиванъ, съ утвержденіемъ сказывалъ о помянутомъ Електрическомъ явленіи: 1) что тамъ сѣверныя сіянія бываютъ безъ дуги, видны одни только сполохи; 2) въ западные вѣтры оные сполохи идутъ отъ запада, надъ головою и по всему небу; 3) во время сѣверныхъ вѣтровъ показываются они на полудни, а въ южные вѣтры являются въ сѣверѣ; 4) что во время восточнаго, восточно-южнаго и восточно-сѣвернаго дыханія, онаго сіянія не бываетъ. По онаго же Корнилова сказкамъ, западное море отъ рѣченнаго острова, по большой части безледно бываетъ, восточное льдами наполнено. Сіе съ другими извѣстіями, и съ самою натурою сходно; ибо множество льдовъ изъ Сибирскаго Океана мимо полуночнаго мысу Новыя Земли проноситъ къ восточному Шпицбергенскому берегу и къ Медвѣжьему острову, около коего, какъ и на коргахъ, простирающихся между сими островами, становится на мѣль, взламывается въ высокіе бугры съ великимъ трескомъ и громомъ.

§ 50. Не вступая въ дальную теорію и изслѣдованіе коренныхъ причинъ, изъяснить можно: 1) Западныя сѣверныя сіянія: по вышеописанному основанію, натурально быть должно, что верьхняя тамъ атмосфера лежитъ надъ открытымъ моремъ, теплоту отрыгающимъ; 2) что на восточномъ отъ Шпицбергена морѣ сперлись наносные льды съ Сибирскаго Океана, и запираютъ сообщеніе подземной теплоты съ нижнею атмосферою. 3) Понеже южное оттуду море, лежащее къ Норвегіи, всегда открыто, и ради того не видно, что Електрическое сіяніе производитъ. 4) А по сему неспоримо слѣдуетъ, что сѣверные сполохи показываютъ такъ же отворенное море, хотя не во все время; затѣмъ, что: 5) когда полуденной вѣтръ тянетъ, относитъ льды

отъ сѣверныхъ береговъ Шпицбергенскихъ далѣе къ полюсу, открываетъ нагрѣтую дномъ морскимъ воду, и въ воздухѣ Ел-ктрическія явленія производитъ; равно какъ тогда, какъ сѣверными вѣтрами южной край онаго острова очищаетъ, съ произвожденіемъ подобнаго дѣйствія.

§ 51. По всему сему разсудить должно, что далѣе къ сѣверу, открытому морю быть должно не токмо лѣтомъ, но иногда и зимою. Сверьхъ онаго утверждается сіе слѣдующимъ: 1) На Новой Землѣ и на Шпицбергенѣ, изъ подъ ледяныхъ горъ, ущелинами текутъ ручьи и рѣки: слѣдовательно извнутрь земли теплота дѣйствуетъ. 2) За Никольскимъ шаромъ, въ Карское море впадаетъ рѣка, называемая Великая, въ коея устья удобно становятся тамошнія промышленныя суда; посему на Новой Землѣ не такой холодъ, что бы все было сжато морозами. На равныхъ мѣстахъ многія озера, обильныя травою, подаютъ прибѣжище и кормъ всякимъ птицамъ. 3) Съ сѣверной стороны Шпицбергена перелѣтаютъ гуси чрезъ высокія, льдомъ покрытыя горы: изъ сего явствуетъ, что далѣе къ полюсу довольно есть прѣсной воды для плаванія, и травы для корму. 4) На Шпицбергенѣ водится множество дикихъ оленей: по сему стужа зимою не такъ жестока, чтобы не могли пробыть животныя.

§ 53. Итакъ, о сносности стужи довольно: нынѣ слѣдуетъ о трудности отъ льдовъ разсудить, и для того сперва должно о нихъ имѣть обстоятельное и подробное понятіе, и объ ихъ произхожденіи. Порожденія суть двоякаго роду: ледяныя горы на сушѣ, и льды плавающіе по морю. Горы, что на сушѣ, такъ же раздѣляются на два рода: однѣ, подобно Альпійскимъ, покрытыя вѣчнымъ льдомъ и снѣгомъ, выше облаковъ возходятъ, по большей части отъ береговъ въ нѣкоторомъ отдаленіи; другія суть самые берега, состоящіе въ крутыхъ утесахъ, со льдами соединенныхъ. О произхожденіи первыхъ разсудить можно, что онѣ послѣ самаго начала горъ отъ паровъ намерзли и снѣгомъ нанесены изъ древнихъ лѣтъ, и простираясь въ верьхнюю холодную Атмосферу, никогда не стаиваютъ; вторыхъ рожденіе обстоятельно примѣчено: стекающіе ручьи и рѣки изъ озеръ и отъ снѣговъ, лежащихъ по горамъ высокимъ, кои лѣтомъ нѣсколько таютъ, сливаются въ морѣ ущелинами, между крутыми утесами; а какъ осень и зима придетъ, рѣчки отъ сильныхъ морозовъ до дна промерзаютъ, вода нажимается сверьхъ перваго льду, не имѣя подъ нимъ теченія, и налившись на немъ, въ ледъ же обращается, и такимъ образомъ слой на слой садится и въ одну зиму подымается на нѣсколько саженъ толщиною, а въ десять и въ двадцать зимъ равняется ледъ съ высокими каменными берегами, затѣмъ что лѣтомъ несравненно въ ущелинахъ меньше таетъ, нежели какъ зимою нарасти можетъ.

§ 54. Ходячіе по морю льды троякой видъ показываютъ: 1) мѣлкое сало, которое, подобно какъ снѣгъ, плаваетъ въ водѣ, иногда игловатъ, или хотя и связь имѣетъ, однако гибокъ, и судамъ не вреденъ, 2) горы нерегулярной фигуры, которыя глубиною въ водѣ ходятъ отъ 30 до 50 саженъ, выше воды стоятъ на десять и больше, безпрестанно трещатъ, какъ еловыя дрова въ печи; почему узнать можно такихъ плавающихъ горъ приближеніе въ туманъ и ночью, и взять предосторожность, ибо онѣ во время волненія опасны, а особливо когда на мѣль становятся, и оборачиваясь разламываются съ великимъ шумомъ и трескомъ, 3) стамухи или ледяныя поля, кои нерѣдко на нѣсколько верстъ простираются, смѣшанныя съ мѣлкимъ льдомъ. Таковые льды плаваютъ въ большомъ количествѣ, и суда удобнѣе затираютъ. Здѣсь различить должно плавающія ледяныя горы отъ тѣхъ, кои состоятъ изъ взломанныхъ стамухъ взаимнымъ сраженіемъ.

§ 55. Сало родится на самомъ морѣ, отъ великихъ морозовъ, и примѣчается весною и осенью, а лѣтомъ рѣдко. Крѣпости разность бываетъ по разной солености воды и по силѣ морозовъ. Гдѣ вода прѣснѣе и морозъ сильнѣе, тутъ и море такъ замерзаетъ, что по немъ ходить и на нартахъ ѣздить можно. Въ поморьѣ называется оное *Ночемержа,* затѣмъ что въ мартѣ мѣсяцѣ ночными морозами, въ тихую погоду, Бѣлое море на нѣсколько верстъ гибкимъ льдомъ покрывается, такъ что по немъ за тюленями ходятъ, и лодки торосовыя за собой волочатъ; и хотя онъ подъ людьми гнется, однако не скоро прорывается; около полудни отъ солнца пропадаетъ, и отъ вѣтру въ чешуху разбивается.

§ 56. Происхожденіе падуна уже и поимяни явствуетъ: ибо когда лѣтнею порою поверьхность Новой Земли отъ снѣгу освободится, и потекутъ ручьи и рѣчки въ море, тогда подъ намерзлыя въ ущелинахъ крутыхъ береговъ ледяныя горы, прѣсная вода съ земли въ море путь находитъ, и оныя подмываетъ; также и волны морскія подплескиваютъ; отъ краевъ ущелинъ дожди и ручейки отполаскиваютъ; а больше всего, когда тягость толь великія громады, преодолѣвъ связь съ каменною горою, обрушивается въ море и производитъ ужасной громъ и шумъ, какъ бы изъ цѣлой артиллеріи и многаго мѣлкаго ружья вдругъ выпалить. Безпрестанная трескотня сихъ ледяныхъ горъ произходитъ отъ того, что онъ, будучи много студенѣе морской воды, отогрѣваясь, въ ней безпрестанно лопается, и отрываетъ отъ себя мѣлкій щебень и онъ весь современемъ исчезнетъ".

§ 57. Прѣсная вода замерзаетъ съ верьху къ низу, и чѣмъ морозъ сильнѣе и долѣе дѣйствуетъ, тѣмъ ледъ становится толще. Въ Сибирѣ малыя рѣки нерѣдко до дна промерзаютъ, а въ большихъ ледъ бываетъ толщиною до трехъ саженъ. Представимъ же себѣ великія губы при устьяхъ великихъ рѣкъ Сибирскихъ, наполненныя прѣсною водою, которая до толь знатной толщины замерзаетъ, что въ лѣто разстаять не можетъ. Полуденные вѣтры весною

относятъ оныя великія льдины въ море, по которому онѣ плавая свое время, исчезаютъ, то отъ волнъ морскихъ, то ломаясь о берега или другъ о друга; то, будучи движеніемъ моря отнесены въ моря, лежащія южнѣе, изчезаютъ; а на ихъ мѣсто каждая зима производитъ новой ледъ въ оныхъ заливахъ; и сіи суть такъ называемыя стамухи или поля ледяныя. Что оныя дѣйствительно изъ заливовъ при устьяхъ рѣкъ великихъ, то явствуетъ: 1) что состоятъ изъ воды прѣсной; 2) что обыкновенная, трехсаженная толщина сходствуетъ съ толщиною льдовъ на рѣкахъ Сибирскихъ; 3) что отъ падуна разнится не токмо плоскою фигурою, но и твердостью и прозрачностью: затѣмъ что падунъ не прозраченъ, пузыреватъ и трещиноватъ, какъ на слѣду быть должно.

§ 58. Разсмотрѣвъ различіе и качества льдовъ, должно обозрѣть ихъ движеніе по Сибирскому Океану. Но сего видѣть ясно невозможно, безъ познанія въ немъ теченія водъ и приливовъ и отливовъ, которымъ по большей части льды послѣдуютъ. Вѣтрамъ мѣлкіе только и тонкіе удобно повинуются; а падунъ и стамухи больше нижняя часть воды движетъ, такъ что не рѣдко противныя движенія мѣлкаго и крупнаго льду примѣчаются на одномъ мѣстѣ. Того ради неотмѣнно должно, по возможности, вникнуть въ изысканіе оныхъ ледовитаго Океана движеній, сколько показываютъ наблюденія и сколько позволяетъ по онымъ заключить теорія; а какъ движенія морей много зависятъ отъ положенія береговъ, потому неотмѣнно должно здѣсь разсуждать и о положеніи оныхъ около Ледовитаго моря. Сибирскія довольно для сего дѣла извѣстны; Американскихъ должно досягать основательными догадками, когда практическое испытаніе оныхъ по нынѣ не было дозволено.

§ 59. Главное теченіе Океана, повсюду, гдѣ человѣческое раченіе достигло, примѣчено отъ востока на западъ; слѣдовательно и въ Сибирскомъ Океанѣ тому же быть должно. И самое искуство подтверждаетъ сіе неоспоримыми доводами: правда, что на самомъ оном Ледовитомъ морѣ, въ дальнихъ разстояніяхъ отъ береговъ Сибирскихъ, того примѣтить по нынѣ возможности не было; но, однако, движеніе водъ въ соединенномъ съ нимъ Нормандскомъ и Атлантическомъ Океанѣ есть не ложной свидѣтель, которое увѣряетъ, что нельзя бы тамошнимъ водамъ было простираться теченіемъ на западъ, естьли бы на ихъ мѣсто другія воды, отъ востока, то есть изъ Ледовитаго моря, не наступали; и сами льды, согласнымъ оттуду движеніемъ, сему соотвѣтствуютъ. Приливы и отливы указываютъ явно:

§ 60. Ибо: 1) на сѣверномъ мысу Новыя Земли прибылыя ходятъ отъ Нордъ-Оста къ Зюйдъ-Весту; 2) Въ Вайгачѣ прибылая вода течетъ отъ запада къ востоку, палая отъ востока къ западу; однако палая сильнѣе, нежели прибылая. Сіе можетъ показаться вышеписанной правдѣ противно; однако самымъ дѣломъ оно заглушается: затѣмъ что къ Вайгачу должно быть общаго теченія около Новой Зем-

ли водоворотъ. Прошедъ сей островъ, вода океанская упирается въ Лапландской берегъ, простирающійся отъ Святого Носу къ Сѣверному и оныя часть, оборотясь на лѣво, производитъ приливы къ Бѣлому морю, къ Канину Носу, къ Печорѣ, къ Вайгачу; другая идетъ мимо Сѣвернаго Носу въ Норвегію, отъ чего не дивно: 3) что изъ Вайгача отливъ сильнѣе прилива, затѣмъ, что сей хотя скорѣе успѣваетъ втечь въ Карское море, но назадъ долженъ выходить сильнѣе, затѣмъ что съ симъ отливомъ соединяется приливъ, которой дѣйствуетъ медлительно, проходя черезъ мѣли и сквозь стоячіе льды, коими море между Сибирью и Новою Землею наполнено; 4) На Лапландскомъ берегу приливъ больше, нежели въ Норвегіи и на западныхъ берегахъ Новыя Земли: затѣмъ что оной стоитъ въ упоръ Океанскому теченію, а сіи вдоль протянулись; 5) На восточномъ Канинскомъ берегу воды ниже, нежели на западномъ: ибо на сей воды доходятъ отъ Лапландскаго берегу по первомъ отворотѣ, а на оной,—по вторичномъ отъ Новой Земли. 6) Приливъ у западныхъ береговъ и въ проливахъ Шпицбергенскихъ простирается къ сѣверу, и течетъ скоро; отливъ значится только убылою водою, а теченія назадъ не бываетъ, но только движется весьма тихо, или нѣсколько останавливается, изъ чего слѣдуетъ, что мимо Шпицбергена, а особливо по западной сторонѣ, течетъ Океанъ въ сѣверную, между Грендландіею и онымъ; а слѣдовательно за симъ проливомъ есть великое море въ странахъ подполярныхъ. Сіе согласуется съ тѣмъ, что показано въ № 48 и 49 о сѣверной теплотѣ и о сѣверномъ сіяніи.

§ 61. Воды Океанскія текутъ отъ востока къ западу (какъ выше объявлено), а вода, истекающая изъ Сибирскаго Океана, течетъ: 1) между Норвежскимъ Сѣвернымъ носомъ и Шпицбергеномъ, по § 59-му, что показываютъ и приливы при Исландіи, кои идутъ отъ востока, и наносной ледъ къ Медвѣжьему острову и Шпицбергену отъ Новой Земли. Сіе теченіе простирается наконецъ Антлантическимъ Океаномъ, между Африкою и Америкою, и обходитъ около Южной Америки Магеллановымъ, Делямеровымъ и другими проливами и южными морями въ Тихой Океанъ. Увѣряютъ въ томъ великія льдины падуна въ Ишпанскомъ морѣ, около мыса Финистерскаго примѣченныя. 2) Вода между Гренландомъ и Шпицбергеномъ, въ сѣверъ протекающаяся, такъ же имѣть должна ходъ оборотной; да кудажъ? Не инуда какъ около полюса въ Сибирской Океанъ обратно. Ибо довольно ей на оборотъ параллельныхъ линей отъ полюса на 20 и на 10 градусовъ; подобно какъ на другой половинѣ Свѣта, между мысами Горномъ и Добрыя Надежды, Новой Голландіи и между невѣдомыми землями Южнаго полукружія. Когда великихъ морей: Индѣйскаго, Антлантическаго и Тихаго многія воды не имѣютъ вольнаго теченія поцъ жаркимъ поясомъ, для препятствованія великихъ частей Свѣта, и для того принуждены искать проходу въ приближеніи къ Полярнымъ странамъ, то самымъ ли сѣвернымъ водамъ искать должно какого дальнаго для себя окружнаго проходу?.

§ 62. Итакъ, по всему видно, и на самомъ высочайшемъ степени вѣроятности поставлено, что, считая отсюду, за полюсомъ есть великое море, которымъ вода Сѣвернаго Океана обращается по силѣ общаго закона, около полюса отъ востока къ западу; далѣе ей итти некуда какъ въ Бафинской заливъ, въ которой однако толь широкаго проходу или еще и никакого быть нечаятельно: къ тому же было бы то не по теченію отъ востока къ западу, но въ противную сторону, что несогласно общимъ законамъ.

§ 63. Итакъ, когда около полюса кругомъ море, то остается еще вопросъ, есть ли оно въ самомъ полюсѣ, или занимаетъ оной суша? Сего рѣшенія здѣсь хотя не нужно, однако вниманія достойно. Мнѣ кажется, хотя можетъ быть и не въ самой полярной точкѣ, однако близь оной, должно быть не малому острову, или еще и многимъ: 1) для того, что окружному теченію Океана натуральнѣе обходить около острова, какъ и на другихъ моряхъ бываютъ водовороты; 2) открытые Баренсомъ и Корнелисомъ Риппомъ берега, далече простирающіеся, суть южные, слѣдовательно показываютъ великой островъ, которой лежитъ къ сѣверу, далѣе 80 градусовъ и 11 минутъ, склоняясь отъ Шпицбергена къ востоку; 3) а какъ Шпицбергенъ одинъ состоитъ изъ трехъ главныхъ острововъ и изъ мѣлкихъ весьма многихъ, и помянутой Кернелисовъ островъ лежитъ въ близости оныхъ, то весьма вѣроятно, что самая полярная часть свѣта наполнена многими островами и занята Архипелагомъ, за которымъ лежатъ полуночные берега Сѣверной Америки.

§ 64. Знаніе оныхъ положенія много надлежитъ къ нашему изысканію; того рода, лишаясь всякаго о томъ практикою свѣдѣнія, должны прибѣгнуть къ однѣмъ разсужденіямъ, кои основаніе свое имѣютъ наподобіи дѣйствій постоянныя Натуры, и на примѣрахъ Географическихъ, на коихъ опираясь, посмотримъ мыслями: 1) на положеніе противнаго Сибирскому матераго берега, заключающаго въ сѣверѣ Америку, простирающагося отъ Гренландіи до матерой земли, противъ Чутского носу лежащей и потому 2) на обширность всего Сибирскаго океана; 3) къ оного же берега натуральное состояніе и качества.

§ 65. Разсматривая весь шаръ земной, не безъ удивленія видимъ въ морѣ и въ сушѣ нѣкоторое аналогическое, взаимно соотвѣтствующее положеніе, яко бы нарочнымъ смотрѣніемъ и распорядкомъ учрежденное; и вопервыхъ двѣ великія суши земной поверьхности, старой и новой свѣтъ составляющія, много фигурою сходствуютъ: 1) обѣихъ южныя части, то есть Африка и полуденная Америка, суть треугольники; 2) берега ихъ не столь много изрѣзаны глубокими излучинами, какъ сѣверныя половины; 3) не окружены многими островами, какъ оныя; 5) *) присоединены обѣ къ сѣвернымъ частямъ узкими перешейками, одинъ въ Египтѣ, другой въ Королевствѣ Мексиканскомъ. Сверьхъ сего, Зеленой мысъ соотвѣтствуетъ

*) Въ текстѣ нѣтъ пункта четвертаго, а прямо за 3 стоитъ 5.

мысу Бразильскому, Мексиканское море—Посредиземному; острови: Кипръ, Критъ, Сицилія и другіе—островамъ Кубѣ, Испаніолѣ и протчимъ..... (Авторъ приводитъ еще массу сопоставленій и кончаетъ:) противъ Камчатки простирается мысъ сѣверозападной Сѣверной Америки, которой не безъ основанія нѣкоторые новые Географы полуостровомъ на картахъ изображаютъ.

§ 66. По таковой великой Аналогіи заключаютъ, что лежащей противъ Сибирскаго берега, на другой сторонѣ, сѣверной Американской берегъ Ледовитаго моря протянулся вогнутою излучиною, такъ что сѣверную полярную точку кругомъ обходитъ, и въ ширинѣ имѣетъ пространство около полутретьихъ тысячъ верстъ. И понеже долгота онаго, считая отъ Шпицбергена до Чукотскаго носу, на 3000 верстъ простирается чрезъ полюсъ, то имѣетъ оно видъ нѣсколько овальной. Сіе согласуется съ положеніемъ сего моря, по вѣроятности представленнымъ въ § 62: ибо когда за Шпицбергеномъ есть пространное море, въ которое проливомъ на 700 верстъ ширино произходитъ теченіе отъ полудни, то неотмѣнно должно быть таковой излучинѣ, какова слѣдуетъ изъ помянутой Географической Аналогіи.

§ 67. Вообразивъ себѣ величину и фигуру Сибирскаго Океана, представимъ мысленнымъ зрѣніемъ главныя качества сѣвернаго Американскаго берега, лежащаго насупротивъ Сибирскаго, къ чему за основаніе положимъ подобную вышеписанную Аналогію. Когда теченіе знатныхъ рѣкъ разсмотримъ, вездѣ почти найдемъ, что одна сторона у нихъ нагорная, другая луговая, то есть одна состоитъ изъ береговъ крутыхъ и высокихъ, другая изъ низкихъ, песчаныхъ и луговыхъ мѣстъ; а слѣдовательно оныя рѣки съ одной стороны приглубы, съ другой отмѣлы. Сіе же Натура по большей части наблюдаетъ и въ разсужденіи береговъ морскихъ и другихъ знатныхъ водъ. Такъ напримѣръ: южные берега Балтійскаго моря по большей части отмѣлы и наполнены коргами; сѣверные, напротивъ того лежащіе, суть каменные, приглубые..... Не иначе состоитъ и Бѣлое море, котораго Лѣтней берегъ къ югу и Зимней къ Зюйдъ-Осту песчанъ и не такъ приглубъ, какъ Терской, противъ его въ сѣверѣ и сѣверо-западѣ лежащей. Изъ сего натуральнаго закона, которой хотя не безъ всякаго изъятія, однакоже весьма общъ, по великой вѣроятности заключить можно, что противъ весьма отмѣлаго Сибирскаго берега, низкими тундристыми мысами простирающагося, лежитъ крутой и приглубой берегъ Сѣверной Америки.

§ 68. Другая подобная Аналогія показываетъ намъ слѣдующее: Крутые морскіе берега рѣдко вливаютъ въ море великія рѣки; но оныя обыкновенно протекаютъ въ моря съ краевъ отлогихъ: такъ изъ Африки низменной Египетъ даетъ путь Нилу въ Средиземное море; на южной сторонѣ сея части, къ крутому мысу Добрыя Надежды лежащей, такихъ рѣкъ не произвела Натура.... (и другіе примѣры приводитъ авторъ: Америка, Азія, Европа). И такъ разсудивъ: 1) что изъ

Сѣверной Америки протекаютъ на полдень и на востокъ рѣки Мизизипи и Святого Лаврентія; 2) что сѣверной берегъ Америки, лежащей насупротивъ Сибирскаго, крутъ и приглубъ (§ 67), то слѣдуетъ, что съ него въ Сибирской Океанъ не протекаютъ толь великія рѣки, каковы суть Мизизипи и Святаго Лаврентія, и потому въ сравненіи съ Сибирскими должны быть весьма малы.

§ 69. Сію вѣроятность подтверждаютъ еще слѣдующія обстоятельства и разсужденія: 1) Баффинской заливъ, считая отъ устьевъ рѣкъ Лены и Тамуры, лежитъ прямо въ сѣверѣ за полюсомъ, отъ котораго долженъ отстоять около 10 градусовъ; какъ по вышепоказанному слѣдуетъ (§ 62), что Сибирской Океанъ не мало за полюсъ простираться долженъ, потому перешеекъ, соединяющій Гренландію съ протчею Сѣверною Америкою, широкъ быть не можетъ и едва ли пять сотъ верстъ превышаетъ; а теченіе великихъ рѣкъ требуетъ великаго земель пространства, откуду бы водамъ довольно собраться было можно: слѣдовательно на противной сторонѣ Оби, Енисея и Лены не возможно быть рѣкамъ, хотя малое съ ними сравненіе имѣющимъ. Присовокупимъ же еще къ тому, что оной перешеекъ лежитъ между полюсомъ и 80 градусомъ отъ Екватора; то весьма натурально, что тамъ не можетъ быть знатное рѣкъ теченіе, ради рѣдкости дождей и снѣгу, какъ то на Шпицбергенѣ примѣчено.

§ 70. Протчей сѣверной Американской берегъ, къ Ледовитому морю прилежащей, не инаковъ шириною быть долженъ, естьли де Фонтово мореплаваніе и Бернардово озеро наглымъ образомъ вовсе неопровергнемъ. Ибо оное озеро простирается около 70 градуса ширины сѣверной, и мало оставляетъ мѣста теченію рѣкамъ въ Сибирской Океанъ, изливаясь само около той же ширины въ море. Сіе великое устье, кромѣ Бернардова, подтверждается тремя, весьма ванжыми доводами: 1) Чукотскіе жители объявляли Берингу и другимъ, какъ въ Сибирскихъ извѣстіяхъ явствуетъ, что въ лежащей землѣ напротивъ онаго носу, есть великія рѣки, многіе жители, лѣсы и звѣри. 2) Что на Камчатскія сѣверныя берега приноситъ много плавнику еловаго и сосноваго, какого лѣсу на ней не растетъ; но какъ лѣсъ выноситъ на морѣ быстриною великихъ рѣкъ, а съ береговъ морскихъ толикаго множества волны смывать не могутъ, то согласно есть сіе съ извѣстіями, полученными отъ Чукчей. 3) Къ Камчатскимъ берегамъ, даже и до Курильскихъ острововъ, наноситъ восточными и сѣверновосточными вѣтрами великіе льды зимою, на коихъ Камчатскіе промышленники ловятъ великое бобровъ множество; а какъ льды, на которыхъ тюлени и бобры водятся, суть стамухи, или поля ледяныя, которыя замерзаютъ изъ прѣсной воды, въ устьяхъ и въ губахъ рѣкъ великихъ, слѣдовательно въ сѣверо-западномъ углу Америки изливается великое множество прѣсной воды, и безъ сомнѣнія изъ великой рѣки, какова должна быть описана Бернардомъ.

§ 71. По таковымъ обстоятельствамъ и по толь многимъ, вѣроятнымъ и осоглано показующимъ догадкамъ, едва остается сомнѣніе-

что берегъ Сѣвернаго Океана, насупротивъ Сибирскому лежащей, долженъ быть крутъ, приглубъ, и много меньше прѣсной воды изливаетъ, нежели Сибирской. А потому на оной глубинѣ Океанская вода много солонѣе, нежели при отмѣлыхъ краяхъ Сибирскихъ, куда величайшія на свѣтѣ рѣки собранную съ половины Азіи воду прѣсную приводятъ, съ росоломъ мѣшаютъ, и онаго крѣпость весьма ослабляютъ. Морозы соленаго росолу не могутъ въ ледъ претворить удобно, какъ одолѣваютъ прѣсную. Сіе показываетъ опытъ, что Океанская вода, взятая отъ сѣвернаго Норвежнаго мысу, здѣсь не замерзала, но только сгустилась въ стужу 180 градусовъ, будучи въ маломъ сосудѣ, и со всѣхъ сторонъ окружена студенымъ воздухомъ. И такъ, можетъ ли такой росолъ, въ цѣломъ морѣ подверженной морозу только съ верьху, всегда находящейся въ движеніи, замерзнуть крѣпко? То совершенно явствуетъ, что Сибирской берегъ несравненно больше льдовъ плоскихъ, то есть стамухъ, производитъ, нежели Американской.

§ 72. Выше сего показано, что падунъ родится на крутыхъ берегахъ, въ каменныхъ ущелинахъ; то весьма вѣроятно, что сѣверной Американской берегъ, крутой и приглубой, производитъ больше падуну, нежели пологой Сибирской. Но какъ ущелины по берегамъ несравненно малы противъ устьевъ великихъ рѣкъ и заливовъ; и что падунъ въ ущелинахъ чрезъ нѣсколько лѣтъ наростаетъ, а стамухи въ губахъ и въ рѣкахъ родятся по всякую зиму, то несумнѣнно плоскаго льду въ морѣ много больше плавать должно, нежели падуну гористаго; и слѣдовательно Американской сѣверной берегъ по природѣ долженъ быть ото льду много чище, ежели наносной не одолѣваетъ. Всему сему согласуется малость льдовъ, глубина и ясность водъ при сѣверныхъ берегахъ Баффинскаго залива, нежели при южныхъ.

§ 73. Опредѣливъ, по вѣроятности, положеніе береговъ студенаго подполярнаго Океана, ихъ свойства, теченіе водъ, приступимъ нынѣ къ изысканію, какъ льды больше движутся, гдѣ разсыпаются и изчезаютъ. Но прежде должно изчислить примѣрнымъ образомъ его общее количество; при чемъ положить должно, что ночемержи и зимою изъ морской соленой воды произшедшихъ льдовъ, въ счетъ класть не должно, затѣмъ что они весною и въ началѣ лѣта вовсе пропадаютъ, и лѣтнему кораблеплаванію не препятствуютъ. Итакъ остается падунъ и плоской ледъ въ разсужденіе, кое утверждено примѣрною выкладкою.

§ 74. Сего разсужденія и изысканія пусть будетъ примѣромъ и основаніемъ Бѣлое и Нормандское море, изъ коихъ первое, будучи около 64 и 65 градуса, зимою великой ледъ производитъ, такъ что около половины онымъ покрывается; напротивъ того Нормандское, около 70 градусовъ, во всю зиму чисто, такъ что около Килдина никогда льдовъ не видаютъ. Причина тому видна ясно: ибо мѣлкое передъ Океаномъ Бѣлое море принимаетъ въ себя прѣсную воду изъ Двины, Онеги, Мезени и другихъ меншихъ водъ, ради слабости ро-

сола меньшимъ морозамъ повинуясь, въ ледъ обращается; напротивъ того, глубокой Океанъ Норвежской, не имѣя въ себя впадающихъ знатныхъ рѣкъ, не теряетъ своей солености, и морозамъ не уступаетъ, сохраняя свою жидкость. Весною выноситъ на Океанъ только тотъ ледъ, которой намерзаетъ въ губахъ при устьяхъ рѣкъ: Двины, Онеги и Мезени, и въ губѣ Кандалаксѣ, отъ втеченія рѣкъ Кандалакши и Ковды, и оной выносной ледъ проноситъ къ Канину, а къ Колгуеву острову рѣдко; на Нормандской берегъ не достигаетъ, и тамошніе рыболовы начинаютъ свои промыслы съ Николина дни, а у Килдина острова ловятъ и зимою. Съ сего приступимъ къ счету примѣрному количества льдовъ въ Сибирскомъ Океанѣ.

§ 75. Сіи льды, отъ прѣсной воды въ губахъ намерзлые, отрываются немало вѣтрами зимнею порою и плаваютъ по Бѣлому морю, куда ихъ вѣтры и вода гонятъ. Считая съ ночемержами, занимаютъ около половины морской поверьхности, а отъ прѣсной воды рожденнаго нельзя положить больше четверти. А какъ Бѣлаго моря плоскость содержитъ въ себѣ около 60000 верстъ квадратныхъ, то производитъ оное льду твердаго около 15000 верстъ квадратныхъ, которой можетъ быть вынесенъ на Океанъ въ цѣлости. Возмемъ же квадратную мѣру плоскости земной, съ которой собирается прѣсная вода въ помянутое море. Оное ограничено предѣлами, кои включаютъ въ себѣ, съ вершинами и посторонними рѣками: Двину, Мезень, Онегу, Выгъ, Кемь, Ковду, Кандалакшу, Варзугу и другія меншія рѣки. Сіе пространство содержитъ въ себѣ около 200000 верстъ квадратныхъ; слѣдовательно, къ квадратной мѣрѣ льдовъ, на Бѣломъ морѣ произшедшихъ, будетъ какъ 40 къ 3. По сей пропорціи посмотримъ на площадь, съ которой стекаетъ прѣсная вода въ Океанъ Сибирскими рѣками, то найдемъ оную квадратныхъ верстъ 2.600.000, слѣдовательно льду родиться должно изъ оныхъ прѣсныхъ водъ 200000 верстъ квадратныхъ. Сибирскіе морозы бываютъ противъ здѣшняго больше вдвое, то есть здѣшніе, считая отъ 150° до 212° равны 62 градусамъ, а тамошніе отъ 150° до 281°, то есть равны 131 градусу..... Посему надобно считать, что и количество произведеннаго ими льду вдвое, то есть 400000 верстъ квадратныхъ. Ледовитаго океана примѣрная величина показана § *) и потому выходитъ 6000000 верстъ квадратныхъ, которую, раздѣливъ на 400000, найдемъ, что оной ледъ не можетъ больше покрыть помянутаго моря какъ на $^1/_{15}$ долю.

§ 76. По примѣрному измѣренію, предложенному выше сего, Сѣверной Американской берегъ на равной длинѣ, шириною не можетъ быть больше какъ на пятую долю противъ Сибирскаго; слѣдовательно и льду не произведетъ больше 80000 квадратныхъ верстъ, то есть $^1/_{75}$ долю противъ морской поверьхности. Итакъ, обоихъ береговъ льды, взявъ вмѣстѣ, будутъ ко всему Сѣверному Океану, Сибирскими и Американскими берегами включенному, какъ 1 къ $12^1/_2$, послѣ самой жестокоі зимы, а вычетши, по вѣроятной примѣрной величинѣ,

*) § не указанъ въ текстѣ. .Н Г.

чаятельное количество сухой земли, состоящей въ островахъ подъ полюсомъ и противъ Лены, еще останется чистаго моря противъ льдовъ около десяти разъ больше. Довольное пространство къ корабельному ходу сѣверомъ въ Японію и въ Остъ-Индію.

§ 77. Уже нынѣ можемъ разсудить о льдахъ, когда стоятъ они у мѣстъ природныхъ, куда обращаются, гдѣ имъ быть должно собраніе и стѣсненіе, и какъ скоро изчезаютъ. Къ движенію своему имѣютъ двѣ причины: первую теченіе моря, вторую вѣтры. Гдѣ примѣчать должно: 1) что хотя теченіе моря сильнѣе дѣйствуетъ, нежели вѣяніе вѣтровъ, особливо на стамухи или ледяныя горы, глубоко въ водѣ погруженныя; однако стремительные и долговремянные вѣтры иногда неменше, и чутьли не больше льды гонятъ, нежели воды, и тѣмъ только уступаютъ, что теченіе Океана отъ востока на западъ происходитъ безпрестанно, вѣтры дуютъ времянно; но понеже періодическаго ихъ обращенія назначить не можемъ, то принуждены довольствоваться слѣдующимъ: 1) Вѣтры въ поморскихъ Двинскихъ мѣстахъ тянутъ съ весны до половины Мая, по большей части, отъ полудни, и выгоняютъ льды на Океанъ изъ Бѣлаго моря; послѣ того господствуютъ тамъ вѣтры больше отъ сѣвера, что мнѣ искуствомъ пять разъ извѣдать случилось, ибо отъ города Архангельскаго до становища Кекурскаго всего пути едва на семь сотъ верстъ, скорѣе около онаго времяни не поспѣвалъ какъ въ четыре недѣли, а одинъ разъ и шесть недѣль на оную ѣзду положено, съ противными вѣтрами отъ Нордъ-Оста. Около Иванова дни и Петрова дни, по большей части, случаются вѣтры отъ полудни и имъ побочные и простираются до половины Іюля, а иногда и до Ильина дни, а послѣ того двѣ, три, а иногда и четыре недѣли дуютъ полуночные вѣтры отъ восточной стороны; наконецъ лѣта западные и сѣверозападные. Сіе примѣтилъ я и по всему берегу Нормандскаго моря, отъ Святаго носу до Кильдина острова. 2) По Сибирскимъ берегамъ какъ теченіе вѣтровъ бываетъ, не имѣю никакихъ записокъ; но сколько по состоянію погодъ въ сѣверныхъ Сибирскихъ городахъ примѣчено, въ Якутскѣ и Мангазеѣ, явствуетъ, что подобнымъ образомъ, за мѣсяцъ передъ долгайшимъ днемъ и нѣсколько позже онаго, дуютъ вѣтры больше къ полярнымъ сторонамъ, а послѣ, до Августа, господствуютъ дыханія онымъ противныя. Сіе самымъ точеніемъ Натуры согласно, ибо ближайшіе къ полудню земли ранѣе чувствуютъ теплоту солнечную; воздухъ оттого и пары расширяются и требуютъ больше мѣста, и такъ уклоняются въ тѣ мѣста, гдѣ больше сжимается отъ холоду, сирѣчь къ полуночи. Но какъ въ долгайшіе дни солнце, не заходя больше за горизонтъ въ мѣстахъ подполярныхъ, въ стѣсненномъ великимъ холодомъ воздухъ разогрѣетъ, разширитъ и новыми парами разтворитъ въ великое пространство, тогда распущается онъ и течетъ на полдень, нося съ собою холодъ, дожди и туманы. Сіе должно разумѣть не токмо о Сибирскомъ, но и о Американскомъ сѣверномъ берегѣ.

§ 78. А потому разсуждать должно: 1) Что въ концѣ весны относитъ вѣтрами льды отъ береговъ къ сѣверу; чему способствуетъ теченіе на Сибирскомъ берегу водъ, изъ великихъ рѣкъ, которое широкія устья и великія губы очищаетъ. 2) Противной берегъ столько для относу льду силы не имѣетъ, лишаясь стремленія рѣкъ великихъ; къ тому же ледяныя горы, повинуясь больше водѣ, столько вѣтровъ весеннихъ силы не чувствуютъ; и потому, послѣдуя теченію моря, плывутъ къ западу, то есть, по заполярному положенію отъ Гренландіи къ землямъ, лежащимъ противъ Чукотскаго носу: какъ на противъ того по здѣшней сторонѣ быть должно, и есть дѣйствительно, теченіе моря отъ Чукотскаго носу къ Новой Землѣ и далѣе; что подтверждаютъ оттуду приходящіе приливъ и наносные льды, около полуночнаго Новоземельскаго мысу и изъ Вайгача къ берегамъ Печерскимъ, что лежатъ къ востоку.

§ 79. Симъ разсужденіямъ соотвѣтствуетъ самое льдовъ хожденіе около Новой Земли: 1) По веснѣ и въ началѣ лѣта, когда на морѣ зимою рожденной ледъ рушится, очищается мысъ ото льдовъ по перемѣнамъ, какъ видно изъ Баренсова извѣстія § 29; потомъ случается почти на всякое лѣто, что въ Іюлѣ мѣсяцѣ тянетъ вѣтеръ сѣверовосточной и выводитъ съ водами великое множество льдовъ изъ Сибирскаго Океана, что однако не далѣе трехъ или четырехъ дней продолжается: въ протчее время море чисто, хотя иногда тотъ же вѣтръ до трехъ недѣль господствуетъ. 2) Изъ сего заключить должно, что за сѣвернымъ мысомъ Новой Земли толь далече берегъ, сколько верстъ можетъ въ четверы сутки ледъ перегнанъ быть вѣтромъ и водою,— думаю отъ трехъ до четырехъ сотъ верстъ; или льду нѣтъ больше на всемъ пространствѣ моря: сіе вѣроятнѣе, нежели первое, ибо великой приливовъ упоръ въ Нормандской берегъ, и сильное теченіе Океана тому прекословитъ; послѣднее соотвѣтствуетъ вышеписанному изчисленію § 75. Помянутой ледъ родится конечно между Новою Землею и устьями рѣкъ Оби и Енисея, въ великихъ губахъ, и въ Карскомъ морѣ: ибо сіе мѣсто, кромѣ Обской и Тазовской губы, должно быть наполнено по большей части прѣсною водою. Новая Земля простерлась противъ устьевъ великихъ рѣкъ Оби и Енисея, однимъ концомъ подходя къ Пясигскому большому мысу, другимъ при Вайгачѣ простираясь къ Печерскимъ берегамъ весьма близко, включаетъ въ себѣ запертое море, которое, будучи мѣлко, должно имѣть мало росолу, и для того зимою почти все замерзаетъ, а оной ледъ, прежде южными вѣтрами и теченіемъ рѣкъ по веснѣ на Океанъ вынесенной, послѣ восточно-сѣверными вѣтрами мимо Новой Земли на западъ выноситъ.

§ 80. Выше сего показано (§ 49), что около Шпицбергена море съ западной стороны по большей части чисто; отъ востока почти всегда занято льдами. Оные льды приходятъ отъ востока изъ Сибирскаго Океана, восточными водами и вѣтрами прогнанные; а какъ далече на востокъ такой торосъ отстоитъ лѣтомъ, искуствомъ не извѣдано,

и только заключить можно по количеству льдовъ, кои мимо Новой Земли проноситъ. А какъ извѣстно, что онаго не малая часть приходитъ къ Медвѣжьему острову и на корги, что отъ него къ Шпицбергену простираются, въ которыхъ мѣстахъ бываетъ ему разрушеніе больше, нежели когда въ берега ударяетъ, ибо падунъ, касаясь нижнею частью дна морскаго, а верьхнею будучи отъ воды къ движенію понуждаемъ, въ кругъ обращается, и ломается съ великимъ ревомъ, гдѣ также находя плоскія стамухи, въ стоящіе на мѣли падуны упирается, трескается, и взломывается къ верьху съ ужаснымъ громомъ, которой верстъ на тридцать слышенъ; въ сихъ мѣстахъ знатнѣйшая часть онаго льду разрушается и отъ лѣтнихъ солнечныхъ дней изнываетъ. По сему разсудить можно, что на восточной сторонѣ Шпицбергенской не можетъ ледъ отъ береговъ далѣе трехъ или четырехъ сотъ верстъ простираться, слѣдовательно въ половинѣ и въ концѣ Іюля мѣсяца должно Сѣверному Океану, между Новою Землею и Шпицбергену, быть чисту и безледну, и оному чистому Океану простираться далече на востокъ безо льду по малой мѣрѣ на тысячу верстъ, считая по времени и скорости какъ несетъ ледъ, и сколько оной перейти можетъ въ три недѣли и больше. Сіе чистое мѣсто должно быть на ширинѣ около 80 градусовъ, отъ Сибирскихъ береговъ около 600 верстъ.

§ 81. Изъ трудныхъ путешествій Господъ морскихъ офицеровъ Прончищева, Лаптева и Челюсткина, такъ же и по сказкамъ Сибирскихъ промышленниковъ извѣстно, что отъ Пясигскаго мыса даже до устья рѣки Ковыми, безпрестанно обращаются лѣтомъ великіе льды, кои зимою стоятъ сплошь соединены замерзлымъ моремъ, со многою прѣсною водою изъ рѣкъ Сибирскихъ смѣшеннымъ. Льды, хотя по вѣроятности могутъ быть по большей части Сибирскихъ береговъ произведеніе, однако: 1) не на тѣхъ мѣстахъ рожденные, но перешедшіе отъ устьевъ восточныхъ рѣкъ къ западнымъ; 2) статься можетъ, что приноситъ ихъ изъ тѣхъ же мѣстъ, откуду приходятъ зимою къ берегамъ Камчатскимъ, то есть отъ устьевъ рѣкъ, кои хотя не извѣданы, однако слухомъ достигли, что втекаютъ изъ сѣверо-западного мыса Сѣверной Америки, лежащаго противъ Чукчей, гдѣ оной ледъ Чукотскимъ носомъ можетъ быть раздѣленъ на два парома, на право и на лѣво; но какъ Берингъ уже въ концѣ лѣта видѣлъ Чукотское море отъ льдовъ свободно, то думать можно, что и оные льды носитъ и около устьевъ рѣки Ковыми больше зимнею порою. Статься можетъ, что и оборотныя воды и вѣтры, около полюса подлѣ береговъ Сибирскихъ противныхъ простираясь, отъ Грендландіи мимо Баффинскаго перешейка къ Чукотскому морю, наносятъ въ него нѣсколько и тамошнихъ льдовъ, которые по большей части изъ падуна состоять должны.

§ 82. Остановка льдамъ нигдѣ не можетъ быть какъ въ малыхъ моряхъ, кои изъ сего Океана вошли въ около лежащія Сибирскія и Сѣверныя Американскія земли: либо около острововъ и мысовъ, какова Новая Земля или мысъ Пясигской. А на пространномъ Океанѣ то-

му быть нельзя: ибо хотя бы всѣ льды Сибирскаго моря ходили по его пучинѣ, то бы всегда проходовъ было противъ льдовъ какъ 12 къ 1 (смотри § 76). Льды стѣсняются, гдѣ найдутъ упоръ, а такого великого чаять нельзя на такомъ морѣ, которое движеніемъ отъ востока къ западу течетъ чувствительно, производитъ приливы и отливы, равныя бывающимъ на Атлантическомъ и Тихомъ морѣ, посылаетъ отъ сѣверо-восточной стороны долговремянные сильные вѣтры къ Нормандскому берегу, и крутыя волны, которыя послѣ того продолжаются по цѣлой недѣлѣ, не взирая на сильные поперечные и противные вѣтры.

§ 83. Изъ всего вышеписаннаго, по натуральнымъ законамъ и по согласнымъ съ ними извѣстіямъ, не обинуясь заключаю: 1) что въ отдаленіи отъ береговъ Сибирскихъ, на пять и на семь сотъ верстъ, Сибирской Океанъ въ лѣтніе мѣсяцы отъ всякихъ льдовъ свободенъ, кои бы препятствовали корабельному ходу и грозили бы опасностью быть мореплавателямъ затертыми; 2) что самой лутчей проходъ упователенъ мимо восточно-сѣвернаго конца Новой Земли [1]) къ Чукотскому носу, сперва пустясь въ Нордъ-Остъ, потомъ склонясь къ Осту

---

[1]) Собранныя впослѣдствіи отъ промышленниковъ и матросовъ свѣдѣнія убѣдили Ломоносова, что Новая Земля мало доступна и потому въ „Первомъ прибавленіи" къ сочиненію „Краткое описаніе разныхъ путешествій по сѣвернымъ морямъ..", поданномъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1764 года, въ Морскую Россійскихъ флотовъ Комиссію, Ломоносовъ объясняетъ, что выгоднѣе отправиться къ западу съ о. Шпицбергена:

I. „По новымъ извѣстямъ, отъ Грумантскихъ и Новоземельскихъ промышленниковъ, явствуетъ, что поискъ морскаго пути по сѣверу на востокъ удобнѣе начать можно отъ западнаго Грумантскаго берегу, нежели съ Новой Земли, для того, что 1) Тамошней климатъ оказывается теплѣе, оттепели зимою бываютъ чаще, нежели какъ на Новой Землѣ, и западное Грумантское море теплѣе, гавани ото льдовъ освобождаются много ранѣе, и иноземцы приходятъ туда на промыслы къ Николину дни, а Россійскіе промышленники, хотя и много позже приходятъ, однако остаются иногда до Воздвиженьева дни; 2) Море много свободнѣе отъ льдовъ, ибо западной берегъ почти всегда чистъ, и китоловные корабли ходятъ во все лѣто, и ежели когда льды наноситъ, то не отъ запада, куда сперва путь предпріять должно, но больше отъполудни, иногдажъ отъ сѣвера заворачиваетъ, и оной ледъ по всѣмъ обстоятельствамъ видно, что отъ Сибирскихъ береговъ; затѣмъ что онъ весь прѣсной и, въ солнечные дни, разстаявъ, составляетъ на себѣ прѣсныя лужи, коими промышленники довольствуются; также и по заплескамъ на Грумантѣ лежитъ много листвяга, изнылаго и льдомъ обломаннаго и обтертаго, котораго лѣсу весьма много въ Сибирѣ, и конечно со льдами отъ Сибирскихъ береговъ его наноситъ, а посему явствуетъ великая вѣроятность моей теории, что противолежащей Сибирскому, сѣверной берегъ Сѣверной Америки къ мореплаванію удобнѣе Сибирскаго берегу. 3) Сіе плаваніе будетъ по водѣ и по вѣтру, затѣмъ, что теченіе моря при западномъ берегѣ Грумантскомъ простирается отъ NW, и теченіе океана по большей части съ вѣтрами соглашается; сверьхъ того, около Новой Земли и къ Норманскому берегу господствуютъ вѣтра отъ Оста и Нордъ-Оста. Новоземельскіе промышленники много долѣе идутъ къ Новой Землѣ, противъ льдовъ и вѣтровъ, нежели обратно; а посему у противнаго берега Американскаго, на другой сторонѣ полюса, должно быть въ другую сторону окружному обращенію водъ и воздуха,—для сохраненія равновѣсія въ атмосферѣ и въ Океанѣ. 4) Тумановъ чаятельно меньше, потому что они часто бываютъ льдамъ спутники и, по объявленію Корнилова, по возхожденіи солнца впервые весною, небо бываетъ долго чисто. 5) На Грумантѣ гавань надежнѣе и лутше, какова есть на западномъ берегу, называемая Кломбай, и всѣ рано весною, въ первыхъ числахъ Мая, открываются„.

II. „Разсуждая вышепоказанное, заключить должно, что мимо Новой Земли, въ знатномъ отдаленіи отъ береговъ, удобнѣе будетъ держать обратной путь, отъ востока, по водѣ и по вѣтру; сіе окажется самыми опытами и практикою со временемъ, которое есть всѣхъ дѣлъ человѣческихъ учитель"....

и Зюйду-Осту, какъ слѣдуетъ, держась дуги величайшаго на сферѣ земной круга; 3) что возможенъ проходъ между Гренландіею и Шпицбергеномъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ береговъ Сѣверной Америки, для меньшаго множества льдовъ, какъ выше означено; которой путь хотя и отдаленнѣе, однако тѣмъ кажется быть способнѣе, ежели, какъ чаятельно, тамошней Океанъ, обращаясь около полюса, способенъ будетъ теченіемъ въ пути къ Чукотскому мысу. 4) Когда Богъ благоволитъ споспѣшествовать открытіе сего невѣдомого и почти нечаемаго до нынѣ мореплаванія, то уповательно обратной ходъ будетъ способнѣе около Новой Земли, въ надлежащемъ отдаленіи отъ береговъ Сибирскихъ, по водѣ и по вѣтрамъ, какъ на противъ того, по за Шпицбергеномъ и по за полюсомъ, мореплаваніе къ Чукотскому носу и далѣе въ Индію и Америку.

II

Инструкція „Флота Капитану перваго ранга Василью Чичагову“, начальнику экспедиціи для прохода сѣвернымъ океаномъ въ Камчатку.

(Составлена Ломоносовымъ въ 1765 году, по порученію Государственной Адмиралтейской Коллегіи)[1]).

Порученное вамъ судно назвать по вашей фамиліи, и приведя его къ походу въ исправное состояніе, и снабдя всѣми къ тому подлежащими потребностьми, коль скоро первое благополучное время

III. „Всякія предпріятія и изысканія нерѣдко лутше, когда они соединены съ очевидною пользою. Итакъ слѣдовалобъ—поиски сѣвернаго на востокъ мореплаванія соединить съ китоловными и съ другими тамошними промыслами; однако кажется, что сіе соединеніе будетъ больше препятственно, нежели прибыточно: склонныя къ скорому прибытку сердца человѣческія будутъ больше внимать промысламъ, нежели произведенію и совершенію самаго главнаго дѣла, не видя ясно, что, по окончаніи онаго, несравненно большая Государственная и партикулярная выгода возпослѣдуетъ..... Итакъ, по моему мнѣнію, хотя и можно присовокупить къ помянутому предпріятію тамошніе промыслы, но какъ побочное дѣло, и больше для прикрытія отъ иностранныхъ сего походу, якобъ оной происходилъ для тамошней китовой ловли“....

IV. Заготовленія для житья и содержанія занимаютъ первое въ семъ дѣлѣ мѣсто. Для того въ Кломбайской пристани построить зимовье и магазинъ; а чтобы онаго строеніемъ не потерять много времени, то купить въ Колѣ готовой домъ, которой бы былъ недавно построенъ, къ житью и къ перевозу способенъ, и, разобравъ его, скласть на судно, перевезть на Грумантъ въ помянутую пристань, и тамъ построить въ приличномъ мѣстѣ, отъ берегу нѣсколько далѣе, чтобъ высокія зимнія воды до онаго не досягали. Такой домъ пристойнѣе другихъ, за тѣмъ что въ Колѣ по холодному климату построенъ, и обитъ досками; сверьхъ того уже просохъ и жить отъ угару безопасно; и наконецъ уже готовъ. Мохъ также съ собою взять должно. 2-е. Тогожъ лѣта, отъ города Архангельскаго, на двухъ или трехъ судахъ, отпустить провіянтъ и всякія снасти и инструменты, по разсмотрѣнію. Провіянту отпустить на три года, на 60 или и на 100 человѣкъ. Суда отправить съ сими припасами... только чтобы способны были къ желаемымъ поискамъ. Такъ же и людей нарядить, какъ наилутше признано будетъ.

[1]) Изъ книги „Проэктъ Ломоносова и экспедиція Чичагова“; стр. XXIX—XLVII.

наступитъ, обще съ судами, подъ командами Капитана 2 ранга Никифора Панова и Капитанъ-Лейтенанта Василья Бабаева, изъ Колы отправиться въ море, держа курсъ на Шпицбергенъ. Въ протчемъ же, поступать по нижеслѣдующему:

1) Когда благополучно приспѣютъ на Шпицбергенъ, на западной берегъ, въ Клокбайскую пристань, гдѣ заведено зимовье—что буде не за нужно признается, то послать въ оную пристань ботъ, съ вѣстію о своемъ пріѣздѣ, дабы оттуду вѣсть можно прислать было въ Колу, а оттуда въ Санктпетербургъ, хотя съ промышленниками, въ которое число мореплаваніе вдаль предпріято, съ показаніемъ нужнѣйшихъ обстоятельствъ, что дано быть должно на письмѣ за печатью—то заготовясь совсѣмъ къ главному мореплаванію, и призвавъ Господа Бога въ помощь, пуститься въ открытое море, къ западу, румбъ или два склоняясь къ сѣверу. И такъ простираться плаваніемъ. пока достигнутъ до Грендландскаго берегу, какъ онъ будетъ въ виду. При семъ наблюдать: 1) ежели прежде Грендландскіе покажутся острова, то посылать на нихъ для развѣдыванія боты или шлюпки; 2) ежелижъ прежде земли льды окажутся, особливожъ великіе обширностію и густые, то итти отъ нихъ въ отдаленіи, держась назначеннаго пути по возможности.

2) Въ семъ пути, какъ и въ протчемъ мореплаваніи, далѣе наблюдать, чтобы итти другъ отъ друга въ виду, и всячески стараться, дабы не разойтись далече порознь. Между тѣмъ, когда погода дозволяетъ, двумъ меньшимъ судамъ можно отъ главнаго отходить въ стороны, по разсужденію обстоятельствъ, для осмотру по сторонамъ земель, острововъ и льдовъ, и стараться, чтобы всегда къ вечеру быть вмѣстѣ. Во время бури, ночи, тумана, или оказавшихся немалыхъ льдовъ, не разлучаться, и притомъ, съѣзжаясь на одинъ главной корабль, часто между собою совѣтовать.

3) На всякой случай, когда корабли въ соединеніи, должно вмѣстѣ главнымъ командирамъ и штурманамъ сносить журналы, хотя бы и не каждой день было, и потому смотрѣть разность въ изчисленіи ходу: когда назначеніемъ мѣста всѣ три сходствуютъ, то можно увѣриться, что оное опредѣлено вѣрно; буде же два согласны, а третей разнится—на двухъ надежнѣе утвердиться; когда же всѣ три разнятся, тогда должно смотрѣть, нѣтъ ли у кого какихъ неисправностей, и потому положивъ общей пунктъ мѣста, начать новое изчисленіе. При семъ строго наблюдать, чтобы лагъ-лини были равнаго и сходнаго между собою размѣру на всѣхъ судахъ.

4) При скоромъ ходу, по малой мѣрѣ каждые два часа (а чѣмъ чаще, тѣмъ лутче) входить на верхъ машты, съ доброю подзорною трубою, и осматривать кругомъ другіе корабли, и наблюдать земель, острововъ, льдовъ; а во время ночи и въ туманъ, давать другъ другу сигналы пушечными выстрѣлами, или еще лутче громкими шлагами, что при фейерверкахъ съ звѣздками употребляются, кои, поднявшись высоко, громомъ и сіяніемъ покажутъ каждаго корабля

сторону. Для сего на каждой корабль дано по двѣ кугорновой мортирѣ. Сіе жъ еще служить можетъ, въ случаѣ нужды, къ безвредному устрашенію дикихъ непріятелей.

5) Для признанія въ близости земель, взять со Шпицбергена на каждое судно по нѣсколько вороновъ или другихъ птицъ, кои на водѣ плавать не могутъ, и въ знатномъ отдаленіи отъ берега пускать на волю. Ибо когда такое животное увидитъ землю, въ ту сторону полетитъ; а не видя и уставши, опять на корабль возвратится. Подобная сему есть и другая примѣта, что чайки съ рыбою въ роту летаютъ всегда на землю, для корму своихъ птенцовъ, и тѣмъ оную плавающимъ показываютъ; чему должно слѣдовать въ плаваніи, когда землю видѣть, или на ней побывать занадобится.

6) Изъ многихъ примѣтъ морскаго ходу, суть слѣдующія вниманія достойны: 1) Приливы и отливы, или теченія моря, показываютъ въ тѣ стороны ходъ, по которыхъ простираются. 2) Чрезвычайная ихъ быстрина, даетъ знать узкое мѣсто. 3) Когда румбъ морскаго теченія перемѣнится, значитъ въ той сторонѣ берегъ, отъ коего отвращается. 4) Теченія приливовъ, не сходныя съ теченіемъ луны, значатъ великіе заливы, или моря, между большими островами лежащія; напротивъ того, чѣмъ больше приливы съ луной сходствуютъ, тѣмъ паче увѣряютъ о пространствѣ моря. 5) Разная солоность морской воды, прибавляясь, показываетъ отдаленіе отъ береговъ и льдовъ, убывая, значитъ къ нимъ приближеніе; внезапно чувствительная воды прѣсность увѣряетъ о близости устья великой рѣки. 6) Прирашеніе стужи—близкіе льды, прираценіе теплоты—близкіе безснѣжные берега производятъ, а разтвореніе воздуха постоянное—есть знакъ пространнаго моря. 7) Чѣмъ море глубже, тѣмъ берегъ далѣе. 8) Когда два или три дни съ одной стороны вѣтръ сильной вѣетъ, а не производитъ великихъ волнъ, то значитъ, что въ той сторонѣ земля или стоячей ледъ близко, когда же, напротивъ того, вѣтръ перемѣнится въ поперечной или и противной, а старые волны ходятъ послѣ того долго, то значитъ, что въ той сторонѣ, откуда идутъ, лежитъ великое море. 9) Плаваніе по водѣ лѣса, и по заплескамъ плавникъ, много подаютъ вѣроятныхъ догадокъ къ разсужденію: весьма обитыя деревья—далекость, мало поврежденныя и зеленыя—близость мѣста ихъ рощенія означаютъ. Все сіе употреблять въ пользу съ разсужденіемъ, особливо когда изъ вышеписанныхъ примѣтъ двѣ или три увѣряютъ согласно, и ни едина не противурѣчитъ.

7) Достигнувъ перваго сѣвернаго берега Сѣверной Америки, или Гренландіи, должно на него въ малыхъ судахъ выѣхать, для осмотру гаваней и состоянія самой земли; буде жъ льды не допускаютъ, то отправить туда торосовщиковъ, на ихъ лодкахъ, для свѣдома, сколько можно. Притомъ взять вѣрно высоту полюса, и долготу по изчисленію курса, или по другимъ, даннымъ вновь способамъ, (*) и

(*) Не тотъ ли это способъ, который обѣщанъ Ломоносовымъ въ его проэктѣ, § 94?

оное мѣсто означить на морской картѣ. Потомъ слѣдовать въ правую руку, въ виду онаго берега, съ мыса на мысъ перенимаясь, и отольдовъ предписаннымъ выше сего образомъ предостерегаясь. Между тѣмъ, когда земля изъ глазъ потеряется, смотрѣть съ оныхъ машть въ подзорныя трубки, что и во всѣхъ мѣстахъ весьма полезно. Меньшія суда могутъ отдаляться въ сторону, для осмотру льдовъ и острововъ; такожъ и торосовщиковъ употреблять, отпуская на высокіе островы и берега чрезъ ледъ, съ трубками, для осмотру кругомъ другихъ земель, острововъ или льдовъ.

8) На всѣхъ берегахъ, гдѣ для нужды какой, или для извѣдыванія пристать случится, оставлять столбы съ надписаніемъ имени и времени; а выходить, гдѣ жителей чаять можно, не малолюдно и не безоружно, съ осторожностію; ибо весьма жалостные примѣры не токмо въ чужихъ путешествіяхъ, но и въ собственныхъ имѣемъ.

9) Ежели случатся великіе льды, промежъ Грендландскихъ береговъ и между сѣвернымъ концомъ Шпицбергенскимъ, поперегъ намѣченнаго пути лежащіе, то не оставлять надежды, и безъ наивозможнѣйшаго покушенія въ продолженіи пути не возвращаться, но употреблять въ пользу время и мѣсто: времянемъ пользоваться, ожидая случая, когда льды разойдутся, ибо извѣстно, что ихъ съ мѣста на мѣсто переносятъ воды и вѣтры и лѣтняя теплота, и треніе о землю и другъ о дружку истребляетъ; мѣсто употреблять для выгоды своего путешествія должно, переходя отъ Грендландскихъ береговъ къ западно-сѣверному концу Шпицбергенскому, и осматривая сквозь льды въ надлежащей путь походу. Сіи переѣзды могутъ быть учинены добрымъ вѣтромъ, около троихъ сутокъ каждой; ибо и все разстояніе отъ Шпицбергена до Баффинскаго моря простирается на 1000 верстъ, въ которомъ еще и землю Грендландскую числить должно. Примѣчено, что во время тумановъ, льды оказываются большею свѣтлостію воздуха въ той сторонѣ, гдѣ находятся. Сіе примѣчать въ такомъ случаѣ, и употреблять сумеречныя подзорныя трубки.

10) Когда случится стоять за противнымъ вѣтромъ, которой гонитъ ледъ на встрѣчу, и море очистится, не смотря на продолженіе тогожъ вѣтра, тогда должно вѣрить, что больше въ той сторонѣ, откуда оной вѣтеръ вѣялъ, льду нѣтъ, но чистое море или земля слѣдуетъ, что по величинѣ волнъ разсудить можно; для того, въ ту сторону безопасно можно ходомъ простираться, ежели по пути слѣдуетъ.

11) Гдѣ земля заворачиваться станетъ на право къ полюсу, тогда больше всѣхъ должно повѣрить компасы, смотрѣть ихъ перемѣны, и льдовъ остерегаться; во время густыхъ тумановъ, стоять на якорѣ, или лежать на дрейфѣ, наблюдая между тѣмъ теченіе и быстрину моря. Когда же примѣтятъ, что вышеупомянутой кряжъ Сѣверной Америки близко къ полюсу простирается и притомъ опасные льды покажутся, то далѣе 85 градусовъ не отваживаться, а особливо когда уже Августъ начнется. И для того поворотиться назадъ и итти попрежнему, съ мыса на мысъ, записывая все, что надобно къ буду-

щему мореплаванію, которое слѣдующей весной предпріять должно, чѣмъ ранѣе тѣмъ лутче.

12) Когда-жъ противнымъ образомъ берегъ станетъ заворачиваться въ лѣво, удаляясь отъ полюса, то хотя и безопаснѣе должно быть отъ льдовъ и отъ стужи, однако не отваживаться много къ полудни, далѣе 78 градусовъ, то есть 12° отъ полюса, пока, по вѣроятному изчисленію, не пройдутъ Баффинскаго моря, которое простирается по долготѣ къ западу около 285 (?) градусовъ, счисляя отъ острова Ферро, дабы не зайти въ какой глухой заливъ, въ полдень, излишно отъ желаемаго проходу, или бы какимъ проливомъ не попасть въ самое оное Баффинское море. Минувъ означенную долготу 285 (?) градусовъ, можно уже смѣло отдаляться отъ полюса, однако съ главнаго пути, на картѣ назначеннаго, не отклоняться чрезвычайно, если не велитъ нужда, а особливо если не принудитъ лежащей поперегъ пути (можетъ быть) долгой берегъ; тогда безопаснѣе искать проходу въ полудни, нежели въ сѣверѣ, далѣе 85 градусовъ.

13) Совершенно увѣриться могутъ мореплаватели, что они опасность отъ льдовъ и отъ стужи совсѣмъ миновали, когда, прошедъ далече за Баффинское море, достигнутъ на широту арктическаго круга; около 66 градусовъ, а долготы отъ острова Ферро около 240 градусовъ; особливожъ всего извѣстнѣе будетъ, когда встрѣтятся съ отправленными изъ Камчатки, или увидятъ поставленные отъ нихъ признаки, съ котораго отправленія, такъ какъ и съ данной инструкціи и карты Капитану второго ранга Креницыну при семъ прилагается копія. На семъ мѣстѣ, вышедъ на ближнюю землю, или островъ, гдѣ пристать удобно, съ надлежащею осторожностію, во первыхъ воздать всеусерднѣйшее благодареніе Всевышнему всѣхъ Создателю за Божественной его покровъ и предводительство, и принести ему жертву теплаго моленія, съ молебствомъ и съ водоосвященіемъ, о дрожайшемъ здравіи Всемилостивѣйшія Государыни, дабы благоволилъ, совершенными успѣхами, благонамѣренныя Ея предпріятія для отечества, и при пальбѣ изъ снаряду, и при радостныхъ восклицаніяхъ, объявить всѣмъ Высочайшую милость Ея Величества, обѣщанную имъ во Всемилостивѣйшее награжденіе, и наименовать оной островъ по разсужденію и приличности.

14) На пристойномъ мѣстѣ, которое у моря близко, и на высотѣ, издалека видной, скласть изъ камней высокой маякъ, и на немъ утвердить великой деревянной крестъ, и сверьхъ того учинить самыя наприлежнѣйшія обсерваціи, для назначенія долготы и широты мѣста, и снявъ, какъ водится, онаго берега съ разныхъ сторонъ виды и планы, положить на картѣ, и прежде отъѣзду вырѣзать при оном кре стѣ на доскѣ, или лутче начертить и смолою вычернить на камнѣ имена судовъ и командировъ, годъ, мѣсяцъ и число, когда сіе мѣсто Россійскими мореплавателями сыскано и посвящено подъ Россійскую державу, подъ высокую руку Ея Императорскаго Величества, и притомъ то мѣсто Ея Величество позволяетъ наименовать по фамиліи

того командира, которой изъ командировъ первой его увидитъ или на оной выйдетъ.

15) Въ случаѣ, когда положеніе береговъ, въ долготѣ 240 градусовъ, не допуститъ такъ далече въ полдень, то есть до 66 градусовъ, но будутъ они сѣвернѣе, то простираться еще далѣе къ западу, до 280 градусовъ, что учинитъ около четырехъ сотъ верстъ ходу, на коемъ мѣстѣ надѣяться можно встрѣтить острова Умнака, и стараться итти всячески къ Зюйду, къ полярному кругу и далѣе, и искать отправленныхъ съ Крепицынымъ на встрѣчу, или промышленниковъ Камчатскихъ; будежъ ихъ встрѣтить нигдѣ не случится, а найдутъ въ оныхъ мѣстахъ берега, или острова со стоячимъ лѣсомъ, и жителей, то несомнѣнно могутъ быть увѣрены, что они въ тѣхъ мѣстахъ обращаются, гдѣ найдены новые острова Камчатскими промышленниками, и что сѣверной проходъ проложенъ, и дѣйствительно найденъ; и для того учинить такожъ благодарственное и радостное отправленіе, какъ въ 13-й статьѣ предписано. Оттуда, смотря по времени, могутъ мореплаватели предпріять путь обратной на Шпицбергенъ или въ Колу, либо тамъ зимовать, смотря по удобности мѣста и по времени.

16) Когда случится, что погодою разнесетъ суда порознь, то поступать, какъ требуютъ слѣдующія обстоятельства, то есть: 1) когда разлученіе случится, не доходя Грендландскаго берега, или острововъ, его отпрядышей; 2) не миновавъ Баффинскаго моря по изчисленію долготы; 3) не доходя новыхъ острововъ, найденныхъ изъ Камчатки. Въ первомъ случаѣ, сжидаться другъ друга у Клокбойской гавани; во второмъ, при Грендландскомъ берегѣ, на мѣстѣ уже извѣстномъ по его виду, и во опредѣленной долготѣ и широтѣ, наблюденіями, или ходомъ; въ третьемъ случаѣ, быть сжиданію на опредѣленномъ мѣстѣ, около долготы 285 (?) градусовъ. Во всемъ же плаваніи наблюдать надлежитъ, что всякое опредѣленное и запримѣченное мѣсто служить можетъ для сжиданія, которыя въ пути оставляя, всегда сперва соглашаться всѣмъ судамъ, чтобъ, въ случаѣ разлученій, на оныхъ другъ друга сжидаться.

17) Въ случаѣ, когда на положенной срокъ суда на сжиданіе не съѣдутся, то поступать по обстоятельствамъ мѣста, времени и числа судовъ: 1) Ежели будутъ въ пути уже далече, миновавъ чаемыя опасности отъ льдовъ, какъ въ § II показано, то простираться мореплавателямъ далѣе, до конца, опредѣленнаго по намѣренію мѣста, § 12, оставивъ на томъ сжиданіи извѣстіе, вырѣзанное на доскѣ, куда и когда пошли. 2) Когда же еще опасныхъ мѣстъ не миновали, а время уже приближается къ Августу, тогда итти обратно въ Шпицбергенъ, и въ семъ случаѣ обождать далѣе назначеннаго сроку, по разсмотрѣнію. 3) Два судна, ожидающія третьяго, болѣе имѣютъ надежды итти вдаль путемъ назначеннымъ, и онаго излишне ожидать не столько обязаны, а особливо когда въ ихъ числѣ главной командиръ, которой и однимъ кораблемъ, во время разлученія, преимущественно ходъ свой располагать можетъ. 4) При всемъ семъ поступать,

разсуждая число здоровыхъ людей, количество взятыхъ припасовъ и состояніе мѣстъ, по изобилію тамошняго натуральнаго пропитанія, а паче слѣдовать доброму разсужденію по обстоятельствамъ.

18) Зимовать приключится иногда и по нуждѣ: 1) когда возвратной путь далекъ и лѣто уже поздно; 2) когда льды не пропустятъ; или 3) отъ чего Боже сохрани, судно повредится. Тогда всячески стараться, въ первомъ случаѣ, выбрать удобное мѣсто заблаговременно, и построить изъ стоячаго лѣсу или плавнику избы и печи, буде есть глина, а буде нѣтъ, то изъ дикаго валуну каменки или очаги; во второмъ случаѣ, служить должны, вмѣсто домовъ, самыя суда и очаги на нихъ обыкновенныя; въ третьемъ, не отдаляться безъ крайней нужды отъ судна, стараться всячески быть въ движеніи тѣла, промышляя птицъ и звѣрей, обороняясь отъ цынги употребленіемъ сосновыхъ шишекъ, шагры и питьемъ теплой звѣриной и птичьей крови, ограждаясь великодушіемъ, терпѣніемъ и ободреніемъ, помогая единодушіемъ и трудами, какъ братъ брату, и всегда представляя, что для пользы Отечества все понести должно, и что сему ихъ подвигу воспослѣдуетъ Монаршеская щедрота, отъ всея Россіи благодарность, и вѣчная въ свѣтѣ слава.

19) Ободреніе людей и содержаніе въ порядкѣ есть важное дѣло въ таковыхъ трудныхъ предпріятіяхъ. Для того прилежныхъ и бодрыхъ, за особливыя ихъ выслуги, поощрять командирамъ, оказаніемъ удовольствія и обѣщаніемъ награжденія, или и прибавкою порціи; напротивъ того, съ лѣнивыми, неисправными или ослушными, поступать строго, по Морскому Уставу; за междуусобныя брани и драки наказывать на тѣлѣ жестоко, а еще жесточаѣ за роптаніе на начальниковъ; за угрозы держать въ желѣзахъ крѣпко, и покамѣстъ не освобождать, пока пройдутъ затрудненія, или посылать ихъ въ самыя опасныя мѣста. Когдажъ кто изобличится въ заговорѣ противъ командировъ, и въ начатіи бунта, того, по учиненіи надъ нимъ военнаго суда, казнить смертію безъ всякаго изъятія, не ожидая повелѣнія отъ Высочайшія власти, въ силу Морскаго Устава.

20) Когда случится сойтись съ отправленными на встрѣчу съ Камчатскими судами, тогда, смотря по обстоятельствамъ, должно: 1) снабдить другъ друга избытками, въ чемъ у другихъ недостатокъ; 2) показать и сообщить другъ другу своихъ путешествій журналы; 3) взять другъ у друга по два или по три человѣка на смѣну, такъ чтобъ съ Камчатки отъѣхавшіе пришли въ Колу обратнымъ на корабляхъ путемъ и въ Санктпетербургъ, а со здѣшней стороны пошедшіе достигли бы въ Камчатку, и оттуду Сибирію въ Россію. При возвращеніи, взять на каждой корабль изъ тамошнихъ жителей по два человѣка разнаго возраста, чтобы не очень стары или малолѣтны были, напримѣръ отъ 40 до 12 лѣтъ. Молодые скорѣе могутъ по Россійски научиться, а пожилые больше знать и разсказывать о тамошнихъ обстоятельствахъ.

21) Въ передовомъ и обратномъ пути, или гдѣ стоять либо зимовать случится, сверьхъ обыкновеннаго морского журнала записывать: 1) состояніе воздуха по метеорологическимъ инструментамъ; 2) время помраченія луны и солнца; 3) глубину и теченія моря; 4) склоненіе и наклоненіе компаса; 5) видъ береговъ и острововъ; 6) со знатныхъ мѣстъ брать морскую воду въ бутылки, и оную сохранить до Санктпетербурга, съ надписью гдѣ взята; 7) записывать, какія гдѣ примѣчены будутъ птицы, звѣри, рыбы, раковины и что можно собрать и въ дорогѣ не будетъ помѣшательно, то привезти съ собою; 8) камни и минералы отличные также брать для показанія здѣсь; 9) все, что примѣчанія достойно сверьхъ сего случится или примѣчено будетъ, прилежно записывать; 10) паче же всего описывать, гдѣ найдутся, жителей видъ, нравы, поступки, платы, жилище и пищу; однако все сіе производить, не теряя времени удобнаго къ произвожденію главнаго предпріятія.

22) Естьли, отъ чего Боже сохрани, больныхъ людей умножится столько, что здоровыми всѣми тремя судами управлять будетъ не можно, то изъ тѣхъ судовъ одно, снявъ съ него изъ припасовъ что возможно, затопить или жжечь; будежъ дойдетъ до такой крайности, что людей останется только для одного судна, то и съ другимъ судномъ по вышеписанному жъ поступить. Все сіе дѣлать тогда, когда нѣтъ мѣста, куда бы оныя суда и излишніе снаряды и припасы поставить безопасно; а когда, напротивъ того, найдется удобной заливъ, отъ волненія безопасной, то для всякаго случая можно оное судно въ высокую воду поставить, съ разбѣгу на мель, и къ берегу прикрѣпить по возможности; ибо неравно случится, что придетъ какая надобность въ слѣдующія отправленія.

23) Сіи, предписанные для показаннаго морскаго путешествія пункты наблюдать господамъ командирамъ со всякою исправностію; однако, смотря по обстоятельствамъ, имѣютъ позволеніе дѣлать отмѣны, служащія къ лутчему успѣху, что полагается на ихъ благоразсужденіе и общее согласіе, которое имъ паче всего рекомендуется, чтобъ единодушнымъ раченіемъ, и якобы единымъ сердцемъ и душею внимали, прилежали и усердствовали, имѣя всегда въ мысляхъ, что будучи единаго Отечества дѣти, единыя Всемилостивѣйшія Государыни вѣрные рабы, и простираясь къ единому славному и полезному дѣлу, не долженствуютъ дать ниже малѣйшаго мѣста раздраженію, но паче взаимно спомоществовать и защищать другъ друга; равно какъ сами себя утѣшать и ободрять въ ослабленіи, воображая примѣры себѣ славныхъ морскихъ героевъ, и помнить, что всему, прежде бывшими безуспѣшными и благоспоспѣшествованными трудами, мужеству и бодрости человѣческаго духа и проницательству смысла, послѣдней предѣлъ еще не поставленъ, и что много можетъ еще преодолѣть и открыть осторожная ихъ смѣлость и благородная непоколебимость сердца.

Марта 4 дня 1765 г. Санктпетербургъ.

Письма Ломоносова графу Чернышеву,

по предмету снаряженія экспедиціи Чичагова[1]).

I

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь Иванъ Григорьевичъ!

Извѣстные Вашему Сіятельству штурманы, отъ команды вашей посланные въ Академію, не могутъ начать прямо своего ученія, пока не будутъ имѣть Гадлеевыхъ квадрантовъ, которые мы отъ вашей команды ожидаемъ. И ради того всепокорно прошу достать ихъ какъ можно скорѣе, и чтобы не утратить времени. Сего предпріятія надобность требуетъ всевозможнаго изысканія новѣйшихъ извѣстій, которыя прежде отправленія далѣе изъ Колы получить и въ пользу употребить можно, при послѣдней въ сѣверъ посылаемой инструкціи. 1) Возвратившіеся со Шпицбергена офицеры или другіе смышленые люди могутъ здѣсь показать какія нибудь тамошнія новыя обстоятельства, къ нашему лутчему наставленію. 2) Команда подполковника Плениснера, или купеческіе промышленные люди, обращавшіеся около Чукоцкаго носу, много объяснить въ состояніи дѣло наше. Въ 1763 году, открылъ онъ близь сѣверныхъ береговъ Чукотскаго носу пять острововъ новыхъ, Медвѣжьими названныя, и сверьхъ того материю землю, съ лѣсомъ стоячимъ; и послать хотѣлъ вторично изыскивать далѣе. Уповательно, что конечно есть много новостей, кои еще до весны получить кажется можно. 3) Купецъ Снигиревъ съ товарищемъ, хотя и сказывали, что они о незахожденіи солнца на Умнакѣ не слыхали отъ своихъ промышленниковъ, съ чего и положеніе онаго острова на карту внесено; однако оное можетъ до четырехъ сотъ верстъ къ Чукоцкому носу быть ближе, ежели незахожденіе солнца бываетъ дѣйствительно. И такъ весьма бы полезно было достать изъ промышленниковъ, бывшихъ на Умнакѣ, хотя одного человѣка, для лутчаго свѣдѣнія, какъ о семъ такъ и о протчемъ, кои можетъ быть найдутся въ Иркутскѣ, въ Якутскѣ или Охотскѣ. О двухъ послѣднихъ статьяхъ отдаю и препоручаю разсуждать Вашему Сіятельству, стоитъ ли труда посылать въ Сибирь курьеровъ. А для первой надобности разсуждаю, что бы послать для того указъ къ Архангельскому городу. Во всемъ семъ, полагаясь на ваше попеченіе, между тѣмъ доношу, что мнѣ за болѣзнію не можно засвидѣтельствовать само—личнаго вамъ почитанія, съ которымъ непремѣнно пребываю.

Вашего Сіятельства

Всепокорный и усердный слуга

Михайло Ломоносовъ.

Октября 22 дня 1764 года.

---

[1]) Изъ книги „Проэктъ Ломоносова и экспедиція Чичагова“, стр. LVI—LIX.

II

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь Иванъ Григорьевичъ!

Хотя и потеряется нѣсколько времени на дѣланіе здѣсь Гадлеевыхъ квадрантовъ, однако уповаю, что мои прибавленія или исправленія много лутчему служить будутъ. Между тѣмъ отысканной Вашимъ Сіятельствомъ квадрантъ, пожалуйте ко мнѣ пришлите; а я между тѣмъ имѣю честь прислать одну трубу, сдѣланную для экспедиціи, коихъ слѣдуетъ еще двѣ; да въ дѣлѣ еще три особливыя, для сумрачнаго времени, кои черезъ мѣсяцъ поспѣютъ. Что же до нашего выѣзду надлежитъ, что я еще весьма слабъ, и до прямого закрытія рѣчной влажности, на воздухъ вытти не смѣю. Въ протчемъ, пребываю съ достодолжнымъ почтеніемъ

Вашего Сіятельства

Всепокорнѣйшій слуга

Михайло Ломоносовъ.

Октября 26 дня 1764 года.

III

О поискахъ морскаго проходу въ Остъ-Индію въ Сѣверовосточной сторонѣ Сибирскимъ океаномъ[1]).

§ 22.

Нѣтъ сомнѣнія, что изъ давныхъ весьма лѣтъ, купечество далече простиралось близь береговъ Ледовитаго моря въ сѣверныхъ Сибирскихъ предѣлахъ отъ западныхъ сѣверныхъ народовъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ Стурлезономъ описанныя мореплаванія изъ Норвегіи въ Двину рѣку; такъ же найденныя лѣтъ за двадцать древнія Готтическія серебрянныя деньги, при рѣкѣ Пинегѣ, въ Кевролскомъ уѣздѣ. Примѣченные въ знатномъ отдаленіи отъ моря, на берегахъ Сибирскихъ, старинные кочи, и наконецъ повѣствованіе Новогородскаго Лѣтописателя, что древніе Славяне ходили по рѣкамъ Вымѣ и Печорѣ, даже до Великой Оби, промышлять дыньковъ, то есть соболей. Однако морскихъ предпріятій, обстоятельно описанныхъ, не находимъ до шестнадцатаго столѣтія.

§ 23.

Голландцы первые, сколько извѣстно, учинили для того поѣздку 1594 года. Вильгельмъ Баренсъ, искусной лоцманъ, посланъ былъ

[1]) Изъ книги „Проэктъ Ломоносова и экспедиція Чичагова“, стр. 43—66.

отъ нѣкоторой компаніи Голландскихъ купцовъ, съ тремя кораблями. Изъ Текселя вышелъ Іюня 5-го дня, и 23-го тогожъ, побывъ въ Кильдинѣ, пустился къ Новой Земли, и между 4 и 5-мъ Іюля, взявъ вышину солнца въ самую полночь, нашелъ себя на 73 градусахъ 25 минутахъ, отъ берегу Новыя Земли около шести миль; оттуду простираяся далѣе къ востоку и сѣверу, достигъ до 77 градусовъ 45 минутъ, увидѣлъ множество льду, а особливо поля ледяныя (по нашему называются стамухи), коихъ конца не видно; притомъ почувствовавъ, что матросы уже ропчутъ, почелъ сіе путешествіе невозможнымъ, и пошелъ къ южному концу Новыя Земли, куда отправлены были протчія два судна. Близь Вайгача нашелъ онъ поставленные кресты, и муку, въ камняхъ зарытую,—признаки промышленниковъ Россійскихъ. Паче чаянія, въ туже пристань вбѣжали оныя два судна, кои увидѣвъ Баренса, чаяли, что онъ обошелъ около Новой Земли и вышелъ изъ Вайгача имъ навстрѣчу; но радость ихъ была суетна. По общему совѣту, въ Голландію возвратились.

§ 24.

Разговоры и описаніе Вайгача, которой проливъ Голландцы Нассавскимъ называютъ, слыша въ Голландіи, многіе знатные ревностно предпріяли отправить другую большую посылку, чтобы онымъ протти въ Китай и въ Индію. Генеральные Статы и Принцъ Оранской сами вступили въ сіе дѣло, чтобы не токмо проходъ сыскать, но и купечество учредить, гдѣ только жителей найдутъ. Предводительство сего вторичнаго предпріятія препоручено было славному Географу Петру Планкцію, которой тому сочинилъ планъ и карту. Флотъ сооружили изъ семи кораблей: два изъ Амстердама, два изъ Зееланда, два изъ Екгузена; седмая яхта изъ Роттердама, для поданія вѣсти въ Голландію, когда флотъ пройдетъ льды и до Табинскаго мыса (такъ Чукотской мысъ называли) достигнутъ. Баренсъ назначенъ предводителемъ на самомъ большомъ изъ двухъ кораблей, что отправлены изъ Амстердама, и въ помощники ему данъ Яковъ Гемскеркъ.

§ 25.

Сей флотъ выступилъ изъ Текселя 2 числа Іюня, и миновалъ Норвежской берегъ въ близость Вайгаческаго пролива на 70 градусѣ ширины, гдѣ встрѣтилъ ихъ мѣлкой ледъ безопасной; но въ самомъ проливѣ былъ толь густъ, что не позволялъ отнюдь проходу. Для того зашли въ губу, по ихъ называемую Квербухтъ; изъ оной по сухому пути ходили нѣкоторые на востокъ нѣсколько миль, и усмотрѣвъ чистое мѣсто на морѣ, чаяли, что Сибирской Океанъ открытъ; и для того всячески стали сквозь Вайгачъ пробиваться; а особливо, что видѣли Россійскихъ промышленниковъ съ моржовымъ саломъ, зубами и съ солеными гусями, вышедшихъ изъ Карскаго моря, у коихъ выспросили нужныя обстоятельства. Сверьхъ сего, слу-

чившіеся на берегу Самоѣды обнадежели ихъ, что, ежели кто обойдетъ мысъ лежащей къ Нордъ-Осту, на пять дней ходу, то найдетъ широкое открытое море, склоняющееся къ полудни. Несмотря на сіи благонадежныя ободренія, раченіе ихъ было безполезно; ибо множество льдовъ, подводныхъ камней въ Карскомъ морѣ, такъ же и худая погода осенняя, затѣмъ что уже Сентябрь застигъ, не допустили ихъ за Вайгачъ къ востоку больше 100 верстъ; откуду, не получа желаемаго успѣху, въ Голландію возвратились.

§ 26.

Сія неудача не могла умалить охоты у Голландцовъ къ тому же предпріятію. Амстердамское правительство, съ позволенія Генеральныхъ Статовъ, 1596 г. отправило въ Нордъ-Остъ два корабля, которыхъ прежніе: Беренсъ, Гемскеркъ, и съ ними Корнелей Рипъ отпущены главными. Въ море вышли 18-го Маія. 9 числа Іюня, въ 74 градусахъ широты, увидѣли островокъ и множество льду, которой для многихъ бѣлыхъ медвѣдей назвали Медвѣжьимъ. Минувъ южной конецъ сего острова, и простираясь далѣе, тогожъ мѣсяца 19 дня, на 80 градусахъ 11 минутахъ, землю открыли, которая далече протянулась, имѣетъ изрядные заливы для пристанища; и хотя ни лѣсомъ, ни травою не покрыта, кромѣ мху и нѣкоторыхъ голубыхъ цвѣтковъ не показываетъ; однако преизобилуетъ великимъ множествомъ дикихъ гусей, такъ же довольствомъ бѣлыхъ медвѣдей, оленей, лисицъ бѣлыхъ и сѣрыхъ. Отъ чего съ берегу возвратясь оба корабля къ полудни до Медвѣжья острова, учинили общей совѣтъ о дальнѣйшемъ своемъ мореплаваніи и изысканіи, гдѣ положили, что всякъ по своему благоизобрѣтенію путь предпріять можетъ. И такъ Корнелей Рипъ, не перемѣнивъ своего намѣренія, пошелъ искать проходу сѣверомъ на старое мѣсто; гдѣ бывъ около 80 градусовъ ширины, Беренсъ положилъ итти нѣсколько къ полудни.

§ 27.

Іюля 17 дня, на ширинѣ 74 градусовъ 40 минутъ, увидѣлъ въ полудни Новую Землю, подлѣ косй въ виду пошелъ на лѣвую руку, къ Остъ-Нордъ-Осту, между льдомъ падуномъ мѣлкимъ и крутымъ, съ немалою опасностію, гдѣ до Сентября мучившися, увидѣли себя льдомъ затертыхъ, такъ что потеряли надежду прежде будущей весны домой возвратиться; для того положили на семъ суровомъ мѣстѣ зимовать. На берегъ стали выходить Сентября перваго числа; на берегу сыскали рѣчку прѣсной воды и довольно плавнику для постройки хоромины и для топленія, что имъ не мало служило къ ободренію, какъ бы отъ лютыхъ морозовъ и медвѣдей оборониться. Для слѣдующихъ нашихъ предпріятій, должно зимовье сихъ Голландцовъ на Новой Землѣ описать нѣсколько обстоятельнѣе.

§ 28.

Изъ плавнику, которой лежалъ по заплескамъ, построена была одна большая изба, и сколько возможно обшита досками изъ разбитаго корабля; покрыта досками же, и сверхъ того парусами: такъ что снѣгъ въ сію хижину проходить не могъ; отъ морозу глубокой снѣгъ, коимъ ихъ съ осени занесло, защищалъ довольно. Не имѣя ни печи, ни трубы порядочно здѣланныхъ, не могли сей хижины нагрѣть по надлежащему, и отъ перваго опыту употребленія каменнаго уголья для лутчей теплоты, всѣ такъ угорѣли, что чуть живы остались, и въ сукнахъ, кои раздѣлены были отъ командировъ, завиваясь отъ стужи весьма недостаточно закрывались, и естьли бы, по закрытіи вовсе солнца, не нашло къ нимъ множества лисицъ, коихъ мясо въ пищу, а кожи на шапки, на чулки и на другую нужду не послужили, то бы совершенно пропасть имъ было съ голоду и холоду, которой былъ иногда такъ крѣпокъ, что при мытьѣ, рубашки вынятыя изъ кипятка, замерзали прежде нежели могли быть выжаты, и къ рукамъ приставали. Весьма умѣренное количество винограднаго вина и водки нарочито ихъ въ томъ подкрѣпляло; такъ же и сухари, хотя не безъ скудости, до весны не исходили. Много боролись съ наглыми бѣлыми медвѣдями, пока день былъ съ осени и какъ опять насталъ весною; въ отсутствіе дневнаго свѣта, вмѣсто медвѣдей было лисицъ множество. Примѣчанія достойно, что середи зимы видали въ дали море открытое, и въ самомъ концѣ Декабря мѣсяца, когда было нѣсколько отъ полуденной зари свѣтло. Въ морѣ слыхали ужасные трески, или лутче несказанные, громовымъ подобные звуки, когда ледъ ломался. Апрѣля 15-го числа море вездѣ открылось, а по стоячимъ у береговъ торосамъ на краяхъ стояли, на подобіе высокихъ домовъ и башенъ, великія взломанныя льдины; корабль нашли въ такомъ же состояніи, какъ осенью былъ взломанной оставленъ.

§ 29.

Во второе число Апрѣля, сильнымъ полуденнымъ вѣтромъ море все очистилось, что ни единой большой плавающей льдины не осталось. Съ того времени починили шлюпку и шкуту, съ великимъ трудомъ по льду протянули къ морю, и 14-го числа Іюля пустились въ море съ немалою опасностью. Въ хижинѣ, гдѣ зимовали, оставилъ Баренсъ описаніе несчастливаго ихъ приключенія, для того что ежели ихъ судьбина въ волнахъ постигнетъ, кому нибудь впредь достанется оное въ руки, дабы то, хотя когда нибудь, на свѣтѣ увѣдали, сколько они претерпѣли бѣдствія. Обходя Полуночной мысъ Новыя Земли, и пробираясь къ западу, отъ многихъ очевидныхъ погибелей избавились. Между тѣмъ Баренсъ отъ понесенныхъ великихъ трудовъ умеръ, къ великой печали всѣхъ, для его разума и честности. Послѣ того еще многократно льдами окружены и утѣснены были, и шлюпка отъ шкуты отлучилась. Видѣли на дорогѣ промышленни-

ковъ Россійскихъ, и освѣдомлялись у нихъ о дорогѣ неоднократно, покупая отъ нихъ притомъ съѣстные припасы. Наконецъ, недалече отъ Колы соединяясь, пришли въ самой оной острогъ, и къ немалому удивленію, нашли тамъ Корнелиса Рипа, которой другимъ путемъ, около 80 градусовъ, ходилъ искать проходу. Изъ Колы, въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1597 года, домой возвратились. О приключеніяхъ Корнелиса Рипа нѣтъ описанія.

§ 30.

Изъ сихъ трудныхъ къ Нордъ-Осту морскихъ походовъ и поисковъ явствуетъ, что Россіяне далече въ оной край на промыслы ходили, уже дѣйствительно близъ двухъ сотъ лѣтъ; и тѣмъ подтверждается, что упомянуто въ § 22-мъ. Хотя жъ Голландцы отъ таковыхъ несчастливыхъ предпріятій весьма лишились надежды, и больше къ восточносѣверной сторонѣ намѣреній своихъ не простирали; однако изъ того не слѣдуетъ, чтобы ихъ походами всему раченію и мужеству человѣческому былъ предѣлъ положенъ. Явствуетъ противное изъ неутомимыхъ трудовъ нашего народа, которые хотя уже индѣ описаны, однако здѣсь только для того присовокупляются: 1) чтобы нѣкоторыя обстоятельства были видны, изъ коихъ слѣдуютъ доказательства—нужныя въ главѣ второй, 2) дабы вся обширность сѣверныхъ морскихъ путешествій была подвержена единому обозрѣнію любопытнаго разума, склоннаго къ изысканію полезной правды.

§ 31.

По взятіи Ермакомъ Сибирскаго царства, и по многихъ приращеніяхъ на востокъ Россійской державы, произведенныхъ больше приватными поисками, нежели Государственными силами,—гдѣ казаки, оставшіеся и размножившіеся послѣ побѣдителя въ Сибири, такъ же и морскіе жители съ Двины и изъ другихъ мѣстъ, что около Бѣлаго моря, главное имѣютъ участіе,—построены уже были по великимъ рѣкамъ сея сѣверныя части Азіи нѣкоторые города, остроги и зимовья, въ томъ числѣ и Якутскъ, къ нижнимъ странамъ уже склоняющіеся великія Лены. Изъ которыхъ устьевъ вѣдомы стали далѣе къ востоку еще другія, ея меньшія, но собою великія рѣки: Яня, Индигерка, Ковымя. Около устьевъ ихъ, и по берегамъ между ними лежащимъ, старались Россійскіе промышленники большіе поиски чинить къ востоку, а особливо для моржовой кости.

§ 32.

Холмогорецъ Федотъ Алексѣевъ, съ позволенія Государева прикащика, что былъ тогда на Ковымѣ, съ казакомъ Иваномъ Дежневымъ предпріяли путешествіе изъ рѣки Ковыми на востокъ, въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1647 года, въ томъ мнѣніи, чтобы дойти Анадира, о ко-

торой думали, что впала въ тоже Ледовитое море; однако за льдами походъ ихъ былъ безъ успѣху. Первая сія неудача не отняла у нихъ ни надежды ни смѣлости; и потому, слѣдующаго 1648 года Іюня 20-го дня, тѣже Алексѣевъ и Дежневъ, и еще нѣкто Герасимъ Анкудиновъ, пошли на семи кочахъ съ немалымъ числомъ народа, на каждомъ суднѣ около тридцати человѣкъ. О четырехъ судахъ нѣтъ извѣстія, гдѣ дѣвались. Служиваго Анкудинова кочъ разбило у Чукотскаго носу, гдѣ онъ на протчія два къ товарищамъ перебрался. Сентября 20-го дня, Алексѣевъ и Дежневъ, будучи на берегу, дали съ Чукчами бой, на коемъ Дежневъ раненъ; потомъ носило ихъ долго по морю; и наконецъ, Дежневъ выкинутъ за устья рѣки Анадира далѣ къ полудню, къ сѣвернымъ Камчатскимъ предѣламъ, около рѣки Олюторки. Федотъ Алексѣевъ и Герасимъ Анкудиновъ въ Коряцкихъ жилищахъ пристали къ берегу, на коемъ нѣсколько поживъ, померли цынгою. Многіе изъ товарищей ихъ побиты; достальные, въ моломъ числѣ, убѣжали въ лодкахъ на Камчатку; и первые изъ Россіянъ въ сей землѣ поселились, задолго до приходу Пятисотника Володимера Атласова. И хотя они тамъ отъ Камчадаловъ убиты, кои увѣдали, что Русскіе люди, а не боги, затѣмъ что кровь ихъ увидѣли, когда они подрались между собою; однако имя ихъ и остатки жилища были свидѣтельми. О смерти Алексѣева и Акундинова сказывала Денежневу Якутская баба, коя жила у Алексѣева. Дежневъ, возвращаясь съ двадцатью пятью человѣками, нашелъ Анадиръ рѣку, и по ней ходя, основалъ Анадырской острогъ; наконецъ съ великимъ трудомъ отъ вершинъ перешедъ горы, достигъ на устьѣ рѣки Ковыми; откуду пошелъ сперьва на судахъ по Сибирскому берегу къ востоку.

§ 33.

Сею поѣздкою несомнѣнно доказанъ проходъ морской изъ Ледовитаго Океана въ Тихой, къ чему наше главное намѣреніе здѣсь простирается. При семъ Дежневъ слышалъ, что море около Чукотскаго носу не повсягодно бываетъ отольду чисто; о картахъ и о протчемъ, что до промысловъ надлежитъ, не упоминаю. Остается объявить о протчихъ берегахъ Сибирскаго Океана, отъ Вайгача до Ленскаго устья, кои хотя по большой части промышленниками обойдены издавна; однако полное доказательство представить должно изъ нарочныхъ отправленій морскихъ офицеровъ, кои по Высочайшимъ Монаршескимъ повелѣніямъ, посыланы для описанія сѣверныхъ береговъ Сибирскихъ.

§ 34.

Объ оныхъ посылкахъ обстоятельныя извѣстія хранятся въ Государственной Адмиралтейской Коллегіи. Сколько же мнѣ свѣдомо, то отъ города Архангельскаго сквозь Вайгачъ изслѣдованъ, хотя

трудной ходъ для многихъ льдовъ, морскими офицерами Малыгинымъ, Скуратовымъ, Мининымъ, далѣе Обской губы, даже до устьевъ рѣки Пясиги. Отъ устья Пясиги до устья Тамуры рѣки, хотя для множества льдовъ судовой ходъ почитается невозможнымъ, и штурманъ Мининъ. идучи съ запада отъ устьевъ Енисейскихъ, остановился на ширинѣ 73½ градусовъ, а съ востока, отъ устьевъ рѣки Лены, Порутчикъ Харитонъ Лаптевъ могъ дойти до 77 градусовъ, а всего мысу водянымъ ходомъ не окружили; однако по краямъ стоячаго льду, прошолъ при ономъ мысу Мичманъ Челюсткинъ, и вездѣ видѣлъ стоячей ледъ окруженъ торосомъ, то есть ходячимъ льдомъ, которой тогда зимнимъ временемъ примерзъ къ стоячему. Что же оный въ лѣтнюю пору ходилъ, то показывали взломанные треніемъ бугры ледяные. Отъ рѣки Тамуры до устьевъ Ковымскихъ, судовой ходъ извѣданъ флота Порутчикомъ Дмитріемъ Лаптевымъ, достальной берегъ, отъ Ковыми до устья рѣки Анадира, около Чукотскаго носу, изслѣдованъ извѣстіями отъ томошнихъ жителей чрезъ Капитана Павлуцкаго;—чему извѣстіе о морскомъ пути Федота Алексѣева съ товарищи весьма соотвѣтствуетъ, и сомнѣнія о морѣ всю Сибирь окружающемъ не остается.

§ 35.

Отъ Чукотскаго носу на Камчатку морской свободной ходъ отнюдь не сомнителенъ, и доказанъ путешествіемъ Беринговымъ, которой, 1728 года Іюля 20-го дня, вышелъ изъ устья рѣки Камчатки и пустился въ сѣверъ къ востоку при Камчатскихъ берегахъ, дѣлая онымъ по возможной точности описаніе. На 64½ и 67 градусахъ 18 минутъ, пріѣжжали къ нему на байдарахъ Чукчи, у коихъ онъ спрашивалъ черезъ толмача Корячанина о положеніи земли далѣе къ сѣверу; на что отвѣтствовали, что она послѣ того простирается къ западу. Губу ли они, послѣ носу слѣдующую, или главной поворотъ разумѣли, сомнительно; только въ самомъ дѣлѣ правда, и Берингъ не напрасно думалъ, что онъ по данной себѣ Инструкціи исполнилъ. Одного жаль, что идучи обратно, слѣдовалъ тою же дорогою, и не отошелъ далѣе къ востоку, которымъ ходомъ, конечно бы могъ примѣтить берега сѣверозападной Америки.

§ 36.

Уже довольно показано, что сѣверной Сибирской Океанъ съ Атлантическимъ и съ Тихимъ безпрерывное соединеніе имѣетъ, и что Азія отъ Сѣверной Америки отдѣлена водами, кои коль широки, то есть, коль далече отстоятъ самыя сѣверныя берега Сѣверной Америки отъ Сибирскихъ, о томъ еще мало, или почти ничего не извѣстно, за невозможностію по нынѣ свободнаго мореплаванія; однако, сколько есть извѣстій, здѣсь пропустить не должно. Что противъ Чукотскаго носу есть земля, острови или матерая, о томъ увѣряютъ

извѣстія Геодезиста Гвоздева, и объявленія тамошнихъ жителей; и неоспоримо, что все оное принадлежитъ къ Америкѣ; ибо, по сказкамъ Чукчей и людей на оной землѣ пойманныхъ, извѣстно, что земля оная велика, въ которой множество народу, лѣсовъ и звѣрей, и втекаютъ въ море великія рѣки, и многія притомъ обстоятельства. Съ западнаго конца Ледовитаго Океана простирается Гренландія, которая, по крайней вѣроятности изъ нижепоказаннаго въ § 64-мъ, соединена сухимъ путемъ съ землями отъ Калифорніи къ сѣверу лежащими, гдѣ полагаются моря и рѣки, открытыя де-Фукою и де-Фонтомъ, и куда ходили изъ Камчатки Чириковъ и Берингъ; ибо восточные, южные и западные берега Сѣверной Америки суть довольно извѣстны; слѣдовательно надлежитъ быть и четвертому на сѣверъ, которой хотя для великихъ заливовъ и острововъ идетъ чаятельно излучинами, какъ вездѣ почти бываетъ, однако однимъ кряжемъ безпрерывнымъ. Итакъ остается только знать его положеніе, о которомъ, сколько по физическимъ разсужденіямъ опредѣлить можно..... по мореплаванію ничего не извѣстно, кромѣ нѣкотораго чаемаго острова противъ Ленскихъ и другихъ устьевъ, въ дѣйствіи не довольно доказаннаго.

§ 37.

О семъ островѣ Сибирскія извѣстія свидѣтельствуютъ положительно и отрицательно; положительныя суть слѣдующія: 1) Кочевщикъ Родіонъ Михайловъ будучи отнесенъ отъ берегу льдами, въ пути отъ Святаго носу на Ковыму рѣку, показывалъ Никифору Малыгину и другимъ съ нимъ бывшимъ, островъ на морѣ, которой всякъ изъ нихъ видѣлъ. 2) Ономужъ Малыгину сказывалъ торговой человѣкъ Яковъ Вятка, что проѣжжая изъ Лены въ Ковыму, отнесенъ былъ на кочахъ къ показанному острову, гдѣ видѣли они звѣрскіе слѣды. 3) Изъ Якутской воеводской канцеляріи 1710 года, съ устья рѣки Яны объявлено, сказкою казака Якова Пермякова, что видѣлъ онъ по ту сторону Святаго носу островъ, и другой противъ устья Ковыми рѣки (можетъ быть были сіи мысы одного большаго острова, кои къ Сибирскому берегу протянулись). 4) Казакъ Меркурей Вагинъ, въ 1712 году, вышелъ изъ устья рѣки Яны въ море съ Яковомъ Пермяковымъ, какъ со своимъ вожемъ, ходилъ въ море по льду на нартахъ въ Маіѣ мѣсяцѣ; пріѣхалъ къ пустому острову, на коемъ нѣтъ лѣсу; съ того острова видѣнъ былъ другой, или земля матерая. 5) По объявленію Якутскаго сына боярскаго Федота Амосова, оной островъ простирается отъ устья Яны до устья Индигерки рѣки, и далѣе. 6) Промышленной человѣкъ Иванъ Велигинъ ѣздилъ въ море по льду, и нашелъ землю, только не могъ знать, за сильнымъ вѣтромъ и туманомъ, островъ ли то? или земля матерая? и есть ли на ней лѣсъ и жители? или нѣтъ? Однако примѣтилъ тамъ старыя юрты и ихъ остатки, каменныя горы нарочитой вышины, и

звѣрскіе слѣды. Сіе же онъ слыхалъ и прежде, отъ Чукотскаго жителя Копая. 7) Казачей голова Афанасей Шестаковъ, на ландкартѣ своей поставилъ оной островъ, назвавъ его Копаевымъ, и за нимъ назначилъ матерую землю.

§ 38.

Отрицательныхъ извѣстій большую часть можно почесть разсужденіями, или догадками, по коимъ вышеписанныя объявленія представляются сомнительными: 1) что бывшіе съ Меркурьемъ Вагинымъ казаки, не хотя больше терпѣть впредь будущей нужды, его и другихъ нѣкоторыхъ убили, и послѣ при слѣдствіи нѣкто объявилъ, что то былъ паръ, а не островъ; и въ протчемъ, о помянутомъ изысканіи казаки объявили несогласно. 2) Василей Стадухинъ нарочно ходилъ для изысканія онаго острова, но только видѣлъ далѣе Ковымскаго устья большой мысъ, протянувшейся отъ Сибирскаго берега въ море, а не видалъ никакого острова. 3) Въ 1714 году посланы были провѣдывать онаго острова два отправленія, подъ командою Алексѣя Маркова, да Григорья Кузякова. Марковъ ѣздилъ на собокахъ по льду въ море, прямо къ сѣверу, въ мартѣ мѣсяцѣ, по его отпискѣ около семи сотъ верстъ изъ Янскаго устья, и объявилъ, что по Святому морю судамъ ходить нельзя, кое лѣтомъ и зимою стоитъ замерзло; а видѣлъ де онъ стоячія льдины, какъ высокіе холмы, съ коихъ смотря въ даль, никакой земли не примѣтилъ. О поѣздкѣ Кузякова подобно извѣстное. 4) Афанасья Шестакова карта должна казаться сомнительна, затѣмъ что онъ не умѣлъ грамотѣ; а сочиняли по его сказкамъ люди, кои только писать умѣли.

§ 39.

Сіи прекословныя извѣстіи, сличивъ одно противъ другаго, ясно видѣть можно, что положительныя много сильнѣе отрицательныхъ; ибо не смотря на то, 1) что вообще не слѣдуетъ изъ незнанія небытіе вещей, и нельзя заключить, чтобы того не было на свѣтѣ, чего кто не видалъ или не нашелъ,—сами обстоятельства показываютъ слабость, или лутче ничтожность отрицательныхъ; ибо: 2) что убивцы Меркурія Вагина, видѣнной имъ островъ за паръ почитали, то учинить они могли для его обвиненія, яко бы онъ за пустыми мѣчтаніями гонясь, хотѣлъ ихъ уморить холодомъ и голодомъ, и для того они имѣя причину его убили; протчія несогласныя ихъ сказки самымъ тѣмъ лишаютъ ихъ всякой вѣроятности, и кто можетъ положиться на злодѣевъ, кои избывая смерти, ложъ съ правдою сплетали для своей выгородки? Чтоже до бытія перваго острова надлежитъ, все сказали согласно; и для того вѣроятность не потеряна. 3) Стадухинъ, Марковъ и Кузяковъ объявили, что они будучи нарочно посланы, и ходивъ по морю далече, помянутаго острова не видали, что противно извѣстіямъ вышеписанныхъ Родіона Михайлова,

Якова Вятки, Якова Пермякова и протчихъ; но кто разсудитъ, что неволя принудитъ больше терпѣть нежели охота, что противныя бури далѣе отнести могутъ нежели добрая воля, и что на парусахъ скорѣе можно ѣздить было симъ, нежели онымъ на собакахъ, съ довольнымъ провіантомъ на судахъ нежели со скуднымъ на нартахъ, и зимнею порою нежели лѣтнею,—тотъ не усомнится заключить, что Стадухинъ и протчіе могли предпочесть свою безопасность такому изысканію, кое и впредь соединено будетъ съ великими тягостьми, и для того: или не отважась въ даль, ничего не видали, или бывъ и видѣвъ, ничего не объявили для своего будущаго покоя. 4) Чтожъ Шестаковъ былъ человѣкъ безграмотной, и что сочинившіе по его словамъ карту только писать умѣли, то все не мѣшаетъ самой истинѣ: довольно что они на оной положили Копаевъ островъ и за нимъ матерую землю, что довольно служитъ къ подтвержденію онаго изысканія: ибо здѣсь требуется только о бытіи оныхъ извѣстіе, а не точная ихъ фигура и положеніе; слѣдовательно и Геодезисты для сочиненія такой карты не нужны: она здѣлана такъ, какъ поступаютъ самые лутшіе Географы, когда ставятъ на картахъ подлинно найденныя, но неописанныя земли.

§ 40.

Для таковыхъ причинъ, и при толь многихъ свидѣтеляхъ, которымъ прекословныя извѣстія отнюдь не отнимаютъ вѣроятности, не сомнѣваюсь помянутой Копаевъ островъ и за нимъ матерую землю положить на своей полярной картѣ, и господъ славныхъ Географовъ, Делиля и Бюаша, отнюдь въ томъ не порицаю, что они сіе внесли въ свои изданія.

§ 41.

Путешествіе морское съ Россійской стороны изъ Камчатки на востокъ, хотя и не надлежитъ до мореплаваній для поиску проходу въ Индію Нордъ-Остомъ; однако въ разсужденіи острововъ между Америкою и Камчаткою и Чукотскими берегами лежащихъ, такъ же и самыхъ дальнихъ мѣстъ къ полюсу склоняющейся Сѣверной Америки, служитъ къ нашему главному дѣлу. Онымъ ходомъ, подъ Беринговою и Чирикова командою, извѣдано: 1) что западные берега Сѣверной Америки лежатъ далѣе къ полюсу, нежели какъ прежде думали: а изъ того слѣдуетъ, по взятымъ наблюденіямъ, что оные отъ земли противъ Чукотскаго носу лежащей, отстоятъ не весьма далече, напримѣръ Долматовъ островъ отъ ней около осьми сотъ верстъ. 2) Что Америка противъ Камчатки лежащая начинается островами, каковъ есть Беринговъ и его сосѣдственные, и потому не безъ основанія утвердить можно, что видѣнныя мѣста, мимо коихъ шли помянутые мореплаватели, суть острова, и составляютъ Архипелагъ; ибо они шли дѣйствительно между островами, хотя ихъ и не видали, изъ коихъ одинъ пресѣченіемъ волнъ знать себя далъ,

ночью вовремя сильнаго вѣтра отъ полудни, что онъ не былъ изъ числа малыхъ, какіе тамъ многіе примѣчены. 3) А посему явствуетъ, что противъ сѣверной части Камчатки и противъ Анадирскихъ устьевъ, можетъ быть довольное пространное море; а особливо потому, что отъ Нордъ-Оста приноситъ зимою ледъ даже до Курильскаго мыса. 4) Что въ оныхъ мѣстахъ есть множество жителей, и потому весьма вѣроятно, что они, по невесьма дальнему разстоянію отъ обитателей земли, коя лежитъ противъ Чукотскаго носу, съ ними сродны и одного языка, или немного отмѣннаго; либо конечно по сосѣдству есть у нихъ такіе люди, кои между ними служатъ вмѣсто переводчиковъ, такъ что естьли бы достать жителя земли, что лежитъ противъ Чукотскаго носу, то бы весьма уповательно было получить извѣстіе о тѣхъ Россіянахъ, кои на западномъ Американскомъ берегу Чириковымъ потеряны.

§ 42.

Въ заключеніи сего не могу преминуть, чтобы не присовокупить здѣсь извѣстія, которое о возможности корабельнаго ходу Сибирскимъ Океаномъ совершенно бы увѣрило, естьли бы о достовѣрности онаго не оставалось никакого сомнѣнія. Господинъ Бюашъ, Королевской Парижской Гаографъ, на изданной отъ себя полярной картѣ показываетъ, что нѣкто Португальской мореплаватель, именемъ Мельгеръ, съ клятвою объявилъ, что онъ, 1660 года Марта 14-го дня, вступивъ въ путь изъ Японіи, прошелъ въ Португалію Сибирскимъ Океаномъ: дорога его назначена точками, мимо Чукотскаго носу, позади полюса, между Шпицбергеномъ и Гренландіею, и наконецъ между Исландіею и Англіею; окончена въ пристанѣ при городѣ Порто называемомъ, что устье рѣки Дуро.

Закладныя и купчія Ломоносовыхъ[1]).

1.

Се язъ Куростровской волости Дементей да язъ Панкрашко Васильевы дѣти Чюрносовы заняли есмы тоѣ-ж Куростровской волости у Луки Леонтьева сына Ломоносова дватъцать рублевъ денегъ московскихъ безъ приписи до срока дни Пресвятѣй Богородицы 207 году, а въ тѣхъ заемныхъ денгахъ мы заимшики до того кабалного срока заложили і подписали в вѣрѣ к нему Луки своего владѣнья въ тоѣ-ж Куростровской волости горней орамой земли поле назвищемъ дворище і з закраинами, а межи тому полю і закраинамъ по старымъ писмяннымъ крепостемъ і по купчей, что мы Дементей з братомъ Панкрашкомъ то поле і з закраинами купили у Куростровца-же у Андрѣя Алексѣева сына Батуры і куды сами владѣли безвывѣта, а будетъ мы заимшики по сей закладной кабалѣ на тотъ вышеписанной строкъ тѣхъ заемныхъ денегъ не заплатимъ і того своево закладного поля и з закраинами не выкупимъ, і послѣ срока дѣла нѣтъ і не вступатца, ся наша закладная купча і поступная в вѣкъ і в дернь без выкупа і впред ему Луки владѣть волно, продать і заложить і всякие Государевы подати платить с мирскими людми в ряд і стѣнная ізгорода городить, а в снимки і в очищени того своево заклада от всякихъ писмянныхъ крепостей і отъ сродичевъ своихъ і отъ сторонныхъ людей мы заимшики своими денгами і животы, а ему Луки в томъ убытка не учинить никоими дѣлы, да і старую купчую на то поле, что купили у Андрѣя Батуры, отдали ему ж Луки с сею закладною до выкупа, кто с сею закладною станетъ, тотъ по ней істецъ. Закладную кабалу писалъ заимшикъ Панкрашко і по повелѣнью брата своево Дементья Васильева лѣта 7206 Іюня въ 4 день. Къ сей закладной кабале вмѣсто Дементья Васильева по его велѣнью Княжестровской волости Ермолка Немоновыхъ по его велѣнью руку приложилъ.

2.

Се азъ Куростровской волости Лука Леонтьевъ сынъ Ломоносовъ занялъ есмь тое-ж Куростровской волости у Офонасья Іванова сына Шубныхъ дватьцать рублевъ денегъ московскихъ без приписи до срока до Покрова Пресвятѣй Богородицы 211 году і в тѣхъ заемныхъ денгахъ язъ заимшикъ до того кабалного срока заложилъ і подписалъ в вѣрѣ к нему Офонасью своево владѣнья въ тое-ж Куростровской волости горней орамой земли поле назвищемъ дворище і з закраинами, а межи тому полю і закраинамъ по старымъ писмянымъ крепостемъ і по купчей, что я Лука то поле і з закраинами

[1]) Подлинники этихъ документовъ хранятся въ Архангельскомъ городскомъ публичномъ музеѣ, куда они были пожертвованы П. С. Ефименкомъ.

купилъ у Куростровца же у Дементья і у Панкрата Чюрносовыхъ і чѣмъ самъ владѣлъ безвывета, а будетъ я заимшикъ по сей закладной кабалѣ на тотъ вышеписанной срокъ тѣхъ заемныхъ денегъ не заплачю і того своево закладного поля і з закраинами невыкуплю, і после срока дѣла нѣтъ і не вступатца, ся моя закладная купча і поступная в вѣкъ і в дернь безъ выкупа, а впред ему Офонасью владѣть волно, продать і заложить і всякие великого Государя подати платить с мирскими людми в рядъ і стѣнная изгорода городить, а в снимки і в очищени того своево заклада отъ всякихъ писмянныхъ крѣпостей и от сродичевъ своихъ і от сторонныхъ людей я заимшикъ своими денгами і животы, а ему Офонасью в томъ убытка не учинить никоими дѣлы, да старую купчую і закладную на то поле, что купили Дементей да Панкратъ у Андрѣя Алексѣева Батурина, да что я купилъ у Дементья Чюрносова, отдали ему ж Офонасью с сею закладною до выкупа, кто с сею закладною станетъ, тотъ по ней истецъ. Закладную кабалу писалъ по велѣнью отца своего сынъ его Іванъ 7210 году. Къ сей закладной кабалѣ вмѣсто дедка своего Луки Ломоносова по его велѣнию внукъ его Никита Ѳедоровъ руку приложилъ.

3.

1709 году октября в 17 день Куростровской волости Лука Леонтьевъ Ломоносовъ занялъ есмь тое-ж волости у Офонасья Іванова Шубныхъ десять рублевъ напередъ, а в тѣхъ денгахъ заложилъ и подписалъ в вѣре до болшей закладной в тое-ж Куростровской волости горней орамой земли поле назвищемъ дворище и з закраинами, а межи тому полю и закраинамъ по старымъ писмяннымъ крепостемъ і по закладной кабалѣ, что заложили то поле мнѣ Луки Дометей да Панкратъ Чюрносовы, а досталные денги додать мнѣ Офонасью и Луки, какъ Лука напишетъ большой путь, а денегъ додать восмь рублевъ съ полтиною. Писалъ Степанъ Ѳедоровъ Поповыхъ. Вмѣсто отца своего Луки Ломоносова по его велѣнію сынъ его Іванъ руку приложилъ.

4.

1714 году февраля въ..... день Куростровской волости крестьяне Лука Леонтьевъ сынъ Ломоносовъ да Василей Дорофеевъ сынъ Ломоносовъ же дали сие зговорное писмо до крѣпостной купчей тоежъ волости крестьянину Козмы Козмину сыну Созоновыхъ в томъ, что продали мы ему Козмы владѣния своего въ тоежъ Куростровской волости за рѣкою на Микифоровкѣ пожню свою сѣнныхъ покосовъ по мирской волостной веревной книги 707 году оба свои повытки безостанка, а в межахъ та пожня с верхного конца от Бѣлобородовыхъ земли, а с нижного конца от Банѣвыхъ земли по сторону отъ Полкозера, а по другую сторону от Лывы, а цены взяли мы Лука да Ва-

силей у нѣго Козмы за ту свою пожню за оба повытка денегъ десять рублевъ, у сего зговорнаго писма денги взяли все вручь безостанка, а продали в вѣкъ і в дернь безъ выкупа і в очищени тое продажи от всякихъ писмянныхъ крѣпостей і от сродцевъ і отъ сторонныхъ людей мы продавцы своими денгами, а к нѣму Козмы в той пожоной продажы никакихъ убытковъ не учинить ни коими дѣлы, а подати великого Государя с тое земли платить і службы служить с нынѣшняго 714 году генваря съ 1 числа ему Козмы, а старые розрубные невыплатки съ тое земли доплачивать намъ Луки да Василью своими денгами, в томъ ему Козмы на ту свою пожню і сие зговорное писмо дали, а впред дать к нѣму Козмы на ту пожню подлинная купчая крѣпостныхъ дѣлъ подъячими з достойнымъ платежомъ пошлинъ, а пошлинные і печатные і подписные і писчие денги платить намъ съ нимъ Козмой пополамъ. Вмѣсто отца своего Луки Леонтьева Ломоносова по его велѣнию сынъ его Іванъ руку приложилъ. Вмѣсто Василья Дорофеева по его велѣнью Степанъ Ѳедоровъ руку приложилъ. Послухъ Іванъ Шубной у сего писма былъ і в томъ руку приложилъ. Писалъ сие зговорное писмо Куростровской волости земской дьячекъ Гаврило Аввакумовыхъ.

5.

1739 году ноября 27 дня Двинского уѣзду Куростровской волости крестьянинъ Василей Дорофеевъ сынъ Ломоносовъ далъ сие писмо до подлинной купчей крѣпости Двинского-ж уѣзду тое-ж волости крестьянину-ж Михаилу Афонасьеву сыну Шубныхъ въ такой силѣ: продалъ язъ Ломоносовъ владения своего по мирской веревной 735 году книгѣ в Налье острову пожню свою сенныхъ покосовъ, званиемъ на Микифорковѣ, которую яз Ломоносовъ владѣлъ всю безостатку, а цены взялъ за ту пожню яз Ломоносовъ у него Шубного восмь рублевъ денегъ, а денги взялъ при семъ писмѣ все вручь безостатку, а в мѣжехъ та пожня с верхного конца от Бѣлобородовыхъ земли, с нижного конца от Пинежскихъ земли по сторону от Полкозера, а по другую сторону от Лывы, и владѣть ему Михайлу той пожней вѣчно і волно, продать і заложить і во всякие крепости крепить, а мнѣ Ломоносову и детемъ моимъ і родственникомъ в ту пожню не вступатце, в очищени тое пожню отъ всякого спору во всемъ яз Ломоносовъ, а подати с тое пожни платить и службы служить с предбудущаго 740 году генваря с первого числа ему Шубному, а писчие и пошлину платить у крепостныхъ дѣлъ ему Михайлу Шубному, в томъ ему Шубному и сие писмо далъ. Писалъ по прошению Васильеву тое-ж волости крестьянинъ Іванъ Баневъ. Къ сему писму вмѣсто Василья Дорофеева сына Ломоносова по его прошению успѣнежанинъ Ефимъ Христофоровъ руку приложилъ.

Выписка изъ дѣла „О иску Архангелогородского посаду посадского человѣка Ивана Федорова сына Попова на Двинскихъ земскихъ старостахъ Иванѣ Левонтьевѣ и Лукѣ Ломоносовѣ, съ оцѣнки объ отдачѣ пожитковъ и деревенскихъ жеребьевъ“.[1])

I

Державнѣйшій Царь Государь Милостивѣйшій! Въ прошломъ Государь 708 году тебѣ Великому Государю билъ челомъ я нижайшій, въ Архангелогороцкой Таможни подавалъ заручное доношеніе инспектору Ратушского Правленія Степану Васильевичю Левонтьеву въ нересплатѣ, по переводу Московского подъячего Кирила Страхова, за товаръ тридцати рублевъ на Бурмистровъ на Василья Жеребцова съ товарыщи и противъ того моего челобитья Бурмистры и Земскіе Старосты Иванъ Леонтьевъ да Лука Ломоносовъ допрашиваны и розыскивано и книгами свидѣтельствовано и велѣно тотъ искъ тритцать рублевъ и съ того иску пошлины доправить на земскихъ старостахъ на Иванѣ Леонтьевѣ да на Луки Ломоносовѣ и отдать пошлинные къ неокладнымъ приходамъ, а искъ мнѣ нижайшему съ росписки, и о томъ посланъ изъ Архангелогороцкой Таможни Великаго Государя указъ за приписью бурмистра Василья Нестерова земскихъ дѣлъ къ бурмистрамъ къ Андрею Гоголеву, Дмитрею Матфѣеву съ товарищи и по тому Великого Государя указу онѣ земскіе старосты Иванъ и Лука Архангельского города въ земскую избу сысканы прошлого-жъ 708 году декабря 13 дня и по помѣте на дѣлѣ бурмистра Дмитрея Матфѣева велѣно дать выпись на правежъ и онѣ старосты урочніе числа на правежѣ стояли и тѣхъ денегъ мнѣ нижайшему и по се число ничего не платили. Всемилостивѣйшій Государь! прошу Вашего Величества, пожалуй меня нижайшаго, вели Государь ихъ земскихъ старостъ Ивана Леонтьева и Луку Ломоносова сыскать у города Архангельского въ земскую избу земскихъ дѣлъ передъ бурмистровъ и противъ челобитья моего искъ тритцать рублевъ денегъ ко мнѣ заплатить или изъ ихъ пожитковъ деревенского жеребья за тѣ мои денги оцѣня ко мнѣ во владѣніе отвесть. Вашего Величества нижайшій рабъ Архангельского города посацкой человѣкъ Иванъ Федоровъ Поповъ... Іюля дня 709 году.

Помѣта: Іюля въ 30 день. По указу Великого Государя записать въ книги, послать паметь, велѣть доправить, есть-ли чѣмъ заплатить, будетъ платить нечѣмъ, послать паметь соцкимъ пожитки ихъ цѣнить и оцѣненныя положить за соцкаго и мирскихъ людей руками на земской дворъ.

И по сей помѣтѣ бурмистра Осѣя Кирова о платеже отвѣтчиковыхъ допросныхъ рѣчей въ дѣлѣ не явилось и посылка гдѣ живутъ отвѣтчики—въ Леонтьевъ станъ и въ Куростровскую да въ Ступинскую волости объ оцѣнкѣ тѣхъ ихъ отвѣтчиковыхъ пожитковъ къ соцкому съ товарищи въ прошломъ 709 году паметей не росписано.

[1]) По 1-й описи Архангелогородской Губернской Канцеляріи № 279.

И по тѣмъ памятемъ отъ нихъ соцкихъ о той оцѣнкѣ пожитковъ въ присылкѣ цѣновные записки былиль—того не знатно.

II

Державнѣйшій Царь Государь Милостивѣйшій!

Въ прошломъ Государь 708 году противъ присланного твоего Государева изъ Архангелогороцкой Таможни съ приговору инспектора Степана Леонтьева за закрѣпою бургомистра Ивана Лузина указу велѣно Двинскимъ земскихъ дѣлъ бургомистромъ Андрею Гоголеву съ товарищи противъ моего нижеименованного челобитья искъ мой на Двинскихъ земскихъ старостахъ Иванѣ Леонтьевѣ и Лукѣ Ломоносовѣ доправить и въ прошломъ же 709 году не челобитьюжъ моему, а по помѣтѣ бурмистра Осѣя Кирова, велѣно, оцѣня ихъ пожитки и деревенскіе жеребьи, отдать въ искѣ ко мнѣ нижайшему съ росписко̀ю, и они старосты Иванъ Леонтьевъ, Лука Ломоносовъ того моего иску тритцати рублевъ ко мнѣ нижайшему и по се время не отдаютъ, о чемъ я волочуся за тѣмъ дѣломъ многое время, отъ чего чинитца мнѣ раззореніе и пожитки ихъ не цѣнены. Всемилостивѣйшій Государь! прошу Вашего Величества, да повелитъ Державство Ваше то мое вышеписанное дѣло для вершенья изъ Архангелогороцкого земской избы взять въ Архангелогороцкую Канцелярію. Вашего Величества нижайшій рабъ города Архангельского посацкой человѣкъ Иванъ Федоровъ сынъ Поповъ. Сентября 30 1713 года.

Помѣта: По указу Великого Государя, вице-губернаторъ Алексѣй Александровичъ Курбатовъ приказалъ по сему прошенію то дѣло изъ земской избы взять въ Архангелогороцкую Канцелярію ко учиненію указа[1]).

Выписка изъ наряда „О взысканіи данныхъ бывшему Архангелогородской Портовой Таможни копеисту Никитѣ Ломоносову торговымъ иноземцемъ Францемъ Фардентомъ взаимъ десяти рублевъ въ платежъ за него казенной доимки“...[1])

I

Указъ Его Величества Императора и Самодержца Всероссійскаго изъ Архангелогороцкой Губернской Канцеляріи бригадиру и Архангелогородцкому коменданту господину Фермору. Сего Декабря 3 дня, по присланному Его Императорского Величества изъ Государственной Комерцъ-Коллегіи въ Архангелогородцкую Губернскую Канцелярію указу, велѣно данные въ прошломъ 725 году апрѣля 26 дня взаемъ торговымъ иноземцемъ Францемъ Фардентомъ въ Санктпитер-

[1]) Упоминаемаго здѣсь указа не послѣдовало и дѣло осталось незаконченнымъ.

[1]) По 1-й описи Архангелогородской Губернской Канцеляріи № 722.

бурхѣ Архангелогородцкой Портовой Таможни копеистамъ Якову Ляскину, Василью Фомину, Никитѣ Ломоносову, по своеручному письму въ тритцать рублевъ, за вычетомъ во оной Портовой Таможнѣ, по присланному изъ Коммерцъ Коллегіи указу, у вышеписанныхъ служителей Ляскина и Фомина изъ дачь имъ на майскую сего 729 году треть жалованья дватцати рублевъ, достальные денги въ платежъ имѣющейся на немъ Фандортѣ казенной доимки, по силѣ состоявшагося въ 725 году указу, взыскивать вышеупомянутаго копеиста Ломоносова на наслѣдникѣ ево Архангелогородцкого полку на капитанѣ Григорье Воробьевѣ, за которымъ имѣетца жена ево Ломоносова, безъ послабленія, и по взысканіи, оныя въ Коммерцъ Коллегію чрезъ какой способъ возможно прислать въ немедленномъ времяни, ибо на вышеписанномъ Фандортѣ и на Яковѣ Бодышкѣ казенной доимки имѣетца сумма не малая, а оныя показуютъ, что кромѣ партикулярныхъ долговъ, той доимки за скудостью платить имъ нечѣмъ, а по состоявшемуся блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Ея Императорского Величества прошлого 1725 году указу, повелѣно, ежели на комъ имѣетца казенная доимка, а тѣ люди объявлять будутъ, что имъ той доимки платить нечѣмъ, а показывать будутъ свои долги на партикулярныхъ людехъ, и въ тое доимку, по тому ихъ показанію, на тѣхъ должникахъ, по письменному свидѣтельству, оныя долги взыскивать какъ указы повелѣваютъ, а въ Архангелогородцкую де Портовую Таможню для вѣдома о вышеписанномъ потомужъ указъ посланъ и по Его Императорского Величества указу и по опредѣленію Архангелогородцкой Губернской Канцеляріи велѣно, по силѣ вышеписанного Его Императорского Величества указу о взысканіи вышеописанныхъ данныхъ Фандортомъ денегъ въ платежъ означенной доимки на вышеписанномъ бывшаго копеиста Ломоносова наслѣдникѣ на капитанѣ Воробьевѣ, за которымъ имѣетца жена ево Ломоносова безъ послабленія и по взысканіи для отсылки въ Коммерцъ-Коллегію о присылкѣ оныхъ денегъ въ Архангелогородцкую Губернскую Канцелярію въ немедленномъ времяни послать къ вамъ указъ и бригадиру и Архангелогородцкому коменданту учинить о томъ по сему Его Императорского Величества указу. Декабря 9 дня 1729 году.

Подлинный за подписаніемъ генерала-лейтенанта и губернатора князя Семена Федоровича Мещерскаго. За скрѣпою секретаря Филипа Власова.

II

Въ Архангелогородцкую Губернскую изъ Гварнизонной Канцеляріи.

Доношеніе.

Сего декабря 10 дня въ указѣ Его Императорского Величества изъ оной Губернской Канцеляріи писано: велѣно за бывшаго Архангелогородцкой Портовой Таможни копеиста Никиту Ломоносова, которой занялъ у торгового иноземца Франца Фандорта денегъ десять

рублевъ, взыскивать на наслѣдникѣ ево Архангелогородцкого Гварнизонного полку капитанѣ Григорьѣ Воробьевѣ, за которымъ имѣетца жена ево Ломоносова и, по взысканіи, оные денги прислать въ Губернскую Канцелярію. И по тому Его Императорского Величества указу для взысканія означенныхъ денегъ оной капитанъ Воробьевъ въ Гварнизонную Канцелярію призванъ, которой скаскою показалъ: вышеписанныхъ де денегъ десяти рублевъ за оного Ломоносова платить ему ненадлежитъ, для того, что во всемъ движимомъ и недвижимомъ имѣніи послѣ оного Ломоносова въ наслѣдствѣ осталась мать ево родная Палагея Клементьева дочь, а не онъ капитанъ Воробьевъ, и такія денги надлежитъ платить оной матере ево; о чемъ и вышеписанного Ломоносова объявленная мать ево показала, что въ наслѣдствѣ она послѣ сына своего осталась; и толикое число денегъ десять рублевъ во оную Гварнизонную Канцелярію оного копеиста Ломоносова на оной матери ево взысканы, которые въ Архангелогородцкую Губернскую Канцелярію объявляю при семъ доношеніи.

О семъ доноситъ бригадиръ и Архангелогородцкой комендантъ Вилимъ Ферморъ. Декабря 15 дня 1729 году.

Выдержки изъ записей пожертвованій „Книги записной приходной Двинскаго уѣзда Куростровской волости выборнаго церковнаго строителя Івана Лопаткина въ церковное каменное строеніе Пресвятые Богородицы“.[1])

Во основаніе церкве собора Пресвятыя Богородицы два лепта иолагаетъ Варнава, Архіепископъ. Іванъ Лопаткинъ два лепта, а по русски два рублевика принялъ.

Николаевского Корельского монастыря Архимандритъ Павелъ въ церковное строеніе рубль подписалъ.

[1]) Документъ этотъ хранится въ Архангельскомъ городскомъ музеѣ. На первыхъ страницахъ его помѣщено „Воззваніе къ преславному и православному роду россійскому священнаго и мирского сословія всякаго чина и возраста.. отъ убогихъ богомольцевъ веси Куростровской недостойныхъ служителей іереевъ и причетниковъ“ о пожертвованіяхъ на устройство каменной церкви въ Куростровѣ. Здѣсь, между прочимъ, говорится:„ Въ прошедшемъ 725 году Преосвященному Варнавѣ милостію Божіею Архіепископу Холмогорскому і Важескому били челомъ мы недостойніи іереи и тѣхъ церквей прихожане и посацкіе люди: просили его архипастырскаго благословенія, еже бы намъ въ тое Куростровскіе волости на погорѣлое мѣсто повелѣлъ въ силѣ Божіи церковную казною, которая есть на прошлыхъ церковныхъ прикащикахъ, довзять и христолюбческимъ подаяніемъ построить церковь каменную настоящую и предѣльную и колокольницу во одномъ зданіи. И Преосвященный Архіепископъ слушавъ того прошенія нашего и добраго намѣренія и благоугоднаго, желаніемъ возжелавъ лутчаго къ лутчему, благословилъ намъ іереемъ и прихожаномъ то церковное зданіе по воли всемилостиваго Бога и по указу Его Императорскаго Величества созидати... и благоволилъ мѣсто осмотрити и измѣрити и заложилъ церковь во имя Собора Пресвятыя Богородицы.. И по тому нашему прошенію Преосвященный Архіепископъ повелѣлъ намъ на то церковное зданіе у города Архангелского и на Холмогахъ мирскаго сословія всѣхъ градовъ у купецкихъ людей и въ уѣздахъ у крестьянъ обирати, обаче съ иконою не ходити... хто что даетъ, то благодарнѣ з записскою приимать“....

732 года іюля 2 дня города Архангелского житель въ строеніе въ каменной церкви каменного пола далъ денегъ дватцать рублевъ, да на строеніе окончинъ далъ дватцать фунтъ слюды мѣлкой, а имени своего повѣдати не велѣлъ.

1725 года ноября въ Куростровской волости крестьянинъ Іванъ Дементьевъ сынъ Качеринъ... въ церковное каменное строеніе далъ десять рублевъ денегъ.

Тояжъ Куростровской волости крестьянинъ Яковъ Григорьевъ сынъ Рычковъ обѣщалъ въ церковное же строеніе дать десять рублевъ денегъ. Оные денги выборной церковной строитель Іванъ Лопаткинъ принялъ.

Тояжъ Куростровской волости крестьянинъ Іванъ Осиповъ сынъ Зиновьевъ обѣщалъ въ церковное же строеніе дать десять рублевъ денегъ. Іванъ Лопаткинъ помянутые десять рублевъ въ разные числа принялъ, которые писаны въ паметной тетради.

1726 года марта въ 16 день Архангелогороцкой портовой таможни подъячей Никита Ломоносовъ собранные при таможни въ церковное строеніе полтину денегъ отдалъ церковному строителю Івану Лопаткину.

Марта 19 дня куростровецъ Петръ Филимоновъ сынъ Бизяевъ въ трапезѣ при священникѣ и при мирскихъ людехъ въ церковное каменное строеніе обѣщанныхъ за отнятіе изъ пожару миромъ его дому далъ въ уплату пять рублевъ денегъ.

Апреля..... Куростровцы Федоръ Тышкуновъ да Еремѣй Петровъ сынъ Новоселовъ высыпали изъ запечатаннаго ящика и что сверхъ того было хлѣбного запасу и льну и конопли собрано въ церковное строеніе въ Пинежскомъ и въ Мезенскомъ и въ Кеврольскомъ уѣздахъ и по продажи того запасу и льну и конопли, при трапезѣ при священникахъ и при мирскихъ людехъ за вычетомъ ихъ доли работной явилось въ зборѣ пять рублевъ осмьнадцать алтынъ четыре денги.

Продано изъ подъ сарая нежжоного бѣлого кирпича въ разные числа тояжъ волости крестьяномъ Якову Рычкову сто кирпичей, Якову Пятухину сто кирпичей, Ларіону Осотину сто кирпичей, Степану Осотину двѣстѣ пятьдесятъ кирпичей ценою по торгу при трапезѣ і при мирскихъ людехъ по четыре алтына; за что ітого дватцать два алтына.

1727 года августа въ 26 день при основаніи церкви собрано на блюдо въ церковное строеніе девятнадцать алтынъ.

Архангелогороцкой внутренней таможни подканцеляристъ Іванъ Пономаревъ обѣщаетъ дать полтину. Взяты.

Октября 22 дня куростровца Афанасья Неумоина жена Ксенія Іванова дочь въ церковное строеніе положила покойной матери своей Ірины, по ея души, серебряную женскую цепь вѣсомъ восмь золотниковъ съ четвертью; оная цепь продана, цены взято двадцать два алтына.

Декабря 26 дня высыпано изъ запечатаннаго ящика въ трапезѣ при священникахъ и при мирскихъ людехъ рубль девять алтынъ, въ которой ящикъ у города на лодьяхъ збиралъ Василей Ломоносовъ съ товарищемъ.

1728 года генваря 15 дня Куростровской волости крестьянинъ Василей Дорофеевъ сынъ Ломоносовъ обѣщалъ въ церковное каменное строеніе дать десять рублевъ денегъ; подписалъ по Васильеву велѣнію тояжъ волости церковной дьячекъ Семенъ Сабельниковъ. Іванъ Лопаткинъ принялъ.

Марта 12 дня Никифора и Дениса Баженинныхъ у служителя ихъ Василія Іванова сына Дудина за тысячю за восмь сотъ кирпича, которой взятъ прошлого 727 года въ октябрѣ и въ декабрѣ мѣсяцахъ въ разныхъ числѣхъ, да и нынѣшняго года въ февралѣ мѣсяцѣ, ценою по десяти алтынъ, за что итого взято пять рублевъ четыре гривны.

Архангелогороцкой таможни отъ канцеляриста Івана Федосѣева, да отъ ларошного Федора Зеленкова собранныхъ въ церковное строеніе і прислано денгами і воскомъ і пшеничною мукою восмь рублевъ да дватцать восмь алтынъ две денги і отданы Івану Лопаткину выборному церковному строителю.

Іюня 6 дня вынято із кувшиновъ въ церкве, при священникахъ и при мирскихъ людехъ, при Яковѣ Рычковѣ, при Іванѣ і Михайлѣ Кавадѣвыхъ і при церковномъ прикащикѣ Стефанѣ Сидоровыхъ і при другихъ мирянехъ копѣекъ гладкихъ и ломаныхъ, денежекъ и полушечекъ серебряныхъ чнсломъ три рубля зъ грошомъ, а вѣсомъ пятнадцать золотниковъ і проданы у Архангелского города серебренику; взято за всѣ два рубля четырѣ копѣйки, а мѣдные и оловянные спущены въ тѣже кувшины.

Сентября 26 дня у ровдогорца Івана Осипова сына Рычковыхъ съ товарищи отъ казенной завозни, что они ѣздили зъ бочками къ городу, кортомы взято восмь алтынъ.

Октября 26 дня у куростровца Степана Осотина за лисвенишное-выметное бревно да за отсѣчекъ по приговору священниковъ і мирянъ взято четырѣ алтына.

Іюля 21 дня Куростровскаго священника Стефана жена Анна обѣщаетъ по вѣрѣ своей въ церковное строеніе гривну. Лопаткинъ принялъ.

Куростровца Василія Леонтьева Пятухина сынъ Іванъ обѣщаетъ въ церковное строеніе пять алтынъ, а заплатитъ мать. Іванъ Лопаткинъ принялъ.

Іюля 22 дня куростровка вдова Матрена Григорьева Бѣлобородова, въ помяновеніе матери своей Ирины и по смерти своей себя, дала въ церковное строеніе крестъ серебряной ветхой вѣсомъ шесть золотниковъ съ четвертью; помянутой Матрены даяніе крестъ проданъ на Москвѣ Васильемъ Рычковымъ; цены взято дватцать шесть алтынъ пять денегъ.

725 года декабря 24 дня горожанинъ посацкой человѣкъ Романъ Петровъ сынъ Качаловъ къ церковному строенію далъ карбасъ крытой съ парусомъ і съ бечевой.

726 года Марта дня холмогорецъ посацкой человѣкъ Федоръ Борисовъ сынъ Пругавинъ къ церковному строенію въ казну далъ анбаръ въ поминовеніе родителей своихъ: Алексія і Іоанна, Стефаниды, Анисіи, Ефиміи, а того анбара половина свезена въ Куростровскую весь і поставлена при церкве, а другая половина свезена на строеніе кирпичныхъ сараевъ.

Іюня 19 дня дому Архіерейского сынъ боярской Іванъ Михайловъ сынъ Тяпренгинъ въ церковную казну далъ плотъ двоерядной, слеги еловы і тѣ слеги сложены въ кирпишныхъ сараяхъ на строеніе...

Августа дня холмогорецъ посацкой человѣкъ Іванъ Алексѣевъ сынъ Дудинъ въ церковную казну далъ парусъ холщевой ветхой косой.

Іюня 15 дня по усердію своему бывшаго Івана Тяпренгина жена ево Пелагѣя Васильева дочь положила въ церковное каменное строеніе дватцать пудовъ желѣза кричного.

1731 года февраля 20 дня куростровца Василья Ломоносова жена Ірина по усердію своему обѣщаетъ построить окончйну въ каменную церковь въ нижное окно съ сѣверную сторону. У Ирины окончина принята и поставлена въ помянутое окно.

1730 года апрѣля 19 дня куростровцу Василью Ломоносову отдано казенного жженого малаго кирпича сто пятдесятъ кирпичей, цены взято десять алтынъ, да онъ же Ломоносовъ въ церковное строеніе далъ два рубля денегъ.

Іюня 21 дня священникъ Стефанъ, будучи на обѣдѣ у куростровца Леонтья Ксенофонтова, собралъ въ церковное строеніе, а именно господинъ капитанъ Воробьевъ положилъ рубль, да онъ же положилъ за внука гривну, Михайло Пятухинъ гривну, да отъ разныхъ людей порозно собрано девятнатцать алтынъ три денги, итого по сей статьи рубль дватцать шесть алтынъ зъ денгою. Строителю Ивану Лопаткину сданы.

1732 года генваря 24 дня, по совѣту священниковъ и церковныхъ причетниковъ и прихожанъ, продано казенныхъ ветхихъ церковныхъ книгъ, которыя были лишныя на три рубля на десять алтынъ, а денги отдали въ церковное строеніе строителю Івану Лопаткину.

1732 года апрѣля 11 дня куростровецъ Димитріевской церкви пономарь Федоръ Стефановъ въ церковное строеніе далъ десять рублевъ, которыя онъ обѣщалъ въ прошломъ 731 году генваря 1 дня, будучи въ домѣ у священника Василья.

Сегожъ года въ разные числа тояжъ Куростровской веси у женъ собрано, которыя обѣщали въ церковное строеніе въ прошломъ 730 году, будучи въ домѣ у Василья Ломоносова на обѣдѣ, а имянно священника Стефана жена Анна десять копеекъ, Якова Рычкова жена Елена десять копеекъ, Якова Степанова Дьячкова жена Анна де-

сять копеекъ, вдова Федора бывшаго Данила Бѣлобородова жена пять копеекъ, Федора Зеленкова жена Ирина пять копеекъ, Осипа Рязанова жена Евдокія пять копеекъ, Василья Шангина жена Екатерина десять копеекъ, чюхченемца Венедикта Шестакова жена Марья десять копеекъ, а всего по сей статьѣ собрано дватцать одинъ алтынъ четырѣ денги.

Сего 1732 года въ разныхъ мѣсяцехъ и числѣхъ у куростровца Василья Прокопьева сына Шапошникова начетныхъ въ ево сотничествѣ и по повелительному заручному тоя волости крестьянъ писму въ церковное строеніе взято девять рублевъ.

1734 года сентября 9 дня куростровецъ ? Яковлевъ сынъ Рычковъ прислалъ отъ куростровца же Василья Ломоносова въ церковное строеніе пять рублевъ; отданы строителю Івану Лопаткину.

1735 года іюня 24 дня отъ Василья Созонова работой принято тринадцать копеекъ. Взяты.

1737 года декабря дня отъ Ивана Іванова сына Кавадѣева взято въ церковное строеніе работою семдесятъ двѣ копейки. Взяты.

Отъ Івана Іванова сына Кавадѣева взято въ церковное строеніе работою семдесятъ двѣ копейки. Взяты.

І всего по сей книгѣ въ приходе семь сотъ семдесятъ три рубля дватцеть копеекъ съ половиною. Подписалъ я Лопаткинъ своею рукою.

Выдержки изъ „Тетради подрядной каменя, кирпича і дровъ Куростровской церкви церковного строителя Івана Лопаткина 1725 года“.[1])

1725 года ноября въ 16 день Ступинской волости Копачевской деревни черносошные крестьяне Дмитрей Кириловъ сынъ Ігумновъ, Екимъ Семеновъ сынъ Симоновыхъ, да Ракулской волости Никифоръ Леонтьевъ сынъ Ивахновыхъ подрядилися мы въ Куростровскую волость у священника Івана Дмитріева и у церковного строителя Івана Василискова Лопаткина къ церковному каменному строенію на обжыгъ кирпича шестьдесятъ саженъ дровъ сосновыхъ самосушныхъ хонтовыхъ добрыхъ негнилыхъ и несуковатыхъ безохулныхъ насѣчь кряжъ и приплавя къ кирпичному дѣлу ко архіерейскимъ кирпичнымъ сараямъ въ полой і выставить на гору на указное мѣсто и обмѣрить втрое аршинную сажень, а длина полѣну три аршина до востряка, а цѣны рядили мы Дмитрей съ товарищи по семи алтынъ по четыре денги за сажень, а напередъ взяли мы двѣнадцать рублевъ тридцать алтынъ денегъ, а досталные отдать, когда мы вышеписанное число дровъ приплавимъ и на указномъ мѣстѣ отведемъ, а

[1]) Документъ хранится въ Архангельскомъ городскомъ музеѣ.

приплавить оные дрова предбудущаго 726 года на троицынъ день, а порукою по намъ въ поставкѣ тѣхъ вышеписанныхъ дровъ нижеподписавшиися. Вмѣсто подрядчиковъ Дмитрея Кирилова сына Игумновыхъ, Екима Семенова сына Симаковыхъ, Никифора Леонтьева сына Ивахновыхъ по ихъ велѣнию Куростровской волости Герасимъ Шерыпинъ руку приложилъ. Вмѣсто порутчика Никиты Васильева сына Шалапанова, что онъ по Дмитрее Игумнове съ товарищи въ поставки шестидесяти саженъ дровъ на указное мѣсто на вышеписанной срокъ і какъ писано выше сего во всемъ ручается, въ томъ по его велѣнію куростровецъ Петръ Пинекскихъ руку приложилъ.

1726 года февраля 4 дня пинѣжане Кузоменского стану Островской деревни черносошные крестьяне Алексѣй Аверкіевъ сынъ Старопоповыхъ, да Григорей Ивановъ сынъ Иконниковъ подрядилися мы въ Куростровскую волость у священника Івана и у церковного строителя Івана Лопаткина къ строенію церкви каменныхъ на крылье кирпичныхъ сараевъ—я Алексѣй подрядился добыть пятдесятъ тесницъ четырехъ саженъ, да пятдесятъ же тесницъ трехъ саженъ, а я Григорей подрядился добыть сто тесницъ четырехъ саженъ, а сажени мѣра и полтретья аршина з двумя вершки, а въ обрубъ весь тотъ вышеписанной тесъ жолобленой въ полшести и вшесть вершковъ пополамъ, толщиною по кромки полтора вершка, а добыть той вышеписанной тесъ намъ подрядчикамъ и приплавить въ Куростровскую волость сего года по первому закрою за лдомъ и поставить на указномъ мѣстѣ, а съ воды на берегъ вынять изъ церковной казны, а тотъ весь вышеписанной тесъ добыть сосновой, самой доброй и не гнилой и не губастой нещелеватой и неперекосой, а найма рядилъ я Алексѣй себѣ на хлѣбъ и на работу за сто тесницъ рубль четыре гривны, а напередъ взялъ при семъ писмѣ тридцать алтынъ, я Григорей рядилъ на сто тесницъ рубль двадцать алтынъ, а напередъ взялъ при семъ писмѣ рубль денегъ, а досталные денги намъ Алексѣю и Григорью довзять, когда мы тотъ вышеписанной тесъ на указной срокъ приплавимъ и противышеписаннаго на число отдалимъ, а порукою по насъ нижеподписавшиися, а буде мы подрядчики вышеписанного тесу недобудемъ и на срокъ не приплавимъ и кирпичному дѣлу остановку учинимъ и на насъ подрядчикахъ и на поручикахъ, кто изъ насъ будетъ въ лицахъ, выбранные денги и съ убытки платить въ церковную казну по ихъ священника и строителя скаски. Вмѣсто подрядчиковъ Алексѣя Аверкиева сына Старопоповыхъ, да Григорья Иванова сына Іконникова по ихъ повелѣнию Михайло Ломоносовъ руку приложилъ. (Далѣе слѣдуютъ подписи поручителей).

1726 года февраля 9 дня Емецкой трети Пиньешенской волости черносошные крестьяне Яковъ Васильевъ сынъ Дроздовъ, Василей Никитинъ сынъ Кобяковыхъ подрядилися мы Куростровской церкви у священника Івана и у строителя Івана Васильева сына Лопаткина къ строенію церкви каменной на крылье кирпичныхъ сараевъ четырѣ ста тесу желобленого четырехъ саженъ, а сажени мѣра полтретье

аршина з двумя вершки, въ обрубъ шесть і въ полшести вершка пополамъ, толщиною по кромки въ полтора вершка, а добыть тотъ тесъ сосновой самой доброй негнилой нещелеватой и неперекосой и приплавить въ Куростровскую волость сего же года по первому скрю и поставить на указное мѣсто, а найма рядили мы подрядчики себѣ на работу по рублю по двадцати алтынъ за сто, а на передъ взяли денегъ при семъ писмѣ мы подрядчики три рубли двадцать алтынъ, а досталные денги два рубля восмь гривенъ намъ подрядчикамъ довзять когда мы подрядчики вышеписанной тесъ на вышеписанной срокъ приплавимъ и на указномъ мѣстѣ отведемъ, а порукою по насъ подрядчикахъ нижеподписавшиися и сами мы Василей і Яковъ другъ по другѣ, а буде мы подрядчики вышеписанного четырехъ сотъ тесу въ вышеписанную мѣру не добудемъ и на срокъ не приплавимъ и на указномъ мѣстѣ не отдадимъ и кирпичному дѣлу остановку учинимъ и церковной казны учинимъ утрату и на насъ подрядчикахъ и на поручикахъ кто изъ насъ будетъ въ лицахъ, тѣ взятые денги и съ убытки платить въ церковную казну по ихъ священника и строителя скаски, а скаски ихъ вѣрить намъ. Вмѣсто подрядчиковъ Якова Васильева сына Дроздова, Василья Никитина сына Кабановыхъ по ихъ велѣнию куростровецъ Федоръ Семеновъ сынъ Катаевыхъ руку приложилъ. Вмѣсто порутчиковъ Загорского стану архіерейскихъ крестьянъ Гаврила Михайлова сына Самочесного да Ивана Григорьева сына Самочесныхъ въ томъ что онѣ по подрядчикахъ по Яковѣ и Васильѣ и въ вышеписанномъ подрядѣ во всемъ ручалися въ томъ по ихъ велѣнию куростровецъ Стефанъ Брехуновъ руку приложилъ.

1726 года іюня 18 дня по сей статье у вышепомянутыхъ у Якова Дроздова да у Василья Кобякова церковной строитель Іванъ Лопаткинъ четыре ста тесу числомъ принялъ, а тотъ тесъ явился плохъ щеловатъ перекосъ і нежелобоватъ і при священникѣ Іванѣ і при мирскихъ людехъ съ ними Дроздовымъ і Кобяковымъ договорилися, что весь тотъ тесъ принять безъ вымету, а ценою договорилися по рублю по восми алтынъ по две денги за сто, а досталнихъ денегъ взяли мы Дроздовъ съ товарищи у него строителя рубль и тринадцать алтынъ две денги і сверхъ того другъ на друге намъ ничего не спрашивать въ томъ по ихъ велѣнию куростровецъ Федоръ Рычковъ і росписался.

Договоры причта, церковнаго строителя, церковныхъ прикащиковъ и выборныхъ прихожанъ Куростровской волости съ подрядчиками о постройкѣ каменной церкви въ ихъ волости.

I

„1727 года майя 25 дня Куреской волости крестьянинъ Петръ Козминъ сынъ Некрасовъ договорился я Петръ Куростровской волости у священниковъ і у церковнаго прикащика Фомы Шубныхъ і у

прихожанъ: у Ивана Кавадѣева, у Ивана Дементьева, у Іакова Рычкова, у Степана Осотина, у Івана Банева и у протчихъ крестьянъ здѣлать въ тое Куростровской волости церковь каменную, какову повелятъ: рвы выкопать, сваи забить, каменемъ забутить и зъ землею сравнять із церковной казны работными людьми, а мнѣ, Петру, при томъ дѣло помогать і быть неотступно, указывать, а поверхъ земли по всѣмъ стѣнамъ кругомъ тѣсанымъ каменемъ по лицу выкласть пять рядовъ, въ томъ числѣ валъ і подвалъ тесать із бутоваго каменю и тѣсаной камень править, а внутрѣ сровнять съ тѣми рядами кирпичемъ или бутовымъ каменемъ мнѣ, Петру, своими каменшики, а снасть: кѣрки, лопатки і молотки держать мнѣ, Петру, своя, а иныя снасти казенныя, а найму рядилъ я, Петръ, у нихъ священниковъ і у строителя і у церковнаго прикащика і у прихожанъ отъ вышеписанного себѣ на работу и на хлѣбъ і на снасти и на каменшиковъ дватцать пять рублевъ денегъ. А на тѣ ряды строить кирпичемъ мнѣ, Петру, своими каменшики добрымъ мастерствомъ по угожеству, каково имъ угодно, а изъ церковной казны въ помочь на извѣстную і песошную і водяную і кирпишную носку и на всякія надлежащія къ тому дѣлу работы давать черноработцевъ по человѣку на каменшика, колько будетъ когда на томъ дѣле моихъ, Петровыхъ, каменшиковыхъ отъ начала і до окончанія; и строить мнѣ, Петру, добрымъ мастерствомъ, двери и окна вытесать противъ образца, каковы у которой церкви они священники і строитель и прихожане покажутъ, а числомъ трои двери, пятнадцать оконъ, да сверхъ того чево они похотятъ—шкаповъ или оконъ прибавить, і мнѣ Петру за тою же рядою строить без отговорки і лѣса подводить і кружала дѣлать і примосты и своды поставить і стѣны сбутить і спуски спустить і осмерня построить полагая по угожеству і на ней шея і въ ней восмь оконъ і на углахъ четырѣ шеи, каковы повелѣны будутъ, лѣса выбирать і своды подмазывать внутрѣ и по вонной сторонѣ і церковь выбѣлить наготово і снасти вышепомянутые такожде мнѣ, Петру, держать свои же, а имъ священникамъ і строителю і церковному прикащику и къ тому дѣлу приготовлять близь того зданія кирпичъ и известь і песокъ и лѣсъ на примосты церковною казною, а буде припасовъ какихъ къ тому строенію не приготовлено будетъ і учинитца остановка, і мнѣ, Петру, на нихъ священникахъ и на церковномъ старостѣ за простой ничево не спрашивать, а какъ припасы приготовлены будутъ, и мнѣ, Петру, работать безо всякой отговорки. А найма рядилъ я Петръ у нихъ священниковъ і у строителя і у церковного прикащика і у прихожанъ себѣ на работу и на хлѣбъ і на снасти і на каменшиковъ и на черноработцовъ, что ежели сверхъ помянутого числа черноработцовъ понадобитце, мнѣ, Петру, больше, і тѣхъ ізлишнихъ изъ церковной казны дать половина, а мнѣ Петру другая половина наймовать своими денгами, и за то за все про все рядилъ по рублю съ тысячи кирпича, сколко издержитце въ то строеніе. Въ задатокъ взяль я Петръ у нихъ священниковъ і у строите-

ля присемъ зговорѣ дватцать пять рублевъ денегъ, а впредь имать по работы смотря, а порукою по мнѣ, Петрѣ, нижеподписавшіяся; а буде я Петръ вышеписаннымъ дѣломъ печаловатца не учну или своимъ нерадѣніемъ и вымысломъ учиню какую поруху і церковной казнѣ убытокъ, і то все на мнѣ Петрѣ і на порутчикѣ моемъ по ихъ священниковъ і строителя і церковного прикащика скаскѣ, а намъ скаскѣ ихъ вѣрить і ни въ чемъ не спорить. Къ сему зговорному писму вмѣсто Петра Козмина сына Некрасова по ево прошенію дому архіерейского подъячей Андрей Корѣлскихъ руку приложилъ".

Далѣе слѣдуютъ росписки подрядчика Петра Некрасова въ полученіи денегъ за работу. Въ числѣ ихъ имѣется слѣдующая: „1730 года генваря 25 дня я же Петръ Некрасовъ принялъ у строителя Івана Лопаткина въ уплату три рубли денегъ. Платежъ подписалъ по велѣнію Петра Некрасова Михайло Ломоносовъ".

II

1731 года апреля 25 дня Двинского уѣзда загорского стану архіерейской крестьянинъ Феодосѣй Івановъ сынъ Авксентьевыхъ, холмогорецъ посацкой человѣкъ Іаковъ Прокопьевъ сынъ Дѣяновъ, куростровецъ Гаврило Мосѣевъ сынъ Верещагинъ договорились мы Куростровской волости у священниковъ і у церковного строителя Івана Лопаткина и у церковного прикащика Семена Овчинникова і у прихожанъ: у Іакова Рычкова, Прокопья Ступинцова, Степана і Іакова Сидоровыхъ, Івана Шишинова, Івана Ушакова, Ильи Лобанова, Федора Степанова и у протчихъ крестьянъ въ той же Куростровской волости вновь строенную церковь каменную достроить сего лѣта, когда онѣ повелятъ, а имянно чрезъ церковь связи желѣзныя по гнѣздамъ положить и закласть, какъ надлежитъ, да въ церкви и въ восмерни кружала выбрать і на восмерни призмы желѣзныя вкласть і укрѣпить и рисовка главамъ и крестамъ по препорцыи учинить, да въ троихъ дверяхъ пороги каменныя вытесать по угожеству и подлить, да на церкве по всѣмъ стѣнамъ десять рядовъ спуски спустить такимъ образцомъ, какъ онѣ повелятъ, а противъ пяти рядовъ своды отопить, а чего не достанетъ кирпича, то бутить каменемъ и дыни здѣлать и гдѣ что поломано или опрѣло, все изладить, а церковь и олтарь: обѣ стороны подмазать и выбѣлить и гнѣзда задѣлать и примосты обрать, а снасть: кѣрки, лопатки и молотки держать намъ подрятчикамъ свои, а иныя снасти казенныя, а припасы приготовлять и на церковь носить кирпичъ, камень, известь, воду изъ церковной казны работными людми, а буди какихъ припасовъ не приготовлено будетъ и учинитца остановка, и намъ подрятчикамъ за простой на нихъ ничего не спрашивать, а какъ припасы приготовятъ и намъ работать безъ всякой отговорки, а найма рядили мы подрятчики отъ вышеписаннаго себѣ на работу и на хлѣбъ и на снасти за все про все пятнадцать рублевъ восмь алтынъ четырѣ денги, да ячменя доб-

рого четырѣ мѣры, а напередъ взяли при семъ зговорѣ пять рублевъ восмь алтынъ четырѣ денги. А впредь имать по работѣ смотря и переводными писмами, а порукою мы подрятчики другъ по друге за единъ человѣкъ, а буде мы подрятчики, какъ онѣ повелятъ, не станемъ строить іли что здѣлаемъ дурно или не по обрасцу или своимъ нерадѣніемъ учинимъ какую поруху, а церковной казнѣ убытокъ, то все на насъ подрятчикахъ, хто будетъ въ лицахъ, по ихъ скаскѣ, а намъ скаскѣ ихъ вѣрить і ни въ чемъ не спорить. Къ сему договорному писму вмѣсто подрятчиковъ Федосѣя Іванова, Іакова Прокопьева, Гаврила Верещагиныхъ по ихъ велѣнию куростровецъ Іванъ Наумовыхъ руку приложилъ".

Далѣе слѣдуютъ росписки подрядчиковъ въ полученіи денегъ за постройку. Въ 3 и 4 роспискахъ говорится слѣдующее:

„Іюня 19 дня подрядчики Федосей Ивановъ сынъ Авксентьевыхъ, Яковъ Прокопьевъ сынъ Дѣяновъ, Гаврило Моссевъ сынъ Верещагинъ по вышеписанному договору, какъ писано выше, церковь каменную достроили і у церковного строителя Івана Лопаткина досталные денги три рубля приняли. Да прихожане приговорили, что потѣшенія ради велѣли дать на вино десять алтынъ, и тѣ денги мы у него Лопаткина приняли же. Въ томъ по ихъ велению дьячекъ церковной Семенъ Сабельниковъ росписался".

„Іюля 16 дня куростровіцу Гаврилу Мосѣеву сыну Верещагину отъ высечки выдры на олтари і отъ правки выдры же около осмерни і отъ задѣлки оставленныхъ пріѣмовъ (?) къ предѣлу і отъ бѣлѣнья по ряде при священникахъ и при мирскихъ людехъ плачено десять алтынъ. Вмѣсто Гаврила Верещагина по его велѣнию Семенъ Катаевъ руку приложилъ".

Выписка изъ протокола Академіи Наукъ отъ 8 Октября 1757 года № 714 по дѣлу о покупкѣ у куростровского крестьянина Осипа Дудина мамонтовой кости.

Сего числа Архангелогородской губерніи Двинскаго Уѣзду, Куростровской волости крестьянинъ Осипъ Христофоровъ сынъ Дудинъ объявилъ въ Канцеляріи кость кривую, названную имъ мамонтовою, въ которой вѣсу дватцать три фунта съ небольшимъ, и оную онъ купилъ въ Мезенѣ въ 1756 году, въ Генварѣ мѣсяцѣ, привезенную изъ Пустозерска Самоятцами, и требуетъ за каждый фунтъ по рублю. Приказали: для великой курьезности кривизны ее купить въ Кунстъ-камеру, и деньги ему, по объявленію ево, за каждый фунтъ по рублю, и того дватцать три рубли выдать изъ книжной лавки отъ расходу Комисара Зборомирскаго, записавъ во расходъ съ роспискою, о чемъ къ Комисару послать Ордеръ, а кость для записки въ каталогъ и храненія отослать въ Кунстъ-камеру при Ордерѣ.

Подписали: Шумахеръ. Михайло Ломоносовъ.
И. Штелинъ. Іванъ Таубертъ.

(Заимствовано изъ книги „Ломоносовъ и Петербургская Академія Наукъ. Матеріалы къ столѣтней памяти его. Сообщилъ К. И. Ламанскій. Москва 1865 г." стр. 116—117).

Преданія о М. В .Ломоносовѣ на его родинѣ, въ Холмогорскомъ уѣздѣ.

1

(Записано С. В. Максимовымъ).

„Михайло Васильевичъ, выѣзжая съ отцомъ своимъ на Мурманъ, собиралъ здѣсь изъ мальчишекъ артели и ходилъ вмѣстѣ съ ними за морошкой: нагребетъ онъ этихъ ягодъ въ обѣ руки, да и опроситъ ребятишекъ:“ сколько-де ягодъ въ каждой горсти?“ Никто ему отвѣта не сможетъ дать, а онъ дастъ и изъ ягодки въ ягодку, вѣрнымъ счетомъ. Всѣ дивились тому и другъ дружкѣ разсказывали: онъ то самъ въ этомъ и хитрости для себя никакой не полагалъ, да [illegible] и на другихъ ребятъ сердился, что-де они такъ не могутъ. Сталъ онъ проситься у отца въ Москву въ науку: знать, Мурманъ—онъ ему поперекъ стоялъ въ горлѣ. Не пустили. Онъ и сбѣжалъ, одинъ сбѣжалъ, такъ и въ ревизскихъ сказкахъ показанъ.

На дорогѣ онъ и фамилію себѣ новую придумалъ, назвался Ломоносовымъ, а прежде прозывался Дорофеевымъ. Родныхъ онъ своихъ не зналъ и не воспоминалъ объ нихъ. Когда отецъ его утонулъ на рыбныхъ промыслахъ въ устьяхъ Двины и самъ онъ былъ уже въ Питерѣ въ большой чести и славѣ, выписалъ къ себѣ сестру съ мужемъ. Сестру онъ свою въ Питерѣ сажалъ съ собой рядомъ, куда ни поѣдетъ: въ саняхъ ли, въ каретѣ ли, а зятя становилъ на запятки. Сестра его этимъ поскучала, да разъ и выговорила: „не прилика-де мнѣ съ тобой рядомъ сидѣть, когда мужъ мой на запяткахъ стоитъ“. Послушался; сталъ и зятя сажать съ собой рядомъ.

Да запибалъ, слышь, крѣпко: тѣмъ-де и померъ... Ну, да опять же до янарала дослужился, янараломъ былъ“.

(Максимовъ. „Годъ на Сѣверѣ“. М. 1890 г. стр. 672—673 .

2.

(Записано А. Михайловымъ).

„Человѣкъ этотъ тучи рукою отводилъ, противу Божія повелѣнія, значитъ, шелъ; вотъ Богъ-отъ его за то и наказалъ: камнемъ носъ ему перешибъ. Потому, значитъ, и Ломоносовымъ прозывается“.

(Михайловъ. „Очерки природы и быта Бѣломорскаго края Россіи“. С. П. Б. 1868 г. стр. 33).

3.

(Записано П. С. Ефименкомъ).

„Однажды, когда надъ Петербургомъ нависла грозная туча, Императрица Екатерина 2-я приказала Ломоносову отвести эту тучу. Ломоносовъ долго отказывался: что это де не по силамъ его, наконецъ послушался. Какъ только сталъ отводить тучу, разразилась гроза и убила его“.

(Ефименко. „Нѣсколько имущественныхъ актовъ крестьянъ Ломоносовыхъ“ —Архангельскія Губ. Вѣдомости за 1868 г. № 4).

4.

„Страшная грозная туча плыла на Питеръ, которому сулила бѣдъ еще и морянка (вѣтеръ съ моря). Царица Екатерина Вторая перепугалась и, призвавъ Михайлу Васильевича, приказала отогнать тучу и морянку отъ столицы. Сталъ Ломоносовъ колдовать, да громъ ударилъ и молнія поразила Михайлу Васильевича. Вотъ каковъ его былъ конецъ".

(Русскій Архивъ за 1910 годъ, № 12, стр. 684).

Рѣчь Архангельскаго Губернатора Я. Ф. Ганскау въ общемъ собраніи Архангельской Городской Думы 20 Января 1825 года, съ приглашеніемъ къ пожертвованіямъ на сооруженіе памятника М. В. Ломоносову въ гор. Архангельскѣ.

Почтеннѣйшіе Граждане!

Его Преосвященство Неофитъ, Епископъ Архангельскій и Холмогорскій, почтеннѣйшимъ отношеніемъ сообщилъ мнѣ, что онъ, со вступленія на епархію, держалъ всегда мысль о сооруженіи въ Архангельскѣ памятника первому россійскому стихотворцу, оратору и философу Ломоносову, который своимъ рожденіемъ приноситъ честь здѣшней странѣ Сѣвера, причемъ просилъ меня предложить о томъ здѣшнему благотворительному обществу, изъявившему многократно готовность на разнаго рода пожертвованія.

Здѣшній господинъ Генералъ-Губернаторъ Степанъ Ивановичъ Миницкій, движимъ будучи честію и благотвореніемъ, первый изъявилъ душевное желаніе быть участникомъ къ исполненію сей благой цѣли, пожертвовавъ значительную сумму, вмѣстѣ съ чѣмъ также поручилъ мнѣ объявить обществу о предполагаемомъ предпріятіи.

Принявъ отъ главныхъ здѣшнихъ особъ лестное порученіе, съ неизъяснимымъ удовольствіемъ и благодарностью, спѣшу явиться къ Вамъ, почтеннѣйшіе граждане, съ тѣми же чувствами къ исполненію сего предпріятія, какія, конечно, въ каждомъ изъ Васъ найду; я въ томъ несомнѣнно увѣренъ, ибо недавно еще нахожусь въ кругу Вашемъ, а уже былъ свидѣтелемъ чрезвычайныхъ Вашихъ пожертвованій на разные предметы. Вы удѣлили изъ небольшого достоянія своего бѣднымъ раззореннымъ жителямъ С.-Петербурга, болѣе чѣмъ отъ Васъ ожидать можно было. Вы добровольно взнесли въ городовую думу для пользы и украшенія города въ восемь разъ болѣе, чѣмъ положено и Вы всѣмъ несчастнымъ удѣляете. Судя по сему, какъ не надѣяться, что каждый изъ Васъ изъявитъ готовность по возможности быть участникомъ къ сооруженію приличнаго памятника знаме-

нитому Ломоносову, коего судьбамъ Божіимъ угодно было произвести на свѣтъ подъ небомъ Архангельской губерніи, что самое будетъ служить къ чести и славѣ добрыхъ гражданъ архангельцевъ, умѣющихъ цѣнить отличные таланты, достоинства и заслуги сего ученаго и добродѣтельнаго мужа, коему весь свѣтъ отдаетъ должное уваженіе. Итакъ, добрые граждане, съ лестною надеждою готовности Вашей, прилагаю здѣсь листъ, на которомъ прошу желающихъ подписать имя свое, съ означеніемъ количества жертвуемой суммы, причемъ долгомъ поставляю присовокупить, что всякій даръ приношенія, хотя бы весьма незначительный, Его Высокопревосходительство и Его Преосвященство съ истинною благодарностію примутъ и имена благотворителей, съ означеніемъ количества суммы, будутъ напечатаны въ разныхъ вѣдомостяхъ.

Далѣе скажу, что памятникъ будетъ сооруженъ приличіемъ, красотою и цѣнностью соотвѣтственно собранной суммы.

Первыя пожертвованія, поступившія въ г. Архангельскѣ на сооруженіе памятника Ломоносову: Аѳанасій Амосовъ двѣсти рублей, Егоръ Классенъ сто рублей, Г. Молво сто рублей, Степанъ Поповъ двадцать рублей Герасимъ Бѣлыхъ сто рублей, Яковъ Онегинъ пятьдесятъ рублей, Николай Луговой двадцать рублей, Василій Карбасниковъ двадцать пять рублей, Иванъ Демидовъ двадцать пять рублей, Михайло Полежаевъ двадцать пять рублей, Алексѣй Стерлядкинъ двадцать пять рублей, Александръ Сидоровъ десять рублей, Л. Штопъ двадцать рублей, Борисъ Родди двадцать рублей, Карлъ Ротерсъ двадцать рублей, Иванъ Крысаковъ пять рублей, Александръ Пятунниковъ двадцать рублей, Джонъ Панстонъ двадцать рублей, Іоганъ Гамерманъ двадцать рублей, Іеккеръ Амбургеръ сто рублей, Василій Бреховъ десять руб., Андрей Ротерсъ десять руб., отъ Архангельскаго мѣщанскаго общества триста руб., Петръ Маляхинской пятьдесятъ руб., Андрей Долгошеинъ пятьдесятъ руб., Андрей Пановъ десять руб., Вильгельмъ Брантъ двѣсти руб., Иванъ Гернетъ десять руб., Алексѣй Пятунниковъ десять руб., Христіанъ Грель двѣсти рублей, Иванъ Штутцеръ двадцать руб., Матфей Чернышевъ двадцать пять рублей, Иванъ Шундеръ двадцать пять руб., Акимъ Спиридоновъ десять руб., Мозесъ Клафтонъ десять руб., Егоръ Гернетъ десять руб., Карлъ Морганъ двадцать пять руб.. Мейеръ десять руб., Семенъ Бурачкинъ десять руб., Петръ Куйкинъ двадцать пять руб., Алексѣй Головинъ десять руб., Алексѣй Черепановъ десять рублей, Михайло Андреевъ Собининъ пять руб., Андрей Куницынъ пять руб., Иванъ Денисовъ пять руб., Иванъ Ретькинъ пять руб., Михайло Каргополовъ пять руб., Илья Шубной пятнадцать руб., Андрей Ерюхинъ пять руб., Матвѣй Засухинъ пять руб., Иванъ Скудельниковъ пять руб., Иванъ Швецовъ пять рублей, Иванъ Вакоринъ пять рублей, Алексѣй Цываревъ десять рублей, Абрамъ Руссатье пять рублей, Григорій

Панинъ пять рублей, Андрей Антуфьевъ пять рублей, Федоръ Поповъ пять руб., Тихонъ Собининъ десять руб., Ксенофонтъ Сидоровъ пять руб., Викулъ Добрынской десять руб., Яковъ Соболевъ десять руб., Василій Пятунниковъ десять руб.

Итого 2105 руб.

Къ біографическимъ свѣдѣніямъ о М. В. Ломоносовѣ.

(*Его жизнь на родинѣ*).

„До насъ дошли о Ломоносовѣ скудныя и ничтожныя извѣстія“, говоритъ одинъ изъ самыхъ серьезныхъ изслѣдователей о жизни знаменитаго уроженца нашего Сѣвера, академикъ В. И. Ламанскій [1]). Эти слова особенно должно сказать о первоначальномъ періодѣ жизни Ломоносова—на родинѣ, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство, отрочество и юность до 19-лѣтняго возраста включительно. Здѣсь мы имѣемъ не только скудныя, но и неточныя и разнорѣчивыя свѣдѣнія. Неизвѣстна, напр., документальная и точная дата его рожденія, и указанія біографовъ разнятся между собою на шесть лѣтъ: по первоначально собраннымъ свѣдѣніямъ, „....Ломоносовъ родился въ 1709 г.“ [2]); позднѣйшіе изслѣдователи относятъ эту дату къ 1710 [3]), къ 1712 [4]) и даже къ 1715 году [5]). По мнѣнію однихъ, „онъ лишился матери въ нѣжномъ возрастѣ“, такъ что не осталось, по видимому, „какихъ бы то ни было слѣдовъ ея образа въ душѣ впечатлительнаго ребенка“ [6]); по указанію другихъ, она была жива, когда сыну ея было болѣе 12-ти лѣтъ, и подъ ея вліяніемъ онъ оставилъ расколъ, которымъ въ это время увлекся [7]). По словамъ однихъ, обученіе Ломоносова грамотѣ началось, когда онъ былъ уже „взрослымъ“ [8]), „лѣтъ 18“ [9]), даже—„близъ 20“ [10])), а по свѣдѣніямъ мѣстнаго біографа—о. А. Грандилевскаго—Ломоносовъ „уже *шести* лѣтъ навыкъ читать и кое-какъ писать“ [11])...

---

[1]) „М. В. Ломоносовъ“, біогр. очеркъ, СПБ., 1864 г., стр. 14.

[2]) „Путешествія И. Лепехина“, СПБ., 1805 г., стр. 299.

[3]) Ламанскій, op. cit., стр. 27; Труд. Арх. Ст. Ком. 1866 г., стр. 2.

[4]) Сосницкій, А., „М. В. Л—въ“, біогр. оч. 1898, стр. 3; Полевой, „Ист. русск. слов.“ СПБ. 1910 г., стр. 502; Избр. соч. Л—ва, изд. Павленкова, стр. 1.

[5]) Пекарскій, „Истор. Акад. Наукъ“. 1879 г. т. 11, стр. 267.

[6]) Сосницкій, op. cit., стр. 2; Львовичъ-Кострица, „М. В. Л—въ“, 1893 г., стр. 8.

[7]) Ламанскій, op. cit., стр. 28; Тр. Арх. Ст. Ком. 1866 г., стр. 2.

[8]) Лепехинъ, op. cit., стр. 300; Ламанскій—ibid.

[9]) Полевой, op. cit., стр. 502.

[10]) Лепехинъ, ibid.

[11]) „Изв. Арх. Общ. изуч. Русск. Сѣв.“ 1910 г., № 13, стр. 44.

Почти всѣ изслѣдователи въ описаніи первоначальнаго періода жизни М. В. Ломоносова пользуются главнымъ образомъ немногими и отчасти не совсѣмъ точными и вѣрными свѣдѣніями, собранными въ 1788 г. и помѣщенными въ запискахъ о путешествіи академика И. И. Лепехина, изданныхъ въ 1805 г. Автобіографическихъ указаній и воспоминаній, относящихся къ упомянутому періоду, въ сочиненіяхъ и письмахъ Ломоносова также весьма мало, и они не отличаются опредѣленностью. О. А. Грандилевскій, излагая въ концѣ своей обширной статьи „Родина Ломоносова“ нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣтствѣ и отрочествѣ геніальнаго Куростровскаго уроженца, руководится главнымъ образомъ „мѣстными преданіями“ и „разсказами старожиловъ“, но говоритъ объ этихъ источникахъ, что въ нихъ „вездѣ сквозитъ неточность, произволъ, отсутствіе серьезныхъ доводовъ“[12])... Таково положеніе свѣдѣній о первоначальномъ періодѣ жизни М. В. Ломоносова на его родинѣ, тѣмъ болѣе для насъ, сѣверянъ, интереснымъ, что въ этомъ именно періодѣ обрисовались въ немъ тѣ черты его характера, которыми руководился онъ въ теченіе всей послѣдующей своей дѣятельности. И, что особенно печально, нѣтъ, кажется, надежды, чтобы эти свѣдѣнія явились въ болѣе полномъ и правдивомъ видѣ и представили живую и цѣльную картину обстоятельствъ жизни, радостей и печалей, думъ и стремленій возраставшаго Ломоносова.

Вышеуказанныя, а также и другія разнорѣчія въ свѣдѣніяхъ о первоначальномъ періодѣ жизни М. В. Ломоносова на родинѣ и—съ другой стороны—возможность внести нѣкоторыя, правда—неважныя, но быть можетъ нелишнія дополненія и поправки побудили насъ еще разъ пересмотрѣть данныя, относящіяся къ упомянутому періоду жизни великаго нашего земляка. Большинство изслѣдователей, въ виду скудости и неточности данныхъ, мало удѣляетъ вниманія фактическому матеріалу изъ исторіи дѣтства и отрочества Ломоносова и ограничивается общими и краткими свѣдѣніями. Наиболѣе вѣрныя и сравнительно подробныя свѣдѣнія собраны въ „Исторіи Академіи Наукъ“ Пекарскаго; изъ отдѣльныхъ же изданій—въ біографическомъ очеркѣ А. І. Львовича-Кострицы—„М. В. Ломоносовъ—его жизнь и дѣятельность“ (СПБ., 1893 г.). Что-же касается очерка о. А. Н. Грандилевскаго, написаннаго на основаніи мѣстныхъ преданій и разсказовъ старожиловъ и спеціально посвященнаго „дѣтству и отрочеству“ Ломоносова, то, хотя очеркъ этотъ изложенъ живо и, пожалуй, картинно, но фактическій матеріалъ его во многихъ случаяхъ противорѣчитъ историческимъ даннымъ...

Во второй половинѣ XVII вѣка въ Куростровѣ существовали двѣ линіи фамиліи Ломоносовыхъ, при чемъ родъ Михаила Васильевича, происходившій отъ дѣда его Дороѳея, составлялъ, видимо, младшую линію этой фамиліи. Къ старшей линіи принадлежали Лука Леонтьевъ Ломоносовъ, сыновья его Ѳедоръ и Иванъ и внукъ Никита. Лука

[12]) Ibid., № 10, стр. 35, примѣч.

Леонтьевъ, какъ видно изъ свѣдѣній „о родѣ Ломоносова“, собранныхъ академикомъ Лепехинымъ, родился въ 1645—1646 г. и скончался 81-лѣтнимъ старцемъ—30 марта 1727 г.,—переживъ своихъ дѣтей и внука. Въ какихъ именно родственныхъ отношеніяхъ находились Лука Леонтьевъ и его потомство къ роду Михаила Васильевича —точныхъ указаній нѣтъ [13]); но на родственную ихъ связь указываетъ между прочимъ то обстоятельство, что Лука Леонтьевъ и отецъ Михаила Васильевича—Василій Дороѳеевъ совмѣстно владѣли обширнымъ участкомъ сѣнокосной земли, который они совмѣстно продали въ 1714 г. за 10 рублей. Въ сохранившемся документѣ относительно этой продажи они писали: „і въ очищеньи тое продажи отъ всякихъ письмянныхъ крѣпостей і отъ сродцевъ (нашихъ) і отъ стороннихъ людей мы—продавцы—своими деньгами“ [14])... Такимъ образомъ, кромѣ узъ родства они соединены были между собою нѣкоторыми юридическими обязательствами, которыя ставили ихъ въ ближайшія отношенія другъ съ другомъ.

Въ теченіе своей 80-лѣтней жизни Лука Ломоносовъ испыталъ немало перемѣнъ и обстоятельствъ личныхъ и семейныхъ и, переживъ пять царствованій, видѣлъ немало событій общественныхъ и государственныхъ. Нравственный обликъ его очерчивается почти такъ же, какъ и обликъ Василія Дороѳеевича: „грамотѣ былъ не ученъ“, но грамотность цѣнилъ, собою былъ „добросердеченъ и простосовѣстливъ“. По обычаю, лѣтъ около 20 вступилъ онъ въ бракъ, а въ 40 съ небольшимъ лѣтъ былъ уже дѣдомъ. Женивъ въ обычное время своего старшаго сына Ѳедора, онъ, однако, вскорѣ его лишился и долженъ былъ взять на свое попеченіе молодую вдову-невѣстку и маленькаго внука Никиту. Младшій сынъ его и внукъ Никита были обучены грамотѣ и отличались даровитостью, особенно послѣдній. Когда въ 1702 г. Лукѣ Ломоносову пришлось прибѣгнуть къ займу 20 рублей подъ закладъ „своего владѣнья... поля орамой земли“, то „закладную кабалу писалъ“ по всѣмъ правиламъ тогдашней юрисдикціи, „по велѣнію отца своего сынъ его Іванъ“, а подписалъ „вмѣсто дѣдка своего Луки Ломоносова по его велѣнію внукъ его Никита Ѳедоровъ“ [15]), тоторому въ это время не могло быть болѣе 13—14 лѣтъ. Въ общемъ Лука былъ изъ числа людей зажиточныхъ и степенныхъ: сохранился документъ, изъ котораго видно, что въ 1698 г. двое односельчанъ Луки, Дементій и Панкратъ Чюрносовы, занимали у него подъ закладъ „поля орамой земли“ 20 рублей; закладъ этотъ не былъ выкупленъ въ срокъ и поле поступило въ собственность кредитора [16]). Въ 1701

---

[13]) Не былъ ли Лука Леонтьевъ старшимъ братомъ Дороѳея Ломоносова? Если бы это предположеніе оправдалось, то Лука приходился бы роднымъ дядей Василію и двоюроднымъ дѣдомъ Михаилу—Ломоносовымъ. Опредѣлилось бы родство и остальныхъ членовъ этой фамиліи. Тогда, быть можетъ, оказалось бы, что и родоначальникомъ фамиліи былъ Леонтій, имѣвшій почему либо прозвище „Ломаный носъ“.

[14]) Подлинный документъ - въ Арханг. город. публ. музеѣ.

[15]) Документъ—въ Арханг. город. музеѣ.

[16]) Тамъ-же.

году онъ, по выбору прихожанъ и по „памяти“ изъ Холмогорскаго архіерейскаго казеннаго приказа, состоялъ мѣстнымъ церковнымъ старостой [17]). Въ 1705 г. мы видимъ его уже „двинскимъ земскимъ старостой“—вмѣстѣ съ односельчаниномъ Иваномъ Леонтьевымъ—при „бурмистрахъ“ Василіи Жеребцовѣ и Иванѣ Звягинѣ. При исполненіи этой должности ему, однако, пришлось пострадать вслѣдствіе „своей простосовѣстливости“ и неграмотности. Въ земскихъ расходныхъ книгахъ его службы, между прочимъ, значилось, что „за подъячихъ плачено переводныхъ горожанину Ивану Ѳедорову сыну Попову 30 рублей, а расписки его Ивановой въ тѣхъ деньгахъ подъ тою статьею въ книгахъ не написано“. Вслѣдствіе этого деньги, 30 рублей, были взыскиваемы съ Луки Ломоносова и его товарища: они были поставлены „на правежъ“. Такъ какъ и послѣ 15 дней „правежа“ они „въ тотъ искъ ничего не платили“, то сдѣлано было распоряженіе—оцѣнить ихъ пожитки и деревенскіе жеребья [18]). Здѣсь то и помогъ надо полагать, Лукѣ Леонтьевичу Василій Дороѳеевичъ, согласившись продать въ 1714 г. ихъ совмѣстное владѣніе—„ложню сѣнныхъ покосовъ“ за 10 р., которые и пошли въ уплату взыскиваемой суммы.

Младшій сынъ Луки Ломоносова, Иванъ, былъ также недолговѣченъ: онъ умеръ 7-го декабря 1720 г., будучи бездѣтнымъ, но оставивъ жену, которая затѣмъ проживала въ семьѣ его отца [19]). Внукъ —Никита Ломоносовъ жилъ въ это время въ Архангельскѣ и былъ настолько развитъ, что занималъ должность подъячаго Архангелогородской портовой таможни. Природныя дарованія влекли его дальше, и въ началѣ 1725 г. мы видимъ его вмѣстѣ съ двумя товарищами—Яковомъ Лыскинымъ и Василіемъ Ѳоминымъ въ новой столицѣ Россійской имперіи—С.-Петербургѣ. Здѣсь, однако, они пробыли недолго: занявъ 26 апрѣля у иноземца Франца Фондорта 30 рублей, обязавшись уплатить ихъ въ Архангельскѣ „купецкому человѣку Логину Бекану“, вѣроятно, довѣренному, Фондорта, они возвратились въ Архангельскъ, гдѣ чрезъ полтора года, 8 декабря 1726 г., Никита Ломоносовъ скончался, не оставивъ наслѣдниковъ. Вдова его чрезъ нѣсколько времени вышла замужъ за капитана Григорія Воробьева [20]), и старшая линія фамиліи Ломоносовыхъ пресѣклась. Сынъ и внукъ были воспитаны Лукою Ломоносовымъ въ добромъ направленіи и были привержены къ церкви: въ сохранившейся духовной росписи по Куростровскому приходу за 1719 г. они оба значатся исполнившими христіанскій долгъ исповѣди и св. причащенія. Всѣ вообще Ломоносовы, а особенно Василій Дороѳеичъ, съ выдающимся усердіемъ относились къ постройкѣ каменнаго существующаго и нынѣ Куростровскаго храма; въ записной книгѣ значатся на этотъ предметъ собранныя и Никитою Ломоносовымъ при Архангельской таможнѣ 50 к. и

---

[17]) Документъ—въ Арханг. епарх. древнехранилищѣ.
[18]) Дѣло архива Арханг. губ. правл. по 1-ой описи № 279.
[19]) Дух. роспись за 1728 г.—въ Арханг. епарх. древнехранилищѣ.
[20]) Дѣло архива губ. правл. по 1-й описи № 722.

пожертвованные вдовой Ивана Ломоносова, Натальей, „въ поминовеніе усопшаго Іоанна“ 1½ рубля [21]). А поѣздка Никиты Ломоносова въ новосозданную Преобразователемъ Россіи столицу показываетъ, что онъ, хотя, быть можетъ—и не обладалъ энергіей своего подроставшаго даровитаго сородича, но также имѣлъ немалое стремленіе видѣть и знать больше, чѣмъ представляли не только Куростровъ и Холмогоры, но и г. Архангельскъ, гдѣ еще недавно сосредоточивались русскія торговыя сношенія съ иностранцами.

Кромѣ упомянутыхъ родственниковъ Михаила Васильевича, носившихъ фамилію Ломоносовыхъ, по мѣстному преданію, упоминаемому о. А. Грандилевскимъ, въ родствѣ съ Ломоносовыми находилась фамилія Дороѳеевыхъ; преданіе это говоритъ даже, что фамилія Дороѳеевыхъ была давнею и коренною, одна изъ вѣтвей которой получила „уличное прозвище Ломоносовыхъ въ наиболѣе позднее время“ [22]). Мы съ своей стороны можемъ сказать только, что въ бывшихъ у насъ документахъ по Куростровскому приходу за вторую половину XVII вѣка упоминаніе фамиліи Дороѳеевыхъ не встрѣчалось, но въ приходо-расходной книгѣ холмогорскаго архіерейскаго дома за 1715 г. нашлась слѣдующая запись: „плачено Василію Дороѳееву за взятый на пивное варенье ячный солодъ 10 руб.“ [23]). Затѣмъ въ записной книгѣ поступленій на построеніе каменнаго куростровскаго храма, заведенной въ 1725 г., въ числѣ наиболѣе усердныхъ жертвователей значатся Василій Дороѳеевъ, Архангельскаго кружечнаго двора подъячій Степанъ Васильевъ Дороѳеевъ, Холмогорскій таможенный подъячій Василій Васильевъ Дороѳеевъ и подканцеляристъ Архангельской внутренней таможни Иванъ Васильевъ Дороѳеевъ [24]). Наконецъ, въ духовной росписи по Куростровскому приходу за 1728 г. сказано, что „канцелярскій подъячій Василій Дороѳеевъ“ съ сыновьями Степаномъ и Василіемъ и „таможенный подъячій Иванъ Дороѳеевъ“ съ домами своими живутъ „у города Архангельскаго“ [25]). Такимъ образомъ всѣ, повидимому, Дороѳеевы въ 20-хъ годахъ XVIII столѣтія жили и занимали чиновническія должности; слѣдовательно, были люди не только грамотные, но и способные, даровитые, развитые. Примѣчательно, что пребываніе въ Архангельскѣ и особенно служба большинства ихъ въ таможнѣ падаютъ на одно время съ Никитою Ломоносовымъ; не заключается ли въ этомъ обстоятельствѣ указанія, что Дороѳеевы, дѣйствительно, были въ родствѣ съ Ломоносовыми и помогали другъ другу?. Во всякомъ случаѣ, Дороѳеевы, состоя на службѣ въ таможнѣ вмѣстѣ съ Никитой Ломоносовымъ, имѣли близкое отношеніе и къ отцу Михаила Васильевича—Василію Ломоносову, который „промыселъ имѣлъ на морѣ по Мурманскому берегу и въ другихъ примор-

---

[21]) Книга записная приходная... въ церк. кам. строеніе съ 1725 г. л. 19 об.—въ Арханг. городск. музеѣ.

[22]) „Извѣстія Арх. Общ. изуч. Русск. Сѣв.“ 1910 г. № 13, стр. 38.

[23]) Книга—въ Арханг. епарх. древнехранилищѣ.

[24]) Книга—въ Арханг. городск. музеѣ.

[25]) Въ Арханг. епарх. древнехранилищѣ.

скихъ мѣстахъ для лову рыбы, трески и палтусины на своихъ судахъ“[26]) и долженъ былъ вносить въ таможню судовыя и промысловыя пошлины, получать „пропуски“ и разрѣшенія и т. п. И мы, дѣйствительно, видимъ Василія Ломоносова нерѣдко проживающимъ въ Архангельскѣ, откуда онъ напр. посылаетъ въ Куростровъ на церковное строеніе то «собранные имъ на лодьяхъ 1 р. 9 алтынъ», то свои собственные „5 рублей“ [27]); а съ нимъ „сынъ его, Михайло Васильевичъ Ломоносовъ... ходилъ неоднократно въ море“, бывалъ и проживалъ въ Архангельскѣ у своихъ родственниковъ, наблюдая ихъ жизнь и дѣятельность.

Непосредственными воспитателями Михаила Васильевича были, конечно, его родители. Отецъ его Василій Дорофеевичъ—родился, какъ можно судить по показанію сказки 1719 года, въ 1681 г., но о родителяхъ его не сохранилось какихъ либо свѣдѣній, и есть основаніе полагать, что онъ, рано лишившись отца, росъ сиротою. Одною изъ характеристическихъ чертъ его указывается та, что онъ былъ „къ сиротамъ податливъ“: возможно, что, пройдя горькую долю сиротства съ малыхъ лѣтъ, онъ не остался равнодушнымъ къ судьбѣ другихъ сиротъ. Въ его сиротствѣ также можно видѣть причину того, что онъ остался грамотѣ „не ученъ“ [28]), между тѣмъ какъ грамотность въ его время была довольно распространена, и ближайшіе его родственники и сверстники, какъ напр. Иванъ Ломоносовъ, были грамотны. Вынужденный съ малыхъ лѣтъ заботиться о себѣ и быть можетъ о своей матери, Василій Ломоносовъ выработалъ въ себѣ выдающееся трудолюбіе, предпріимчивость, отвагу. „Кровавымъ потомъ“, по его собственному признанію, „нажилъ онъ довольство“—довольныя средства къ жизни—„по тамошнему состоянію“ [29]), „имѣлъ промыселъ“, какъ мы уже упоминали, на морѣ, по Мурманскому берегу и въ другихъ приморскихъ мѣстахъ... на своихъ судахъ, „изъ коихъ въ одно время имѣлъ немалой величины гуккоръ съ корабельною оснасткой“. Въ жизнеописаніи Ломоносова при академическомъ изданіи его сочиненій 1784 г. сообщается, что Василій Ломоносовъ „первый изъ жителей сего края состроилъ и по европейски оснастилъ на рѣкѣ Двинѣ подъ своимъ селеніемъ галіотъ, прозвалъ его „Чайкою“ и ходилъ на немъ по Бѣлому морю и Сѣверному океану... въ Колу, Кильдинъ, по берегамъ Лапландіи, Самояди, на рѣку Мезень и въ Пустозерскъ“[30]).

Эти свѣдѣнія показываютъ, что отецъ геніальнаго нашего зэмляка былъ человѣкъ дѣятельный, энергичный, наблюдательный, прогрессивный въ сферѣ своей дѣятельности и что, несмотря на свою неграмотность, не можетъ быть названъ „воспитаннымъ въ крайнемъ невѣжествѣ“, какъ выразился однажды о немъ его ученый сынъ [31]). При этомъ Василій Ломоносовъ былъ „простосовѣстенъ, съ сосѣдями об-

---

[26]) Лепехинъ, op. cit., стр. 299.
[27]) Книга записная приходная, л. 18 и др.
[28]) Лепехинъ, op. cit., стр. 299.
[29]) Письмо Ломоносова къ Шувалову отъ 10 мая 1753.
[30]) Львовичъ-Кострица, op. cit., стр. 7.
[31]) Письмо Ломоносова къ Шувалову отъ 31 мая 1753 г.

ходителенъ", „по натурѣ добръ", весьма религіозенъ [32]) и приверженъ къ церкви. Онъ больше всѣхъ своихъ односельчанъ заботился о построеніи каменнаго Куростровскагс храма, нѣсколько разъ жертвовалъ на этотъ предметъ изъ своихъ средствъ—всего—до 18 рублей (около 350 рублей на наши деньги) и собиралъ пожертвованія какъ въ Архангельскѣ „на лодьяхъ", такъ даже и у себя въ домѣ при семейныхъ торжествахъ [33]). Онъ водилъ знакомство съ людьми грамотными, состоятельными и съ духовенствомъ, принималъ замѣтное участіе въ церковно-приходскихъ дѣлахъ и въ числѣ первыхъ хлопоталъ въ 1735 г. объ отводѣ земли во владѣніе вновь опредѣленному въ Куростровскій приходъ діакону.

Вообще Василій Ломоносовъ былъ личностью далеко не заурядною и можно вполнѣ утверждать, что даровитый сынъ его многія черты своего нравственнаго облика унаслѣдовалъ отъ своего стца, при чемъ здѣсь имѣли значеніе не только естественное преемство, но и личный примѣръ и наставленіе.

Василій Ломоносовъ былъ женатъ три раза: первой его женою и матерью единственнаго сына его Михаила была „Елена Иванова, дочь Николаевской Матигорской волости *бывшаго* діакона Ивана" [34]). О. Грандилевскій высказываетъ сожалѣніе, что имя матери Михаила Ломоносова—вѣроятно—въ мѣстныхъ преданіяхъ „забыто", но говоритъ, что „она была дочерью приходскаго дьячка изъ Матигорскаго селенія", и что „вѣроятная фамилія ея была, какъ можно предполагать по нѣкоторымъ даннымъ, Ивановская"... [35]). Однако имя матери Михаила Васильевича извѣстно со времени первыхъ біографическихъ изысканій о немъ, сдѣланныхъ въ 1788 году, внесено почти во всѣ біографіи Ломоносова и подтверждается сохранившейся духовной росписью по Куростровскому приходу за 1719 г. въ которой она также названа „Еленой" [36]). Что касается званія и фамилии ея отца, то на это имѣются слѣдующія данныя: въ 90-хъ годахъ въ Николаевскихъ Матигорахъ былъ дѣйствительно діаконъ Иванъ Ивановъ, который въ —1693 и 1694 г.г.—неоднократно подписывался за неграмотныхъ въ книгѣ для раздачи жалованья по холмогорскому архіерейскому дому[37]). Но 26 сентября 1708 г. на мѣсто умершаго „въ прошлыхъ годѣхъ" діакона Николаевскихъ Матигоръ Ивана Сивкова опредѣленъ былъ изъ архіерейскихъ подьяковъ Петръ Семеновъ; изъ сохранившихся документовъ по дѣлу объ отведеніи земли вновь опредѣленному діакону видно, что умершій діаконъ Иванъ Сивковъ былъ поставленъ въ Матигоры преосвященнымъ архіепископомъ Аѳанасіемъ и владѣлъ по его распоряженію „церковною тяглою землей", съ которой „тягло

---

[32]) Въ обѣихъ сохранившихся дух. росписяхъ—за 1719 и 1728 г. онъ значится исполнившимъ христіанскій долгъ исповѣди и причастія.
[33]) Книга, записная... приходная 1725 и послѣд. годовъ.
[34]) Лепехинъ, op. cit. стр. 302.
[35]) „Извѣстія Арх. Общ. изуч. Рус. Сѣв." 1910, № 13, стр. 41.
[36]) Документъ – въ Арх. епарх. древнехранилищѣ.
[37]) Тамъ-же.

платили изъ церковной Николаевской казны“ [38]). Ткким образомъ устанавливается, что Елена Ивановна была дочь Матигорскаго діакона, а не дьячка, и что дѣвическая фамилія ея была Сивкова, а не Ивановская; затѣмъ подтверждается, что когда она выходила замужъ за Василія Ломоносова, то отца ея уже не было въ живыхъ. А это обстоятельство въ свою очередь показываетъ, что бракъ ихъ состоялся не „около 1703 г.“, какъ предполагаетъ о. Грандилевскій [39]), а не ранѣе 1708 г., вѣроятнѣе же—1709 или даже въ 1710 году, что и будетъ согласоваться со временемъ рожденія перваго и единственнаго ихъ сына Михаила. Совершенно невѣрно также утвержденіе о. Грандилевскаго, что у Василія и Елены Ломоносовыхъ была еще старшая дочь Марія, родившаяся на шесть лѣтъ ранѣе Михаила: дочь Марія, дѣйствительно была у Василія Ломоносова, но она родилась, какъ это документально извѣстно, въ 1736 г. [40])—уже отъ третьей жены его Ирины Семеновой.

Итакъ, Василій Дороѳеевичъ вступилъ въ бракъ въ 27—28—лѣтнемъ возрастѣ, по воззрѣніямъ своего времени, болѣе чѣмъ зрѣломъ, и, женясь на сиротѣ, видимо руководился въ своемъ выборѣ не какими либо матеріальными разсчетами, а добрыми нравственными качествами своей невѣсты. Предполагать, однако, что она была грамотной и даже „обладала начитанностью“, какъ это дѣлаютъ проф. А. Березинъ и о. Грандилевскій и др., не только нѣтъ какихъ либо документальныхъ основаній, но и не соотвѣтствовало бы общеизвѣстному факту, что въ то время даже въ священническихъ семьяхъ дѣвочекъ не учили грамотѣ [41]).

Время рожденія Михаила Васильевича съ полною достовѣрностью нужно относить къ 8 ноября 1711 г., какъ это установлено и принято Императорской Академіей Наукъ. Дата эта вполнѣ согласуется съ показаніемъ ревизской сказки, произведенной *въ началѣ 1719 года* въ которой Михаилу Ломоносову обозначено „7“ лѣтъ, сколько ему въ дѣйствительности и было, разъ онъ родился *въ концѣ 1711 года*. Тѣ изъ біографовъ, которые относятъ время рожденія Ломоносова къ 1712 г. очевидно упускаютъ изъ виду указанное обстоятельство и, основываясь на показаніи этой сказки, прямо вычитаютъ цифру „7“ изъ обозначенія года „1719“. Точно также и отнесеніе нѣкоторыми біографами Ломоносова времени рожденія его къ 1715 году можно объяснять тѣмъ недосмотромъ, что въ переписи 1722 г. внесены показанія сказки 1719 г., что и замѣчено, и потому Михаилу Ломоносову обозначено 7 лѣтъ, а не болѣе, какъ бы слѣдовало по времени производства переписи. Болѣе труднымъ является объясненіе первона-

[38]) Въ Арх. епарх. древнехран.
[39]) „Извѣстія Архан. Общ. изуч. Р. С.“ 1910, № 13, стр. 41.
[40]) „Арх. Губ. Вѣд.“ 1868 г.
[41]) По бывшимъ въ нашихъ рукахъ документамъ первой четверти XVIII в., мы встрѣтили въ Холмогорахъ только двухъ грамотныхъ женщинъ—это были: жена Осипа Андр. Баженина—Парасковья—дочь архіерейскаго дьяка Карпа Андреева и вторая жена архіерейскаго же дьяка Даніила Лебедева—Евфросинія, происхожденіе которой намъ неизвѣстно.

чальнаго печатнаго показанія въ „Запискахъ о путешествіи“ академика Лепехина, гдѣ сказано, что „Ломоносовъ родился въ 1709 г.“; можно думать, что показаніе это сдѣлано лишь по памяти, приблизительно, и что, быть можетъ, въ основѣ его лежитъ обозначеніе не года рожденія Михаила Васильевича, а скорѣе—года вступленія въ бракъ отца его Василія Дорофеевича. Что Михаилъ Ломоносовъ родился 8 ноября, или—въ непосредственной близости къ этому дню, на это указываетъ данное ему имя въ честь Архистратига Михаила: изъ сохранившихся метрическихъ книгъ первой четверти XVIII в. видно, что имя новорожденному давалось въ честь того святого, память котораго праздновалась въ самый—или ближайшій къ нему день рожденія младенца [42]).

Соображеніе о. Грандилевскаго, что во время рожденія Ломоносова въ Куростровскомъ приходѣ былъ одинъ священникъ, Алексѣй Ивановъ, и что имъ-то, „при участіи какого то дьячка Сидора Панкратьевича былъ крещенъ Михаилъ Васильевичъ“[43])—противорѣчитъ историческимъ даннымъ. Уже при преосвященномъ Аѳанасіи, какъ видно изъ документовъ, въ Куростровскомъ приходѣ были два священника: Иванъ Кирилловъ (Гоголевъ) и Герасимъ[44]); въ концѣ 90-хъ г.г. XVII столѣтія на мѣсто ихъ тѣмъ же преосвященнымъ были опредѣлены—сынъ перваго Алексѣй Ивановъ и племянникъ Иванъ Дмитріевъ Гоголевы, которые и продолжали служить вмѣстѣ до 30-хъ годовъ XVIII столѣтія. Приходъ у нихъ былъ раздѣленъ на „половины“, при чемъ всѣ Ломоносовы, какъ опять таки это видно изъ документовъ[45]), принадлежали „половинѣ“ священника Ивана Дмитріева, слѣдуетъ думать, поэтому, что и младенецъ Михаилъ Ломоносовъ крещенъ былъ именно этимъ священникомъ. Что касается „дьячка Сидора Панкратьевича“ (Колчина), которому о. Грандилевскій приписываетъ, кромѣ участія въ крещеніи Ломоносова, ученіе Михаила Васильевича „грамотѣ и своему дьячковскому дѣлу и веденіе довольно оригинальныхъ бесѣдъ“ съ нимъ и котораго вообще признаетъ воспитателемъ юности геніальнѣйшаго русскаго ученаго“, обосновавшимъ „въ этой научной звѣздѣ первыя начала лучшихъ знаній и готовность открыть душу къ безконечному совершенствованію“, [46])—то въ бывшихъ въ нашихъ рукахъ документахъ—дьячка съ вышеназванными именемъ, отчествомъ и фамиліей по Куростровскому приходу за время Ломоносова совершенно не значится. Въ документахъ съ 1712 по 1718 г. подписывается дьячокъ Куростровскаго прихода

---

[42]) Напр., въ сохранившейся метрикѣ по Куростровскому приходу за 1724 г. въ отдѣлѣ о родившихся записаны: Иванъ—7 января, Аѳанасій—17 января, три Ѳедора—15 и 16 февраля, Евдокія—28 февраля, Иванъ—18 апрѣля, Ирина—19 апрѣля, Иванъ—9 мая, Никита—14 сентября, Михаилъ—28 сентября, Іаковъ—25 октября, два Михаила—13 ноября; нужно, впрочемъ полагать, что записи дня рожденія здѣсь не совсѣмъ точны.

[43]) „Извѣстія Арханг. Общ. изуч. Р. С.“, 1910 г, № 41, стр. 39 и № 13, стр. 43.

[44]) А еще ранѣе—въ 1678 г. упоминаются Полевктъ Емельяновъ и Иванъ Кириловъ, послѣдній продолжалъ служить, очевидно, и при преосв. Аѳанасіи.

[45]) Духовная роспись по Куростр. прих. за 1719 г.

[46]) „Извѣстія Арханг. Общ. изуч. Р. С.“ 1910, № 13, стр. 43, № 17, стр. 18, 25.

„Семенъ Никитинъ Смолиныхъ", съ 1719 по 1730 г.—„Семенъ Никитинъ Сабельниковъ" при чемъ въ переписи 1723—1724 г. ему обозначено 52 года и сказано, что онъ „бывшій подъякъ преосв. Аѳанасія"; такъ какъ въ числѣ подъяковъ преосв. Аѳанасія въ 90-хъ годахъ былъ лишь Семенъ Никитинъ Смолиныхъ, то мы думаемъ, что „С. Н. Смолиныхъ" и „С. Н. Сабельниковъ" есть одно и тоже лицо: это подтверждаетъ и совершенно одинаковый почеркъ „Смолина" и „Сабельникова". [47]) Дьячекъ Сабельниковъ извѣстенъ и о. Грацилевскому, только онъ называетъ его почему-то „Семенъ Яковлевичъ" и относитъ время служенія его, повидимому, послѣ Ломоносова [48]).

Младенчество и дѣтство будущаго знаменитаго ученаго протекло, конечно, на рукахъ матери: оставляемая мужемъ во время его продолжительныхъ и опасныхъ для жизни поѣздокъ по Бѣлому морю и океану, она сосредоточивала силу своей любви и привязанности на единственномъ сынѣ—малюткѣ, берегла и лелѣяла его, какъ умѣла. Подъ заботливымъ уходомъ любящей матери мальчикъ росъ здоровымъ, смышленымъ, вдумчивымъ; нѣтъ сомнѣнія, что онъ отвѣчалъ ей крѣпкою привязанностью, и ея нерѣдко скорбный образъ глубоко напечатлѣвался въ его дѣтской душѣ. Правда, нѣкоторые біографы Ломоносова указываютъ на то, что онъ нигдѣ не упоминаетъ о своей матери и заключаютъ объ отсутствіи „какихъ бы то ни было слѣдовъ ея образа въ душѣ впечатлительнаго ребенка"; объясняя это тѣмъ, что „онъ лишился ея въ нѣжномъ возрастѣ",—что „она скоро умерла" [49]). Но Елена Ивановна скончалась не такъ „рано", какъ это обыкновенно предполагаютъ: въ 1719 г., какъ видно изъ духовной росписи по Куростровскому приходу за этотъ годъ, она была жива и вмѣстѣ съ мужемъ исполняла христіанскій долгъ исповѣди и святого причащенія. Точной даты о времени кончины ея не имѣется, но если предположить, что она умерла во второй половинѣ того же 1719 года, а тѣмъ болѣе—въ 1720 г., то въ такомъ случаѣ Михаилу Васильевичу было тогда около 8—9 лѣтъ,—возрастъ достаточный, чтобы имѣть представленіе и память о родной, любимой матери. Что же касается того, что Ломоносовъ нигдѣ въ своихъ сочиненіяхъ не упоминаетъ о своей матери, то это обстоятельство представляется намъ вполнѣ объяснимымъ. Прежде всего нужно сказать, что Михаилъ Васильевичъ въ свои ученыя сочиненія не вносилъ, да и не имѣлъ поводовъ вносить, какихъ либо конкретныхъ воспоминаній о своей дѣтской жизни на родинѣ: сочиненія эти имѣютъ предметомъ своимъ такія области мысли и знанія, которыя не имѣли никакого соприкосновенія съ его дѣтской жизнью въ семьѣ. Поэтому, если нѣтъ въ нихъ какихъ либо воспоминаній о матери, при которой онъ жилъ до 8-лѣтняго возраста, то нѣтъ конкретныхъ воспоминаній и объ отцѣ, съ которымъ онъ жилъ до 19 лѣтъ,

[47]) Документы въ Арханг. епарх. древнехр. Возможно, что родовую фамилію „Смолиныхъ" онъ смѣнилъ на личную—„Сабельниковъ" при переписи въ 1719 г.
[48]) „Изв. Арх. Общ. изуч. Р. Сѣв." 1910 г., № 17, стр. 25.
[49]) А. Сосницкій op. cit., стр. 2., Ист.-русск. лит. подъ ред. проф. А. Бороздина. т. I, 1910 г. Москва, стр. 360.

дѣлилъ труды и опасности его морскихъ путешествій и участіе въ мѣстной общественно-приходской жизни; нѣтъ и вообще воспоминаній о родственникахъ. Нѣсколько воспоминаній объ отцѣ и мачехѣ—и то по особымъ обстоятельствамъ—онъ внесъ только въ письма къ своему вельможному покровителю И. И. Шувалову; что же касается матери, то Ломоносову, по неграмотности его отца, не съ кѣмъ и не для чего было дѣлиться воспоминаніями о ней, лично для него лишь дорогими и умилительными. Когда—въ 1749 г.—у Михаила Васильевича—уже ученаго профессора и академика—родилась его единственная дочь, то онъ не преминулъ ей дать имя Елены, столь дорогое ему по воспоминаніямъ дѣтства, и потому едва ли будетъ ошибкою видѣть въ этомъ обстоятельствѣ отзвукъ хранимыхъ имъ воспоминаній...

Послѣ смерти матери Михаила Васильевича, Елены Ивановны, отецъ его женился вторично на дочери „крестьянина Троицкой Ухтостровской волости“ Ѳеодорѣ Михайловнѣ Узкой. Пользуясь выраженіемъ Ломоносова, что онъ имѣлъ „злую и завистливую мачеху“, біографы его, не задумываясь, не только относятъ эти слова къ лицу второй жены Василія Дороѳеевича, но и не скупятся въ выраженіяхъ, чтобы усилить ихъ смыслъ. „Вскорѣ послѣ смерти первой жены“, говоритъ одинъ изъ нихъ, „отецъ Ломоносова женился на второй, крайне злой и придирчивой женщинѣ“... [50]) „Ломоносова“, говоритъ другой, „поѣдомъ ѣла злая мачеха, которую, по смерти Елены Ивановны, отецъ ввелъ въ свой домъ“ [51]); о. Грандилевскій повѣтствуетъ, „что она имѣла отвратительный характеръ“ и была „загрубѣлой во злѣ бабой“. [52]) Даже въ первоначально собранныхъ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ академику Лепехину, говорится, что „когда мать Ломоносова умерла, то отецъ его женился на другой женѣ, которая была можетъ быть причиною, побудившею его оставить домъ отца своего и искать себѣ счастья въ другихъ мѣстахъ“ [53]). Между тѣмъ, во всѣхъ подобнаго рода отзывахъ о второй женѣ Василія Дороѳеевича кроется недоразумѣніе, и по историческимъ соображеніямъ они не могутъ быть къ ней приложимы; во всякомъ случаѣ, совершенно нельзя предполагать, что она была причиною ухода Михаила Васильевича изъ родительскаго дома. Дѣло въ томъ, что, какъ свидѣтельствуетъ подлинная метрическая запись по Куростровскому приходу, вторая „жена Василія Ломоносова, Ѳеодора, умерла 14-го іюня 1724 года“ [54]), т. е. за 6½ лѣтъ до ухода своего пасынка въ Москву. Такъ какъ, затѣмъ, по ходу мыслей письма Ломоносова къ Шувалову, гдѣ онъ называетъ свою мачеху „злою и завистливою“ и говоритъ, что она всячески старалась произвести гнѣвъ въ его отцѣ“ [55]), можно видѣть, что злоба этой мачехи дѣйствительно была одною изъ причинъ оставленія имъ

[50]) А. Сосницкій op. cit стр. 2.
[51]) Полевой, Ист. русс. слов 1910 г., М., т. I стр. 502.
[52]) „Изв. Арх. Общ. изуч. Русс. Сѣв.“, 1910 г., № 13, стр. 16.
[53]) Лепехинъ, op. cit, стр. 300.
[54]) Документъ—въ Арханг. епарх. древнехр.
[55]) Письмо Ломоносова къ Шувалову отъ 31 мая 1753 г.

родительскаго дома, то очевидно, что рѣчь идетъ не о второй женѣ Василія Ломоносова и не о первой мачехѣ его сына, смѣнившей родную мать послѣдняго. А если такъ, то Ѳеодора Михайловна должна быть освобождена отъ тѣхъ жесткихъ отзывовъ, которые высказывались до сего времени біографами Ломоносова по ея адресу: жизнь ея въ семьѣ Ломоносова по своей кратковременности и малозамѣтности, видимо, не оставила какихъ либо слѣдовъ въ воспоминаніяхъ Михаила Васильевича, и потому онъ говоритъ объ одной своей мачехѣ, тогда какъ у него ихъ было двѣ.

Чрезъ четыре мѣсяца послѣ смерти второй жены, отецъ Ломоносова—11 октября 1724 г. вступилъ въ третій бракъ со вдовою, какъ сказано въ метрической записи, Приною Семеновою,—дочерью крестьянина Николаевской Матигорской волости, Семена Корельскаго, какъ значится въ запискахъ Лепехина. Вотъ эта-то женщина, вѣроятно, пожилая и черствая, и была тою „злою и завистливою мачехою“, о которой Михаилъ Васильевичъ вспоминалъ, что она „всячески старалась произвести гнѣвъ въ его отцѣ“, представляя, что будущій знаменитый ученый „всегда сидитъ по пустому за книгами“. Поэтому онъ „многократно принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ и терпѣть стужу и голодъ, пока ушелъ въ Спасскія школы“. Это воспоминаніе Ломоносова показываетъ, что время, когда онъ, выучившись грамотѣ, сталъ съ особеннымъ стараніемъ „читать и учиться чему возможно было“ на родинѣ, было уже при второй его мачехѣ, т. е. на 14 году его жизни. Съ указаннымъ опредѣленіемъ будетъ согласоваться и сообщеніе первоначальныхъ изысканій, что „Михайло Васильевичъ, не учась еще россійской грамотѣ, ходилъ неоднократно съ отцомъ своимъ въ море“, куда отецъ могъ брать его лѣтъ съ 10—11, и—даже то, что „въ одно время отецъ его сговорилъ было въ Колѣ у неподлаго человѣка взять за него дочерь“... Вѣроятно Ломоносовъ, вслѣдствіе высокаго роста и физическаго развитія, казался старше своихъ лѣтъ, „однако онъ тутъ жениться не похотѣлъ“, говорится далѣе въ сообщеніи, „притворилъ себѣ болѣзнь и потому того совершено не было“... Намѣреніе отца женить Михаила Васильевича или по крайней мѣрѣ „сговорить“ ему невѣсту, въ столь раннемъ возрастѣ, ради того, конечно, чтобы имѣть работницу въ домѣ—вѣроятно, это и было послѣ смерти второй жены Василія Дороѳеевича—осенью 1724 г.—не являлось необычнымъ въ то время. Уже въ концѣ своей жизни—въ 1761 г., Ломоносовъ, разбирая свои сочиненія и найдя „старыя записки своихъ мыслей, простирающихся къ приращенію общей пользы“, составилъ на основаніи ихъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ разсужденій—„О размноженіи и сохраненіи россійскаго народа“, поднесенное имъ въ видѣ „письма“ И. И. Шувалову въ день рожденія послѣдняго. Въ числѣ причинъ умаленія народонаселенія Ломоносовъ ставитъ въ этомъ разсужденіи на первомъ мѣстѣ—браки между лицами несоотвѣтствующихъ лѣтъ и говоритъ, что при немъ почти вездѣ по деревнямъ выдавались взрос-

лыя дѣвки за несовершеннолѣтнихъ парней. Приписывая такому обычаю, кромѣ естественнаго вреда и препятствія къ размноженію, происхожденіе многихъ пороковъ, унижающихъ человѣческое достоинство, и высказавъ свое мнѣніе о соотвѣтствующихъ лѣтахъ жениха и невѣсты, знаменитый ученый продолжаетъ: „хотя-жъ по деревнямъ и показываютъ причины, что женятъ малыхъ ребятъ для работницъ, однако все пустошь, затѣмъ, что если кто семью малую .. имѣетъ, тотъ наймуй работниковъ“ и проч. [56]) Какъ видно, намѣреніе отца женить Михаила Васильевича въ раннемъ возрастѣ произвело на него столь тягостное впечатлѣніе, что онъ не только тогда „притворилъ себѣ болѣзнь“ но и до конца жизни не могъ забыть этого обстоятельства.

Въ то время, какъ отецъ Михаила Васильевича, удрученный смертью и второй своей жены, возымѣлъ намѣреніе для практическихъ цѣлей и по примѣру другихъ женить своего несовершеннолѣтняго, но единственнаго сына, мысль будущаго академика работала совсѣмъ въ другомъ направленіи. Смерть матери, къ которой онъ началъ относиться съ сознательною любовью, была для него тяжелымъ ударомъ, а вступленіе въ ихъ семью новой хозяйки, чужой ему по крови, сдѣлали для него почти чужимъ и родной домъ. Часто, вѣроятно, уходилъ онъ на погостъ, который находился всего въ 150 саженяхъ отъ его дома, молился на могилѣ матери, ходилъ въ церковь, гдѣ служба совершалась каждый день—такъ какъ причтъ былъ двухклирный, вслушивался въ чтеніе и пѣніе и хотѣлъ бы, по примѣру другихъ своихъ сверстниковъ, самъ принять участіе на клиросѣ. А во время своихъ поѣздокъ съ отцомъ отъ сочувственнаго вниманія религіозно настроеннаго, впечатлительнаго, даровитаго юноши не могло ускользать, какъ возбуждено было религіозное сознаніе насельниковъ Поморья, какъ всюду разсуждали о старой и новой вѣрѣ, читали и переписывали старыя книги и на нихъ ссылались въ защиту стараго уклада мысли и жизни. И вотъ „какъ пришелъ онъ съ моря (по внѣшнему виду) уже взрослый, вознамѣрился учиться россійской грамотѣ и обучилъ его „оной той-же Куростровской волости крестьянинъ Иванъ Шубной, отецъ Ѳедоту Ивановичу Шубину, который нынѣ (въ 1788 г.) при академіи художествъ“.

Нѣкто Прокопій Ивановъ въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1868 г. (№ 21) сообщаетъ, что Ѳедотъ Ивановичъ Шубный „былъ третій сынъ Ивана Аѳанасьевича Шубнаго“, родившійся „въ 1740 г.“, что „самъ Иванъ Аѳанасьевичъ былъ плохой грамотей, но выучилъ чтенію и письму М. В. Ломоносова“ и что скончался онъ „въ 1759 г.“ Фамилія Шубныхъ, какъ видно по документамъ, была чрезвычайно распространена въ Куростровскомъ, Ровдогорскомъ и другихъ сосѣднихъ приходахъ, при чемъ въ Куростровѣ по духовной росписи за 1719 г. значатся два Ивана Аѳанасьевича Шубныхъ: одинъ женатый, имѣвшій женатаго же сына Сергѣя, другой неженатый, записан-

[56]) Избр. соч. Ломоносова, изд. А. Суворина, 1882 г. стр. 162—164.

ный лишь съ матерью своею Евфимією. Первый—несомнѣнно—имѣлъ въ 1719 г. не менѣе 40 лѣтъ и родился, слѣдовательно, не позже 1679 г.; умеръ онъ въ концѣ 20-хъ годовъ XVIII столѣтія, какъ видно изъ другого документа, гдѣ—въ 1730 г.—жена его названа вдовою „бывшаго Ивана Шубнаго“ [57]). Будучи такимъ образомъ не менѣе, какъ на 32 года старше Михаила Ломоносова и имѣя женатыхъ сыновей, относительно которыхъ нѣтъ указаній, чтобъ они были грамотны,—не онъ конечно, „обучилъ грамотѣ“ будущаго академика. Это обстоятельство нужно приписать второму Ивану Шубину, вѣроятно, сыну, того „Офонасья Нв. Шубныхъ“, который въ 1702 и 1709 г. ссудилъ Лукѣ Леонтьевичу Ломоносову въ первый разъ 20 рублей, а во второй—10 руб.; а въ 1714 г., на „зговорномъ письмѣ“ по продажѣ Лукой Леонтьевымъ и Василіемъ Дорофеевымъ Ломоносовыми принадлежавшей имъ „ложки сѣнныхъ покосовъ на Микифорковѣ“ Иванъ Шубный подписался „послухомъ“. Видимо, семейство этихъ Шубныхъ было въ близкихъ, можетъ быть даже родственныхъ отношеніяхъ съ Ломоносовыми. Самая подпись Ивана Шубнаго на упомянутомъ „зговорномъ письмѣ“ 1714 г. изображена такъ: „Послухъ Іванъ Шубной у сего письма былъ і въ томъ руку приложилъ“; но нужно замѣтить, что, судя по почерку, старательно выведенному, этому „послуху“ нельзя дать болѣе 9—10 лѣтъ. Въ то время такое раннее выступленіе грамотныхъ мальчиковъ не было необычнымъ: мы уже говорили, что закладную кабалу Луки Ломоносова въ 1702 г. въ 20 руб. подписалъ „внукъ его Никита Ѳедоровъ“, которому въ то время не могло быть болѣе 13—14 лѣтъ. Такимъ образомъ, упомянутый „послухъ Іванъ Шубной“ родился по нашему предположенію въ 1704 г.—1705 г., былъ на 6—7 лѣтъ старше Михаила Ломоносова и при близкихъ отношеніяхъ между ихъ семействами легко могъ обучить жаждавшаго постигнуть грамоту будущаго академика. Намъ неизвѣстно, на какомъ основаніи г. Ивановъ говоритъ, что учившій Ломоносова грамотѣ Нв. Аѳ. Шубный „былъ плохой грамотей“: если онъ имѣлъ въ виду лишь подпись его подъ „зговорнымъ письмомъ“ 1714 г., на основаніи которой и Н. А. Голубцовъ, напечатавшій „фамильныя бумаги Ломоносовыхъ“, находящіяся въ Архангельскомъ городскомъ музеѣ, замѣтилъ, что „самъ Шубный писалъ крайне плохо“ [58]), то эти отзывы намъ кажутся необоснованными. Дѣло въ томъ, что, по нашему мнѣнію, указанная подпись принадлежитъ не больше какъ 10-лѣтнему Шубному, и она—на нашъ взглядъ—сдѣлана старательно, крупно и четко; поэтому чрезъ 8—9 лѣтъ, когда сталъ у него учиться Ломоносовъ, Шубный могъ быть и—какъ мы увѣрены—былъ уже хорошимъ грамотеемъ и умѣлъ весьма неплохо писать. Подтвержденіе этихъ предположеній можно видѣть въ томъ, что Михаилъ Васильевичъ „обучился (у Шубнаго) въ короткое время совершенно“; конечно успѣхъ этотъ нужно относить главнымъ образомъ къ необычайнымъ дарова-

[57]) Книга записная приходская... 1725 и слѣд. годовъ.
[58]) Записка объ Арханг. гор. публ. музеѣ, 1910 г. прилож. стр. 30.

ніямъ усерднаго юноши; тѣмъ не менѣе здѣсь имѣли мѣсто и знанія учителя: у „плохого грамотея“ едва ли бы „въ короткое время совершенно“ выучился и даровитый ученикъ. Черезъ два года Ломоносовъ „къ удивленію всѣхъ учинился лучшимъ чтецомъ въ приходской своей церкви; большая „охота его до чтенія на клиросѣ и за амвономъ“ (т. е. шестопсалмія за утреней и Апостола за литургіей) и особенно „превосходство произносить читаемое къ мѣсту разстановочно, внятно и притомъ съ особою пріятностью и ломкостью голоса“ возбуждали зависть и недовольство его сверстниковъ. Но Ломоносовъ быстро шелъ впередъ: „охочь былъ читать въ церкви псалмы и каноны и житія святыхъ, напечатанныя въ прологахъ и въ томъ былъ проворенъ; а при томъ имѣлъ у себя природную глубокую память: когда какое житіе или слово прочитаетъ, послѣ пѣнія разсказывалъ сѣдящимъ въ трапезѣ старичкамъ сокращеніе на словахъ обстоятельно“ [59]). Эта въ высшей степени живая и чудная картина ярко рисуетъ предъ нами нравственный обликъ 14—15-лѣтняго Ломоносова, первоначальное направленіе его необыкновенныхъ дарованій и моральныхъ стремленій: она невольно возбуждаетъ крѣпкую симпатію къ этому умному юношѣ и предчувствіе, что онъ будетъ кѣмъ-то особеннымъ, не похожимъ на другихъ. Чтеніе книгъ заинтересовывало его все болѣе и болѣе, умственный горизонтъ расширялся, вопросы знанія увеличивались, онъ старается узнать, нѣтъ ли у кого нибудь еще книгъ и наконецъ получаетъ свѣдѣніе, что имѣются книги въ богатомъ домѣ Дудиныхъ.

Дудины были старинный, состоятельный родъ въ Холмогорахъ; одинъ изъ представителей этого рода—Павелъ Владиміровичъ Дудинъ—въ концѣ XVII вѣка состоялъ священникомъ сначала при Холмогорскомъ соборѣ, а затѣмъ при Николаевской церкви того же города и былъ человѣкъ очень книжный. Составляя свою обширную библіотеку, преосвященный Аѳанасій, архіепископъ Холмогорскій, купилъ нѣсколько книгъ, между прочимъ, и у священника Павла Дудина; таковыя были книги: „Миръ съ Богомъ“, „О красотѣ св. церкви“, „Бесѣды Іоанна Златоуста на дѣянія апостольскія“, его же „Бесѣды на 14 посланій апостола Павла“ и др.[60]). Священникъ Павелъ Дудинъ скончался въ 1695 г.; [61]) дѣти его были также люди книжные: такъ, у сына его Христофора тѣмъ же архіепископомъ были куплены „Поученія Аввы Дороѳея“, „Маргаритъ“ и др.; продавая нѣкоторыя книги, почему либо оказавшіяся излишними, Дудины не только оставляли у себя другія, но и пріобрѣтали новыя. По неизвѣстной намъ причинѣ Христофоръ Павловичъ Дудинъ (о. Грандилевскій называетъ его „Игнатьевичъ“! [62]) съ своимъ семействомъ проживалъ въ Куростровѣ; въ этомъ то семействѣ и удалось Михаилу Васильевичу до-

[59]) Лепехинъ. op. cit. стр. 299—300.
[60]) В. М. Верюжскій, Аѳанасій, архіеп. Холмогорскій, его жизнь и труды, СПБ., 1908 г., стр. 597.
[61]) Синодикъ Николаевской г. Холмогоръ церкви, рукоп. XVII в.
[62]) „Изв. Арх. Общ. изуч. Р. Сѣв.“ 1910 г., № 17, стр. 18.

стать такія книги, которыя онъ впослѣдствіи называлъ „вратами своей учености“; это были „Псалтирь“ Симеона Полоцкаго, „Ариѳметика“ Магницкаго, по мнѣнію нѣкоторыхъ біографовъ еще и „Грамматика“ Смотрицкаго. Одни изъ біографовъ говорятъ, что Ломоносовъ просилъ сначала этихъ книгъ у старика, т. е. у Христофора Дудина, но получилъ рѣшительный отказъ; тогда онъ постарался расположить сыновей старика, дѣлая имъ разныя угожденія и услуги и, наконецъ получилъ просимое. Нелишне при этомъ замѣтить, что Христоферъ Дудинъ, какъ гласитъ метрическая запись, скончался 12 іюня 1724 года (на два дня ранѣе, какъ умерла первая мачеха Ломоносова—Ѳеодора Михайловна), когда самому Михаилу Васильевичу было только 12½ лѣтъ: быть можетъ, конечно, что тогда еще будущій ученый искалъ себѣ книгъ для ученья, но получилъ онъ ихъ гораздо позднѣе и, вѣроятно, не одновременно.

„Псалтирь царя и пророка Давида художествомъ ριѳмотворнымъ —равномѣрно слоги и согласно конечно—... предложенная“ Симеономъ Полоцкимъ и отпечатанная въ Москвѣ въ 1680 году, была, какъ и другія ριѳмованныя сочиненія Полоцкаго „Вертоградъ многоцѣнный“ и „Ριѳмологіонъ“ довольно распространена между грамотными людьми. Всѣ эти книги извѣстны были и въ Холмогорахъ, особенно ученикамъ пѣвческой и подъяческой школы архіепископа Аѳанасія и вообще—грамотной молодежи, которую занимала ριѳмованная рѣчь: въ читлѣ разныхъ подписей на книгѣ хлѣбной раздачи холмогорскаго архіерейскаго дома за 1695—96 г.г. мы встрѣтили и такую изъ „Ριѳмологіона“.

„Орле, восплещи крылы, двоеглавный,
Вознеси скипетръ высокодержавный“.

Увлекательное дѣйствіе произвела, конечно, и на Ломоносова ριѳмованная Псалтирь Полоцкаго: псалмы, читаемые Михаиломъ Васильевичемъ въ церкви „разстановочно и внятно и при томъ съ особою пріятностью и ломкостью голоса“, въ ριѳмованномъ изложеніи Полоцкаго находили живой откликъ въ пробуждавшихся между прочимъ поэтическихъ дарованіяхъ юноши. Новиковъ въ своемъ „Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“ говоритъ—всего 7 лѣтъ спустя послѣ смерти Ломоносова,—что Псалтирь, переложенная въ стихи Симеономъ Полоцкимъ, возбудила въ Михаилѣ Васильевичѣ страстную любовь къ стихотворной формѣ и что сильное желаніе обучиться стихотворству явилось даже главной причиной, побудившей его покинуть отчій домъ и бѣжать въ Москву. Этотъ взглядъ является, можетъ быть, одностороннимъ, тѣмъ не менѣе, несмотря на разнообразіе, широту, можно сказать—всеобъемлемость ученo-литературной дѣятельности Ломоносова, стихотворная форма изложенія разрабатывалась имъ въ теченіе всей его жизни, при чемъ значительная часть поэтическихъ произведеній Михаила Васильевича имѣетъ своимъ предметомъ мотивы религіозные и въ частности—переложеніе псалмовъ. Вообще—„Псалтирь Симеона Полоцкаго была, говоритъ академика,

Ламанскій, долгое время учителемъ и воспитателемъ одного изъ геніальнѣйшихъ людей; Ломоносовъ зачитывался ею, училъ ее наизусть, вникалъ въ каждое ея слово и выраженіе; съ его развитіемъ, которому она много содѣйствовала, росло самое значеніе книги“[63]).

Такое же, если еще не болѣе обширное, значеніе имѣла для Ломоносова и „Ариѳметика“ Магницкаго. Книга эта, изданная въ Москвѣ въ 1703 г. „ради обученія мудролюбивыхъ отроковъ“ и имѣвшая, по свидѣтельству Ламанскаго, нѣсколько сотъ страницъ, представляла изъ себя цѣлую энциклопедію, въ которую входили свѣдѣнія изъ геометріи, физики, географіи, астрономіи, навигаціи и т. п. Всѣ эти свѣдѣнія излагались въ ней примѣнительно къ русскимъ потребностямъ, при чемъ Магницкій говоритъ, что онъ всячески старался, чтобы читатель могъ понимать его безъ учителя, „только усердно да прилежнѣ“. Взглядъ Магницкаго на науки выражается въ его замѣчаніи, что „умъ словесный долженъ упражняться въ познаніи и величаніи Бога“; эту мысль, занимаясь всѣми упомянутыми науками, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ постоянно проводилъ Ломоносовъ въ своихъ трудахъ [64]).

Грамматика Смотрицкаго, изданная въ первый разъ въ Вильнѣ въ 1618 г., а затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ изданій, напечатанная въ Москвѣ въ 1648 г., стояла во главѣ всѣхъ подобнаго рода книгъ. Авторъ, между прочимъ, говоритъ о своемъ трудѣ: „здѣ въ предисловіи вписахомъ къ люботрудне тщатися ходящимъ къ разуму ученья грамматическаго... вину вземъ отъ многихъ св. отецъ житій, яко и сіи духоносніи св. отцы грамматики и прочихъ книгъ философскаго ученія люботрудне во ученье обращахуся и... отъ града во градъ пути шествія ученья ради творяху. Сицевъ образъ любомудріе и намъ оставиша искати“. Грамматика опредѣлялась Смотрицкимъ какъ „извѣстное художество благо глаголати и писати учащее“; въ отдѣлѣ просодіи въ ней излагались правила „метромъ или мѣрою количества стихи слагати“.

Не трудно представить, какой интересъ должны были имѣть для даровитаго юноши, Ломоносова, упомянутыя книги. Мы, впрочемъ, не имѣемъ, къ сожалѣнію, новыхъ какихъ либо данныхъ по этому предмету и пользуемся общеизвѣстными указаніями самого Михаила Васильевича и его біографовъ. „Мачеха“, говоритъ Ломоносовъ о послѣднихъ годахъ своей жизни въ семьѣ, „злая и завистливая, всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда попустому сижу за книгами: для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ и терпѣть стужу и голодъ, пока не ушелъ въ Спасскія школы“. Съ тѣхъ поръ, какъ Ломоносовъ „пріобрѣлъ

---

[63]) Львовичъ—Кострица, op. cit., стр. 12, Полевой, Ист. русс. слов. стр. 563; Березинъ, Ист. русск. лит., 1910 г., стр. 372—376; Избр. соч. Л—ва, изд. Суворина, 1882 г., стр. 1—11; Ламанскій, op. cit., стр. 39—41.

[64]) Ламанскій, op. cit., стр. 41—42.

вышеназванныя книги, онъ просиживалъ надъ ними цѣлые дни", свидѣтельствуютъ, какъ первоначальные, такъ и послѣдующіе его біографы, „не разставался съ ними никогда, носилъ вездѣ съ собою и, непрестанно читая, вытвердилъ ихъ наизусть"[65]).

Въ сохранившейся духовной росписи за 1728 г., въ то время, какъ „Василіи Дороѳеевъ Ломоносовъ и жена его Ирина" записаны исповѣдавшимися и причастившимися, „сынъ ихъ Михайло" значится неисполнившимъ этого долга „по нерадѣнію" [66]): повидимому, увлеченіе книгами доходило у Ломоносова до того, что онъ, прежде благочестиво настроенный, теперь забываетъ свои религіозныя обязанности. Впрочемъ, въ объясненіе указаннаго обстоятельства можно находить и другія причины: почти всѣ біографы Михаила Васильевича повторяютъ извѣстіе, что „12-ти лѣтъ", „на тринадцатомъ году", онъ „былъ увлеченъ въ расколъ, въ безпоповщину", держался онаго два года (по Ламанскому—„неизвѣстно—долго ли"), но скоро позналъ, что заблуждаетъ". Трудно представить себѣ, чтобы Ломоносовъ, только начавши учиться грамотѣ и притомъ у православнаго человѣка, былъ уже вовлеченъ въ расколъ; этому противорѣчитъ и то обстоятельство, что, обучившись грамотѣ „въ короткое время совершенно", онъ „охочь былъ читать въ церкви псалмы и каноны и житія святыхъ и... когда какое житіе или слово прочитаетъ, послѣ нѣкія разсказывалъ сѣдящимъ въ трапезѣ старичкамъ сокращеннѣе"... Такимъ образомъ, обучившагося грамотѣ Ломоносова мы видимъ читающимъ въ церкви и церковной трапезѣ, чего не могло бы быть, если бы онъ въ это время увлеченъ былъ въ расколъ, особенно, въ безпоповщинскій толкъ раскола, который рѣшительно чуждается церкви. Если, поэтому двухлѣтнее увлеченіе Ломоносова расколомъ—историческій фактъ, то его естественнѣе относить къ болѣе позднему времени, чѣмъ къ 12-лѣтнему возрасту Михаила Васильевича, и видѣть подтвержденіе этого въ упомянутой записи исповѣдной книги за 1728 г., когда Ломоносову шелъ 17-й годъ.

Возможно, наконецъ, объяснять вышеуказанное „нерадѣніе" юноши—Ломоносова въ упомянутомъ году и вообще взаимнымъ отчужденіемъ возникшимъ не только между взрослымъ и даровитымъ пасынкомъ и „злой и завистливой" мачехой, но, по паговорамъ ея, и между думающимъ лишь объ ученіи и сидящимъ за книгами сыномъ и „воспитаннымъ въ крайнемъ невѣжествѣ", но дѣятельнымъ отцомъ.

Нельзя сказать, чтобы обстоятельства, окружавшія дѣтство и отрочество Михаила Васильевича, условія его жизни въ семьѣ и воспитаніе были въ какомъ нибудь отношеніи необычны: не онъ одинъ, конечно, въ дѣтствѣ лишился матери и долженъ былъ жить съ мачехой, не онъ одинъ съ отроческихъ лѣтъ началъ совершать дальнія поѣздки по Бѣлому морю и океану, не онъ одинъ видѣлъ разнообразныя картины и явленія сѣверной природы. Но при тѣхъ же са-

[65]) Львовичъ-Кострица, op. cit., стр. 10; Ламанскій. op. cit., стр. 43.
[66]) Въ Арханг. епарх. древнехранилищѣ.

мыхъ условіяхъ въ ихъ совокупности, необыкновенныя дарованія Ломоносова, счастливое сочетаніе въ немъ тихой вдумчивости матери и практической энергіи отца, быстрое и легкое усвоеніе грамоты, усердное и внимательное чтеніе книгъ, расширившихъ его умственный кругозоръ и возбудившихъ жажду знанія, направили мысли, думы и стремленія Михаила Васильевича по необычному пути. Сначала онъ, вѣроятно, отмалчивался на упреки и брань злой и завистливой мачехи, затѣмъ, видя недовольство и отца, уходилъ съ книгами изъ дому „въ уединенныя и пустынныя мѣста, претерпѣвая здѣсь стужу и голодъ“ или къ тѣмъ роднымъ и знакомымъ, у которыхъ надѣялся встрѣтить себѣ отдыхъ, сочувствіе или получить разрѣшеніе занимавшихъ его вопросовъ. Изъ родственниковъ Михаилъ Васильевичъ чаще всего могъ посѣщать домъ старика Луки Ломоносова, гдѣ его не только никто не укорялъ, никто не выражалъ ему своего неудовольствія, но гдѣ онъ могъ находить даже поощреніе своимъ стремленіямъ и пріобрѣтать новыя свѣдѣнія. Сыновей Луки Ломоносова въ это время уже не было въ живыхъ, а единственный внукъ его—Никита Ломоносовъ, выучившійся грамотѣ въ семьѣ дѣда, теперь служилъ, какъ мы уже говорили, въ Архангельской портовой таможнѣ и, стремясь видѣть и знать больше, ѣздилъ даже въ Петербургъ,—„парадизъ“ Преобразователя Россіи. Но что особенно важно, самъ Лука Леонтьевичъ, будучи современникомъ длиннаго ряда государственныхъ и мѣстныхъ событій, могъ разсказывать любознательному юношѣ Ломоносову о многомъ, имъ слышанномъ и видѣнномъ. Особенно интересны могли быть его разсказы по личнымъ воспоминаніямъ о томъ, какъ 28 іюля 1693 г., послѣ долгихъ ожиданій, „объявился отъ Куростровa своими судами великій государь... на семи стругахъ, а великаго государя струг впереди всѣхъ шелъ“...; какъ, затѣмъ, государь былъ встрѣченъ на Холмогорахъ и „шествовалъ съ бояры и со всѣми чиновными людьми чрезъ городъ явнымъ царскимъ лицомъ въ коретѣ“ [67]). Могъ Лука Леонтьевичъ разсказывать, какъ государь былъ въ Вавчугѣ у Баженинныхъ, какъ просто обращался съ народомъ, какъ плавалъ по Бѣлому морю и въ Соловецкій монастырь, какъ собственными руками заложилъ въ Соломбалѣ корабль, какъ едва не погибъ въ Унскихъ Рогахъ и мн. др.

И эти разсказы, видимо, велись Лукой Леонтьевичемъ съ такими добрыми чувствами къ первому царю, посѣтившему Двинской край и Бѣлое море, что не только глубоко запечатлѣлись въ душѣ юнаго слушателя, но, какъ нужно думать, и совершенно измѣнили его взглядъ на Преобразователя Россіи. Если въ качествѣ—раскольника, особенно—безпоповца, Ломоносовъ нѣкоторое время долженъ былъ ненавидѣть Петра I, считать его за антихриста, то затѣмъ, въ дальнѣйшей своей жизни, хотя мало занимался исторіей, не только не упускаетъ случая воспѣть его въ своихъ похвальныхъ одахъ, но пишетъ

---

[67]) Двинск. лѣтоп., изд. А. Титова. 1889 г., стр. 63—64.

особое „Похвальное слово Петру Великому“, посвящаетъ ему героическую поэму „Петръ Великій“, въ которой описываетъ плаваніе Преобразователя по Бѣлому морю, спасеніе отъ бури въ Унской губѣ, прибытіе въ Соловецкій монастырь и бесѣду съ настоятелемъ о расколѣ и т. п. Вмѣсто прежней возможной ненависти, онъ обратился въ другую крайность и доводитъ свое восхваленіе Петра I до обоготворенія; „еще въ Ломоносовѣ-крестьянинѣ зародилась та пламенная любовь къ Петру Великому, говоритъ Ламанскій, которою онъ такъ отличался впослѣдствіи и которая ему нерѣдко мѣшала глядѣть безпристрастно на его обожаемаго героя“.

Мысль передаваемаго о. Грандилевскимъ сказанія, что весьма близкимъ лицомъ—„воспитателемъ юности“ Михаила Васильевича былъ мѣстный дьячекъ, представляется намъ вполнѣ пріемлемою, только дьячкомъ этимъ былъ не миѳическій Сидоръ Панкратьевичъ Колчинъ, а Семенъ Никитичъ Сабельниковъ, какъ мы уже говорили. Самая любовь Ломоносова къ чтенію въ церкви псалмовъ, каноновъ, апостола, житія святыхъ ставила его въ ближайшія отношенія къ мѣстному церковному дьячку, съ дозволенія и указанія котораго Михаилъ Васильевичъ и могъ исполнять свое желаніе, а усердіе и искусство, обнаруживаемое добровольнымъ чтецомъ, не могло не привлекать къ нему расположенія священнослужителей. Сабельниковъ былъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ подъяческой и пѣвческой школы при Холмогорскомъ архіерейскомъ домѣ, составлявшей предметъ особеннаго попеченія архіепископа Аѳанасія, ея учредителя [68]); онъ не только хорошо зналъ свое дѣло, каллиграфически писалъ, но и, какъ видно, былъ человѣкъ начитанный, умѣвшій письменно излагать свои мысли. Его рукой, по крайней мѣрѣ, написано въ 1725 г. обширное (около 10 страницъ)—воззваніе о пожертвованіяхъ на устройство каменнаго храма въ Куростровскомъ приходѣ, помѣщенное въ книгѣ для записи таковыхъ пожертвованій, гдѣ, между прочимъ, говорится, что преосвященный архіепископъ (Варнава) „подъ то церковное зданіе благоволилъ мѣсто осмотрѣть и измѣрити и заложилъ церковь во имя Собора Пресв. Богородицы“ [69]). Обращаетъ на себя вниманіе въ этой книгѣ то обстоятельство, что всѣ поступленія отъ Василія Дороѳеевича Ломоносова записаны рукою Сабельникова: можно, повидимому, заключать, что между ними были дружественныя отношенія, а это обстоятельство, въ свою очередь, явилось бы подтвержденіемъ извѣстія о воспитательномъ вліяніи на развивавшагося Ломоносова такого ученаго по тому времени человѣка, какимъ былъ Сабельниковъ. Товарищъ Ломоносова по академіи наукъ—Штелинъ, говоритъ, между прочимъ,—быть можетъ со словъ самого Михаила Васильевича,—что „священнослужитель, учившій Ломоносова грамотѣ(?), на вопросы его обыкновенно отвѣчалъ ему, что для пріобрѣтенія большаго знанія и учености требуется знать языкъ латинскій, а ему не

[68]) Свѣдѣнія о ней sint sui voluminis.
[69]) Въ Арханг. городск. публ. музеѣ.

индѣ можно научиться, какъ въ Москвѣ, Кіевѣ или Петербургѣ"... Такимъ „священнослужителемъ" могъ быть и дьячекъ Сабельниковъ, какъ учившійся въ Холмогорской архіерейской школѣ, гдѣ уже извѣстна была нѣсколько латынь, по крайней мѣрѣ извѣстенъ былъ латинскій алфавитъ и нѣкоторыя слова, вродѣ „miserere", „Deus"[70]) и др., знаніе которыхъ очень занимало учениковъ, тѣмъ болѣе, что латынь считалась синонимомъ учености. Но, кромѣ того, слѣдуетъ принять во вниманіе еще слѣдующее обстоятельство. Въ 1723 г. при Холмогорскомъ архіерейскомъ домѣ архіепископомъ Варнавою, западно-руссомъ, воспитанникомъ Кіевской академіи и бывшимъ учителемъ Московской славяно-латинской академіи, была учреждена славяно-латинская школа, въ которую забирали священническихъ и причетническихъ дѣтей и обучали ихъ—букварю, грамматикѣ и, между прочимъ, хотя и не сразу, латинскому языку по учебнику Альвара; латинскій языкъ считался высшимъ предметомъ обученія и знанія, признакомъ учености; латинская рѣчь, латинскія фразы, бывшія обычными въ домѣ „ученѣйшаго" архіепископа съ окружавшими его кіевлянами, студентами Кіевской и Московской академій—братьями самого архіепископа—Григоріемъ и Андреемъ, братьями Кольчицкими, Баранкіевичемъ, Кардашевскимъ, Храневичемъ и др., стали вноситься пріѣзжавшими изъ школы дѣтьми и въ дома священнослужителей. Преосвященнымъ Варнавою студентъ Кіевской академіи Алексѣй Баранкіевичъ былъ опредѣленъ священникомъ въ Нижнематигорскій приходъ, а студентъ Ѳедоръ Кардашевскій—въ Курейскій приходъ; по своему образовательному цензу, они, конечно, значительно отличались отъ другихъ своихъ собратій. Все это не могло ускользнуть отъ вниманія жаждавшаго научныхъ знаній Ломоносова. Какъ не принадлежавшій клиру, не значившійся въ составлявшейся по наличію переписи священническихъ и причетническихъ дѣтей, онъ не былъ требованъ и не могъ быть принятъ въ Холмогорскую школу при архіерейскомъ домѣ, поэтому сообщеніе Муравьева, поддержанное П. Ефименкомъ [71]), о томъ, что Ломоносовъ учился въ упомянутой школѣ, является недостовѣрнымъ. Это тѣмъ болѣе можно сказать, что, по свидѣтельству самого Михаила Васильевича, онъ, живя дома, вслѣдствіе наговоровъ мачехи, и неудовольствія отца долженъ „былъ читать и учиться, чему возможно было въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, пока не ушелъ изъ Спасскія школы" въ Москвѣ; очевидно, такимъ образомъ, что въ архіерейской школѣ, гдѣ было общежитіе, онъ не учился. Но—съ другой стороны—страстное стремленіе къ ученію и тяжелыя семейныя условія—постоянное злобствованіе и попреки мачехи за пустое—по ея мнѣнію, сидѣніе за книгами, вынуждавшіе Ломоносова уходить изъ дому, терпѣть холодъ и голодъ, должны были привести Михаила Васильевича къ мысли—оставить родной домъ, теперь сдѣлавшійся

[70]) Расходныя книги Холмог. архіер. дома—въ Арханг. епарх древн.; Лѣт. двинск. изд. А. Титова, стр. 107, 108.

[71]) Арх. Губ. Вѣд. 1869 г. № 5.

чужимъ, и идти учиться латыни въ Москвѣ. Возможно, что такое рѣшеніе создавалось у Ломоносова постепенно. Уже въ 1728 г. онъ, какъ мы указывали, чувствовалъ отчужденіе отъ своихъ домашнихъ даже въ религіозныхъ чувствахъ и, видимо, занятъ былъ какой-то внутренней работой мысли; но прошло еще два года, прежде чѣмъ онъ привелъ свой замыселъ въ исполненіе. Относительно времени ухода Михаила Васильевича въ Москву между біографами его существуетъ также разногласіе: одни, вѣроятно, на основаніи сообщенія Штелина, что Ломоносовъ ушелъ въ Москву на семнадцатомъ году, относятъ это обстоятельство къ 1728 г.; это указаніе, господствовавшее въ старыхъ изданіяхъ біографіи Ломоносова, въ послѣднее время повторено въ „Исторіи русской литературы изд. подъ редакціей проф. А. Березина“ въ 1910 г.; о. Грандилевскій также указываетъ на этотъ годъ. Другіе считаютъ временемъ ухода 1730 годъ; это указаніе, сдѣланное, впрочемъ, не совсѣмъ ясно, еще въ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ академику Лепехину, вполнѣ подтверждается историческими данными и должно быть признано единственно вѣрнымъ. Въ „Тетради порядной каменю, кирпича и дровъ Куростровской церкви церковнаго строителя Ивана Лопаткина“ [72]), заведенной съ 1725 года, находятся двѣ собственноручныя росписки Михаила Ломоносова за подрядчиковъ каменнаго строенія—въ полученіи ими денегъ,—одна, сдѣланная 4 февраля 1726 г., а другая 30 января 1730 года Первая изъ нихъ показываетъ, какъ устойчиво и грамматически правильно писалъ Ломоносовъ въ 15-лѣтнемъ возрастѣ, а вторая, написанная каллиграфически, свидѣтельствуетъ, что въ указанное въ ней время, т. е. 30 января 1730 г., Михаилъ Васильевичъ находился въ Куростровѣ. Уходъ его съ родины произошелъ не ранѣе 7-го декабря 1730 года: въ волостной книгѣ для записи поручителей въ платежѣ податей за отлучившихся имѣется слѣдующая запись: „1730 года, декабря 7 дня отпущенъ Михаилъ Васильевъ Ломоносовъ къ Москвѣ и къ морю до сентября мѣсяца предбудущаго 731 года, а порукою по немъ въ платежѣ подушныхъ денегъ Иванъ Баневъ расписался“.

Итакъ, въ сообщеніи Штелина, которое по излагаемымъ въ немъ подробностямъ не можетъ не обращать на себя вниманія и является лишь нѣсколько спутаннымъ, особенно въ хронологическомъ отношеніи, вѣроятнѣе всего видѣть указаніе на то, что у Ломоносова уже „на семнадцатомъ году“ явилась мысль объ уходѣ съ родины. А такъ какъ эту мысль онъ привелъ въ исполненіе будучи уже девятнадцати лѣтъ отъ роду, то отсюда можно заключить, какъ долго вынашивалъ онъ свое намѣреніе, какихъ, быть можетъ, тяжелыхъ думъ и сердечныхъ тугъ стоило ему привести его въ исполненіе. Правда, населеніе двинскаго края было довольно подвижно и издавна имѣло сообщеніе съ Москвой, при чемъ, напр.: по духовной росписи 1728 г. въ Куростровскомъ приходѣ значатся четыре человѣка (Вас. Леонт.

[72]) Въ Арханг. город. публ. музеѣ.

Пятухинъ, Яковъ Пятухинъ, Вас. Яковл. Пятухинъ и Тих. Ив. Шенинъ) „въ отлученіи на Москвѣ“, одинъ—въ С.-Петербургѣ и одинъ (Степ. Ѳед. Назаровъ) даже „за моремъ“, т. е. заграницей; но это были люди торговые, самостоятельные, денежные, совершавшіе свои поѣздки открыто, для практическихъ цѣлей. Между тѣмъ, Ломоносовъ не имѣлъ своихъ денегъ и не только не надѣялся получить ихъ отъ отца, но долженъ былъ тщательно скрывать отъ него и самое намѣреніе оставить родной домъ, въ которомъ „все довольство“ было нажито „кровавымъ потомъ“ отца, и Михаилъ Васильевичъ являлся единственнымъ его наслѣдникомъ. Уже впослѣдствіи, когда Василій Дороѳеевичъ узналъ, гдѣ находится его сынъ, онъ неоднократно посылалъ къ нему убѣдительныя просьбы вернуться домой, указывая на то, что все нажитое имъ кровавымъ потомъ для единственнаго сына „послѣ его смерти расхитятъ чужіе“.

Итакъ, несмотря на страстное желаніе и принятое рѣшеніе идти въ Москву искать науки, Ломоносовъ долженъ былъ твердо хранить свое намѣреніе въ теченіе быть можетъ двухъ лѣтъ; осторожно разспрашивалъ онъ иногда о Москвѣ людей, бывавшихъ тамъ; кромѣ Пятухиныхъ, таковыми были еще близкіе знакомые Ломоносовыхъ—Бѣлобородовы и Рычковы [73]). Съ 8 ноября 1730 г. Михаилу Ломоносову пошелъ 20-й годъ; время уходило, и надо было на что нибудь рѣшаться; многіе изъ сверстниковъ его вступили уже въ бракъ; „хорошіе тамошніе люди“ предлагали, по его собственному свидѣтельству, и за него „выдать своихъ дочерей“ [74]), но не о томъ думалъ, не тѣмъ былъ занятъ, не къ тому стремился будущій ученый. Въ эти критическія минуты жизни Ломоносову пришла на помощь признанная имъ самимъ за собою „благородная упрямка“,—та рѣшительность и отвага, которыя онъ выработалъ въ себѣ во время нерѣдкой борьбы съ бурями водной стихіи въ морѣ и океанѣ и которыя впослѣдствіи не разъ спасали его въ борьбѣ съ бурями житейскаго моря. По сообщеніямъ, даннымъ академику Лепехину, Михаилъ Васильевичъ, рѣшившись „искать счастья въ другихъ мѣстахъ, взялъ пашпортъ не явнымъ образомъ, (но?) посредствомъ управляющаго тогда въ Холмогорахъ земскія дѣла Ивана Вас. Милюкова“. Кто былъ этотъ Милюковъ, почему къ нему обратился Ломоносовъ за паспортомъ и какъ онъ могъ выдать таковой „неявнымъ образомъ“—документальныхъ свѣдѣній не отыскалось. Что же касается Ивана Банева, который „росписался въ волостной книгѣ порукою по Ломоносовѣ въ платежѣ

---

[73]) Въ „Книгѣ, записной приходной... въ церковное каменное строеніе“ имѣются записи, изъ которыхъ видно, что „вдова Ѳедора Бѣлобородова была на обѣдѣ у Василія Ломоносова“, что „вдова Матрена Бѣлобородова завѣщала на церковное строеніе серебряный крестъ, который проданъ былъ на Москвѣ Василіемъ Рычковымъ“ что „Василій Рычковъ далъ присланныхъ черезъ него отъ Василія Ломоносова 5 руб.“ Фамилія Рычковыхъ была дов. распространенная въ Куростровѣ и въ Ровдогорахъ, было нѣсколько Ивановъ Рычковыхъ: впослѣдствіи—въ 1740 и 1750-хъ годахъ былъ извѣстенъ топографъ Петръ Ив. Рычковъ, состоявшій въ перепискѣ съ Ломоносовымъ и благодарившій его за оказанныя ему милости. „Матеріалы для біографіи Л—ва“ Билярскаго, СПБ. 1865 г., стр. 299.

[74]) Письмо Ломоносова къ Шувалову отъ 10 мая 1753 г

подушныхъ денегъ", то онъ, повидимому, былъ близкій сосѣдъ и хорошій знакомый какъ отца Михаила Васильевича, такъ и дѣда его—Луки Ломоносова. Въ документѣ 1714 года сказано, что проданное Лукою и Васильемъ Ломоносовыми ихъ владѣнье—„пожня сѣнныхъ покосовъ на Микифорковѣ" имѣла „съ нижняго конца" границею„ землю Баневыхъ", а въ 1739 г. Иванъ Баневъ писалъ „по прошенію" Василія Ломоносова продажную запись на пожню послѣдняго, находившуюся „въ Налье острову". Милюковъ и Баневъ так. обр. официально освободили Ломоносова отъ общественныхъ обязанностей на цѣлый годъ и тѣмъ дали ему полную возможность располагать собою; трудно предполагать, чтобы они знали планы и намѣренія будущаго академика и сочувствовали имъ: вѣроятнѣе—они склонились на просьбы молодого Ломоносова въ виду его тяжелаго семейнаго положенія и отпускали его—на зиму „къ Москвѣ" и на лѣто—„къ морю", куда онъ ѣздилъ и обычно съ отцомъ.

Получивъ отпускъ и, выпросивъ у сосѣда своего, Ѳомы Шубнаго китаечное полукафтанье и заимообразно три рубля денегъ, не сказавъ своимъ домашнимъ", но, вѣроятно, простившись съ могилою матери, 19-лѣтній Ломоносовъ отправился въ далекій неизвѣстный путь...

Ѳома Ивановичъ Шубный былъ, по всей вѣроятности, младшій братъ Аѳанасія Ивановича Шубнаго, и поэтому находился, такъ же какъ и этотъ послѣдній, въ близкихъ, можетъ быть, родственныхъ отношеніяхъ съ фамиліей Ломоносовыхъ и былъ также человѣкъ состоятельный: въ 1727 г. онъ проходилъ должность мѣстнаго церковнаго старосты [75]).

И Ѳома Ивановичъ, видимо, посочувствовалъ положенію Ломоносова или по крайней мѣрѣ—внялъ его просьбѣ, но, одолживъ ему заимообразно три рубля, надѣялся, очевидно, получить ихъ обратно отъ умнаго и честнаго юноши или, по крайней мѣрѣ—отъ отца его, славившагося своими достатками.

Почти никто изъ біографовъ Ломоносова не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи привести любопытныя и заслуживающія во многомъ довѣрія подробности отправленія Ломоносова въ путь, излагаемыя Штелинымъ. Изъ селенія его отправлялся въ Москву караванъ съ мерзлою рыбою. „Всячески скрывая свое намѣреніе, по-утру смотрѣлъ (Ломоносовъ), какъ будто изъ одного любопытства на выѣздъ сего каравана. Слѣдующею ночью, когда всѣ въ домѣ отца его спали, надѣвъ двѣ рубашки и нагольный тулупъ, погнался за онымъ вслѣдъ (не позабылъ взять съ собою любезныхъ своихъ книгъ, составлявшихъ тогда всю его библіотеку: грамматику и ариѳметику). На третій день настигъ его въ семидесяти уже верстахъ. Караванный приказчикъ не хотѣлъ прежде (?) взять его съ собою, но, убѣжденъ бывъ просьбою и слезами, чтобъ далъ посмотрѣть ему Москвы, наконецъ, согласился"...

---

[75]) „Книга приходная"... и др. документы.

Въ „Запискахъ о путешествіи академика Лепехина“ обстоятельства пути Ломоносова излагаются нѣсколько иначе: „дошедъ до Антоніево-Сійскаго монастыря, въ разстояніи отъ Холмогоръ по Петербургскому тракту во стѣ (?) верстахъ, (Ломоносовъ) былъ въ оном нѣкоторое время: отправлялъ псаломническую должность; заложилъ тутъ взятое у Ѳомы Шубнаго полукафтанье мужику-емчанину“, т. е. изъ Емецкаго села, которое находится въ 17 верстахъ выше монастыря по Московскому тракту, и „ушелъ оттолѣ въ Москву“.

Намъ болѣе вѣроятнымъ представляется, что Ломоносовъ шелъ въ Москву не одинъ, а именно съ тѣмъ „рыбнымъ караваномъ“, о которомъ упоминается въ извѣстіи Штелина; равнымъ образомъ и исправленіе имъ нѣкоторое время псаломнической должности вѣрнѣе, кажется, понимать такъ, что Михаилъ Васильевичъ, во время не болѣе какъ однодневной остановки съ караваномъ въ Сійскомъ монастырѣ, по прежнему своему усердію и любви къ этому дѣлу, читалъ на клиросѣ „псалмы и каноны“. Очевидно также, что Ломоносовъ убѣдился въ недостаточности взятыхъ имъ на дорогу трехъ рублей и, чтобы пополнить эту сумму, долженъ былъ заложить и то „китаечное полукафтанье“, въ которомъ думалъ принарядиться въ Москвѣ.

И вотъ, будущій „отецъ русской науки и литературы“, геніальный и многосторонній русскій ученый, первый изъ русскихъ членъ С.-Петербургской, Стокгольмской и Болонской Академій Наукъ, извѣстный всему ученому міру, языковѣдъ, поэтъ, ораторъ, „профессоръ химіи“, метеорологъ, географъ, физикъ, историкъ, въ декабрѣ 1730 г., оставивъ родину, домъ отца, могилу матери и все, съ чѣмъ сжился въ теченіе 19 лѣтъ, въ треухѣ, нагольномъ тулупѣ и катаныхъ сапогахъ, съ двумя книжками подъ мышкой шествовалъ за рыбнымъ обозомъ въ Москву, чтобы постигнуть тамъ науку.

„Дома, между тѣмъ“, повѣствуетъ далѣе Штелинъ, „долго его (Ломоносова) искали и, не нашедъ нигдѣ, почитали пропадшимъ до возвращенія обоза по послѣднему зимнему пути; тогда уже узнали, гдѣ онъ и что онъ“. Василій Дороѳеевичъ былъ, конечно, очень удрученъ исчезновеніемъ своего единственнаго сына и, узнавъ, наконецъ, гдѣ онъ находится, посылалъ къ нему трогательныя просьбы о возвращеніи; писали объ этомъ Ломоносову, по его собственному свидѣтельству, и другіе—какъ съ вѣроятностью можно полагать—Баневъ и Шубные.

Оставивъ свою родину, Ломоносовъ никогда не забывалъ о ней: трудясь для науки заграницей и въ Петербургѣ, онъ всегда былъ радъ видѣться съ своими земляками, бесѣдовалъ съ ними о родинѣ, оказывалъ возможную помощь и покровительство, особенно тѣмъ изъ нихъ, которые, по его примѣру, стремились къ образованію и наукѣ; изъ числа таковыхъ, кромѣ Ѳедота Ив. Шубнаго, можно указать еще на Петра Ивановича Рычкова, топографа и металлурга Оренбургска-

го и Астраханскаго края, Петра Іосиф. Дудина, обучавшагося съ 1758 г. „рисовальному художеству и наукамъ“, племянника Ломоносова Михаила Головина и др. [76]).

І. Сибирцевъ.

---

[76]) Матеріалы для біографіи Л—ва Билярскаго, 1865 г., стр. 123, 349, 372, 399; 628; письмо Л-ва къ сестрѣ Маріи Васильевнѣ отъ 2 марта 1765 г.; Полевой. Ист. рус. слов., 1900 г. т. 1, стр. 606 и 610; Ламанскій, op. cit. стр. 56—57.

Перепечатано изъ № 11 „Извѣстій Арх. Общества изученія Русск. Сѣвера“ 1911 г.

Письмо М. В. Ломоносова къ сестрѣ его Маріѣ Васильевнѣ Головиной.

Государыня моя сестрица,
Марья Васильевна!

Здравствуй на множество лѣтъ съ мужемъ и съ дѣтьми! Весьма пріятно мнѣ, что Мишенька[1]) пріѣхалъ въ Санктпетербургъ въ добромъ здоровьѣ и что умѣетъ очень хорошо и исправно читать, также и пишетъ для ребенка нарочито. Съ самаго пріѣзда сдѣлано ему новое французское платье, сшиты рубашки и совсѣмъ одѣтъ съ головы и до ногъ, и волосы убираетъ по-нашему, такъ что его бы на Матигорахъ не узнали. Мнѣ всего удивительнѣе, что онъ не застѣнчивъ, и тотчасъ къ намъ и къ нашему кушанью привыкъ, какъ бы вѣкъ у насъ жилъ. Не показалъ никакого виду, чтобы тосковалъ или плакалъ. Третьяго дня послалъ я его въ школы здѣшней Академіи Наукъ, состоящія подъ моею командою, гдѣ сорокъ человѣкъ дворянскихъ дѣтей и разночинцевъ обучаются и гдѣ онъ жить будетъ и учиться подъ добрымъ смотрѣніемъ, а по праздникамъ и по воскреснымъ днямъ будетъ у меня обѣдать, ужинать и ночевать въ домѣ. Учить его приказано отъ меня латинскому языку, ариѳметикѣ, чисто и хорошенько писать и танцевать. Вчера много вечера былъ я въ школахъ нарочито осмотрѣть, какъ онъ въ общежитіи со школьниками ужинаетъ, и съ кѣмъ живетъ въ одной камерѣ. Повѣрь, сестрица, что я объ немъ стараюсь, какъ долженъ добрый дядя и отецъ крестный. Такъ же хозяйка моя и дочь его любятъ и всѣмъ довольствуютъ. Я не сомнѣваюсь, что онъ чрезъ ученіе счастливъ будетъ, и съ истиннымъ любленіемъ пребываю братъ твой,

Михайло Ломоносовъ

Марта 2 дня 1765 года, изъ Санктпетербурга.

Я часто видаюсь здѣсь съ вашимъ губернаторомъ[2]), и просилъ его по старой своей дружбѣ, чтобы васъ не оставилъ. Въ случаѣ нужды, или еще и безъ нужды, можете его превосходительству поклониться, Евсей Федоровичъ или ты сама. Жена и дочь вамъ кланяются.

(Заимствовано изъ книги „Избранныя сочиненія Ломоносова въ стихахъ и прозѣ“. С.-П.-Б. 1882 г., стр. 134—135).

---

[1]) Михаилъ Евсеевичъ Головинъ—сынъ Марьи Васильевны.

[2]) Архангельскимъ губернаторомъ былъ въ то время генералъ-маіоръ Егоръ Андреевичъ Головцынъ.

Еще одинъ документъ о Ломоносовѣ.

Въ числѣ черновыхъ бумагъ за 1759 г., поступившихъ изъ архива Холмогорскаго собора въ Архангельское епархіальное древнехранилище, имѣется, между прочимъ, „реэстръ, что въ Санктъ-Петербургѣ поднесть"—съ собственноручными поправками архіепископа Варсонофія. Въ этомъ „реэстрѣ" значится:

1) Господину оберъ-прокурору Львову—четверть стяга говяжья вѣсомъ 5 пуд. 15 фун., да двадцать языковъ копченыхъ, двѣ (архіепископъ поправилъ—одну) семги свѣжихъ по полупуду, пять семогъ копченыхъ (архіепископъ прибавилъ одна свѣжая), три семги просольныхъ—двѣ по 35, одна въ 36 ф.

2) Оберъ-секретарю Леванидову—часть говяжья стяга изъ заднихъ, двадцать языковъ копченыхъ, три семги копченыхъ, двѣ просольныхъ по 35 ф., одна свѣжая (архіепископъ зачеркнулъ это).

3) *Ломоносову—часть говядины переднюю, одну копченую семгу.*

4) Регистратору Прокофьеву—говядины часть переднюю да девять языковъ, семги копченой четыре пласти, просольной двѣ (архіепископъ поправилъ одна) семги (поправлено въ) 30 фунт., двѣ по 25 фунт., двѣ-жъ по 22 фунта и того 6 рыбъ.

5) Кописту Соболевскому—семги просольной въ 25 и въ 22 фунта три рыбы, да купить три головы сахару по 4 фунта голову и ему-жъ отдать.

6) Іосифу Дудину—семгу просольную въ 30 фун.

7) Секретарямъ—Сорокину—семгу просольную въ одну (поправлено двѣ) копченую (ныхъ) пласть; Юрьеву—тоже; Остолопову—семгу просольную одну пласть.

Всѣ эти подношенія долженъ былъ сдѣлать архіерейскій „стряпчій".

Въ числѣ чествуемыхъ подношеніями лицъ—чиновниковъ св. синода, которые, очевидно, заправляли дѣлами синода и которыхъ поэтому полезно было чествовать преосв. Варсонофію, мы видимъ въ спискѣ двухъ мѣстныхъ уроженцевъ—знаменитаго ученаго М. В. Ломоносова и богатаго негоціанта І. Дудина. Хотя чествуемы они были слабѣе, чѣмъ чиновники синода, тѣмъ не менѣе самый фактъ чествованія показываетъ, что на родинѣ не теряли изъ виду знаменитаго земляка и что самъ онъ не забывалъ своей родины.

І. Сибирцевъ.

Ода, говоренная при открытіи памятника Михаилу Васильевичу Ломоносову.

Тебя—хвала и слава Россовъ,
Златая лира—дивный Мужъ,
Тебя—премудрый Ломоносовъ!
Желаю пѣть, но и страшусь
Возвысить лиры звукъ нестройный,
Твоихъ достоинствъ недостойный;
Страшусь покой Твой возмутить.
Дѣла Твои—о Пиндаръ славный!
Одинъ Тебѣ лишь геній равный
Достойно можетъ возгласить.

* * *

Но жаромъ Пермеса пылая,
Хочу хоть лирой и простой
Воспѣть Тебя. И такъ витая
Въ странахъ, гдѣ вѣчный миръ, покой,
Приникни слухомъ благосклоннымъ
Къ младымъ струнамъ моимъ нестройнымъ,
И я восторженной душой
Въ лѣта протекши пронесуся,
И сколько силъ во мнѣ потщуся
Воспѣть Тебя передъ Тобой.

* * *

Рожденный въ кущѣ рыболова,
Воспитанный, какъ селянинъ,
Ты мирный житель Куростова
Семнадцать лѣтъ средь рѣкъ, долинъ
Провелъ: то на полѣ съ сохою,
То съ мрежей—съ удой надъ рѣкою,
То средь родительской семьи..
Почасту же отваги полный
Пускался Ты въ морскія волны
На малой рыбаря ладьи.

* * *

И такъ Ты былъ и земледѣтель,
А вмѣстѣ съ симъ и рыболовъ;
Но смертныхъ участи Содѣтель,
Кто правитъ жребіемъ міровъ,
Кто жизнь даетъ и счастье строитъ,
Кто насъ казнитъ и насъ покоитъ,

Твой жребій вдругъ перемѣнилъ,
И мудростью Его строеній
Давно въ Тебѣ присущій Геній
Ожилъ и быстро воспарилъ.

***

Не такъ Язонъ къ руну стремился,
Не такъ его пылала кровь;
Въ Тебѣ жаръ пламеннѣй открылся,
Сильнѣй стремленье и любовь
Къ наукамъ и образованью.
Съ священнымъ чувствомъ упованья
Идешь судьбы своей искать—
Идешь съ восторженной душою!
И вотъ Ты видишь предъ Собою
Москву,—градовъ Россійскихъ мать.

***

Съ моленіемъ простеръ къ ней руки,
Желая тамъ найти пріютъ.—
Въ то время тамъ цвѣли науки—
Онѣ и нынѣ тамъ цвѣтутъ.—
И здѣсь путь новый избираешь,
Свое желанье совершаешь,
Вступивъ съ науками въ союзъ;
Здѣсь самый Фебъ Твой покровитель,
И Ты, бывъ самъ наукъ любитель,
Содѣлался любимцемъ Музъ.

***

Когда же Фебомъ просвѣщенья
Твой пылкій озарился духъ,—
Къ изящному огонь стремленья
Въ Тебѣ воспламенился вдругъ.
И такъ съ Московскаго Парнаса
На крыльяхъ быстраго Пегаса
Летишь въ Германію, въ Мамбургъ.
И здѣсь Твой славный путь начался;
Отсель же славы звукъ промчался
Въ столицу Россовъ—Петербургъ.

***

Какъ солнце пламенно восходитъ,
Красой блистая надъ землей,
Какъ свѣтлый путь оно проходитъ
И лучъ на долъ пуская свой,

Въ растенья всюду жизнь вливаетъ,
Цвѣты изъ почекъ развиваетъ,
Раждаетъ изъ цвѣтовъ плоды;
И устремивъ лучи игривы
На влажны земледѣльцевъ нивы,
Награду зиждетъ за труды.

***

Такъ Ты изъ подъ чужаго неба
На нашемъ небѣ возсіялъ,
Во всемъ величьи—блескѣ Феба,
И Россовъ къ жизни всѣхъ воззвалъ.
Такъ Ты, какъ бы лучи пуская,
Сердца сограждан проникая,
Парнассъ Россійскій просвѣтитель,
Настроилъ по Россійски лиру—
И во услышаніе міру
Себя на лирѣ возвѣстилъ.

***

Твоя златая звучна лира
Воспѣла, Мудрый Аполлонъ!
Сколь Росская красна порфира
И сколько Росскій силенъ тронъ.
Такъ Ты на звонкой лирѣ свѣту
Воспѣлъ Петра—Елисавету,
Воспѣлъ Екатерининъ вѣкъ!
Но гдѣ Ты—Россовъ Просвѣтитель?
Гдѣ тихая Твоя обитель,
Безсмертный славой человѣкъ?

***

Увы! Ты дольный міръ оставилъ,
Средь насъ Тебя, Соотчичъ нѣтъ!
Ты къ міру горнему направилъ
Орлиный быстрый свой полетъ!
И такъ живя надъ облаками
Между свѣтлѣйшими мірами,
Безсмертнымъ духомъ иногда
Конечно въ юдоли взлетаешь,—
Съ высотъ небесныхъ приникаешь,
Какъ лучезарная звѣзда.

***

О житель выспренняго неба,
Слети же нынѣ! и царя

На крыльяхъ легкаго зефира,
Воззри на Сѣверны края,
Гдѣ въ честь Тебѣ, о Незабвенный!
Воздвигнутъ памятникъ священный -
И гдѣ изваянный колоссъ
Твой свѣтлый зракъ изображаетъ;
Пусть сей металлъ напоминаетъ
Вѣкамъ, что Ты живешь для Россъ.

*
* *

Живешь и Ты благословенный,
О Александръ! краса царей!
Монархъ Великій незабвенный,
Достойный сердца олтарей,
Художествъ и наукъ любитель,
Героевъ мудрыхъ Покровитель,
Отечества благій Отецъ!
Твоимъ Монаршимъ повеленьемъ
Почтенъ достойно сей мудрецъ!

*
* *

Приникни съ трона къ звуку лиры
И Ты премудрый Николай!
Краса Россійскія порфиры.
Полночный—хладный Норда край
Подъ сильною Твоей рукою
Цвѣтетъ, Россійскій Геликонъ,
Какъ райскій кринъ, цвѣтетъ Тобою.
Ты Музъ покровъ, Ты ихъ отрада;
Ты ихъ надежда и ограда,
Имъ крѣпкій щитъ—Твой царскій тронъ.

*
* *

Предмѣстникъ Твой приспоблаженный,
Что въ жизни славнаго началъ,
То Ты Монархъ нашъ несравненный
Концомъ желаннымъ увѣнчалъ.
Хвала премудрымъ и священнымъ
Монархамъ вѣчно—незабвеннымъ!
Почтеннымъ гражданамъ хвала!
Что трудъ достойно наградили,
И что безсмертіемъ почли
Достойно памяти дѣла.!

Сія Ода сочинена и произнесена при открытіи памятника М. В. Ломоносову Архангельской Дух. Семинаріи Студентомъ Богословія Николаемъ С. Молчановымъ. Іюня 25 дня 1832 года.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

Сообщилъ І. М. Сибирцевъ.

Ин. отд. № 833.
12 декабря 1911 г.